

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1979

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1982

Редактор

академик

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Рецензенты:

Д. И. Белкин, С. А. Фомичев

В $\frac{4603010101-553}{042(02)-82}$ 504.82, кн. 1.

© Издательство «Наука», 1982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (семнадцатый по общему счету), ставящий своей задачей осветить по возможности полно и всесторонне итоги изучения и популяризации биографии и творческого наследия Пушкина в 1979 г., сохраняет уже ставшую традиционной структуру данного издания. Он, как обычно, состоит из четырех отделов. В первом из них — «Материалы и сообщения» — публикуется статья С. К. Романюка, в которой зарегистрированы упоминания о членах семьи Пушкина, встречающиеся в официальных документах конца XVIII—начала XIX в. и почерпнутые из бумаг Центрального государственного исторического архива г. Москвы, — прежде всего московские адреса семьи Пушкина. Здесь же Ю. М. Лотман сообщает о предпринятом им опыте реконструкции одного из драматических замыслов Пушкина, загадочное заглавие которого давно известно из автографического свидетельства самого поэта. Заключает отдел статья А. П. Толстякова, в которой анализируются и сопоставляются в их совокупности различные (частично известные ранее) свидетельства об участии Пушкина в подготовке сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок» к изданию.

В отделе «Обзоры» продолжается публикация подготовленного В. В. Зайцевой аннотированного указателя пушкиноведческой литературы, опубликованной в юбилейном 1979 г. Здесь же помещены заметки обзорно-библиографического характера, относящиеся к творческой истории сюжета «Сказки о золотом петушке».

В отделе «Заметки» раскрываются различные факты, так или иначе связанные с биографией поэта либо с творческой историей его произведений, или сообщаются новые данные для реального и историко-литературного комментария к ним.

Заключает выпуск «Хроника», в которой читатель найдет сведения о научной работе пушкинских музеев в 1979 г., об открытии новых памятников Пушкину, заседаниях, посвященных памяти поэта в различных концах нашей страны и за рубежом.

Все цитаты из Пушкина в текстах статей и материалов, как и ранее, даются по Полному собранию сочинений (т. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949), если цитируемое издание не оговорено особо. При этом римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы. Дополнительный, XVII том этого издания («Справочный том. Дополнения и исправления. Указатели»), вышедший в 1959 г., цитируется сокращенно: «Справочный том». Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), в особом фонде (ф. 244, оп. 1), даются сокращенно: ПД (т. е. Пушкинский Дом), далее указывается лишь номер автографа, а в случае необходимости соответствующий лист рукописи.

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. К. РОМАНЮК

ПУШКИНЫ В МОСКВЕ В КОНЦЕ XVIII—НАЧАЛЕ XIX в.

(По новым документальным данным)

После выхода в отставку Сергея Львовича 16 сентября 1797 г.¹ и рождения первенца в семье, Ольги, Пушкины переезжают в Москву.² Где они жили в то время, неизвестно. А. Ю. Пушкин вспоминал, что Сергей Львович после переезда «нанял в Москве дом княжен Щербатовых, близ Немецкой слободы»,³ однако документального подтверждения этому не было обнаружено.⁴

¹ См.: История л.-гв. Егерского полка за сто лет. СПб., 1896, Список офицерским чином, с. 1. — С. Л. Пушкин вышел в отставку с чином коллежского асессора, которому соответствовал военный чин майора.

² А. Ю. Пушкин в своих воспоминаниях сообщает, что Сергей Львович вместе с семейством переехал в Москву в 1798 г. См.: Москвитянин, 1852, № 24, декабрь, кн. 2, отд. IV, с. 23 (далее — Москвитянин).

³ См.: там же.

⁴ В письме А. Я. Булгакова к П. А. Вяземскому от 25 февраля 1837 г. сообщается: Сергей Львович «вспоминал, что мы жили некогда на одном дворе в Немецкой слободе, мы [Булгаковы] в нашем, а они [Пушкины] в доме Нероновой (который ныне мой), что покойник Александр Сергеевич родился почти при мне и пр.» (цит. по ст.: Виноградов Л. А. Детские годы Александра Сергеевича Пушкина в Немецкой слободе и у Харитония в огородниках. — В кн.: Пушкин в Москве. Труды общества изучения Московской области. М., 1930, вып. 7, с. 16. Далее — Виноградов). Действительно, рядом со двором Булгаковых в Немецкой слободе находился двор, принадлежавший «малолетней дочери пример-майора Осипа Дмитриевича Миронова Катерине», который был куплен 2 июля 1799 г. Я. И. Булгаковым (см.: ЦГИА г. Москвы, ф. 50, оп. 1, д. 685, л. 35). Возможно, что фамилия владелицы публикатором письма была прочитана неправильно и С. Л. Пушкин вспоминал, что он жил именно в доме Мироновой (ныне ул. Радио, 12), стоявшем рядом с домом Булгакова (ул. Радио, 14). Интересно отметить, что в метрической книге церкви Вознесения, «что на Гороховом поле», к приходу которой принадлежали дома Булгакова и Мироновой, есть такая запись: 10 февраля 1799 года «в доме покойного майора Иосифа Дмитриевича Миронова квартирующий постоем мушкетерского генерал майора Ивелича полку, у майора Сергея Павловича Пушкина родилась дочь Екатерина, крещена того ж февраля 13 числа, восприемником был Артиллерии полковник Алексей Николаевич Озеров,

В Москве в то время жили мать Сергея Львовича — Ольга Васильевна, брат его Василий Львович с женой и сестры Анна и Елизавета. Незадолго перед приходом Сергея Львовича О. В. Пушкина продала свою обширную усадьбу в Троицкой слободе, где она жила долгое время с мужем, Львом Александровичем, и детьми.⁵ Продажа состоялась 2 июля 1797 г. «Покойного артиллерии подполковника Льва Александра сына Пушкина вдова Ольга Васильева» продала действительному статскому советнику Василию Ивановичу Нелидову «крепостной свой двор со всяким в нем каменным и деревянным строением с садом, оранжиреей и во оных со всякими деревьями с прудом и во оном рыбкою» за 19 тысяч рублей.⁶ Вскоре, 7 августа того же года, была заключена на имена Анны и Елизаветы Пушкиных купчая на двор в Огородной слободе.⁷

В московских документах 1799 г. упоминание о С. Л. Пушкине встречается в метрической книге церкви Богоявления в Елохове: «Умре по христианской должности Маиа 3 дня во дворе графини Екатерины Александровны Головкиной жилец ее коллежского асессора Сергея Лвовича Пушкина дворовой ево человек Михаила Степанов, коему от роду 48 [цифра подтерта] лет. Погребен 5 дня (на Лазаревском) кладбищи на Семеновском».⁸ Аналогичная по содержанию запись была повторена в этой же книге 5 мая: «Умре по христианской должности Маиа 5 дня во дворе графини Екатерины Александровны Головкиной у жилца ее коллежского асессора Сергея Лвова Пушкина дворовой ево человек Михаил Степанов, коему от роду 48 лет, погребен того ж дня на Семеновском кладбищи».⁹

На эти записи в метрической книге ссылались как на неопровержимое подтверждение того, что Пушкины перед рождением Александра жили в доме Головкиной.¹⁰ Однако они не являются бесспорным свидетельством этого. Так, в первой записи, за 3 мая, явно говорится о том, что только дворовый С. Л. Пушкина жил в головкинском дворе; вторая же запись хотя и может быть истолкована в том смысле, что у Головкиной живет сам Сергей Львович, но утверждать это все-таки нельзя. Дело в том, что

восприемница была полковница вдова Екатерина Матвеевна Пушкина» (см.: ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 97, л. 104, 104 об.).

⁵ В начале 1790 г. там жили «артиллерии подполковник Лев Александров сын Пушкин 67 [лет], жена ево Ольга Васильева 59, дети их гвардии преображенского полку сержанты Василей Львов 24, Сергей Львов 23, Анна Львова 25, Елисавета Львова 16» (см.: ЦГИА г. Москвы, ф. 203, оп. 747, д. 608, л. 251).

⁶ ЦГИА г. Москвы, ф. 50, оп. 1, д. 478, л. 183.

⁷ Там же, л. 239. — Современный адрес: ул. Грибоедова, 7.

⁸ Там же, ф. 2126, оп. 1, д. 26, л. 197.

⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 26, л. 197 об. — Обе записи впервые были опубликованы (с ошибками) в кн.: Виноградов, с. 21. Исправная публикация: Заверин Л. Где же родился А. С. Пушкин? — Наука и жизнь, 1979, № 6, с. 108.

¹⁰ См., например: Виноградов, с. 22, 23.

передки были случаи жительства дворовых отдельно от своих владельцев — тому есть многочисленные примеры в исповедных и метрических книгах. Так, например, в 1809 г. в приходе Предтеченской церкви близ Новодевичьего монастыря жил «мастеровой дворовой человек Г^{на} Сергея Львовича Пушкина Семен Трофимов»,¹¹ в то время как сам С. Л. Пушкин жил тогда совсем в другом месте. Сами записи тоже могут ввести в заблуждение. Так, 26 марта 1797 г. в метрической книге церкви Богоявления в Елохове было записано, что «во дворе московского купца Василия Федорова Капустина у жилца ево Графа Петра Александровича Румянцова Задунайского у крестьянина ево Терентия Иванова родилась Мария».¹² Судя по этой записи можно заключить, что у купца Капустина в это время жил граф П. А. Румянцев, если забыть, что он умер 8 декабря 1796 г. на Украине. Таким образом, на основании только метрических записей о рождении или смерти дворовых людей нельзя сделать однозначное заключение о самом факте проживания их владельцев в том же месте, и в этом случае свидетельства метрических книг необходимо подтверждать другими документальными источниками.

Следующим свидетельством о пребывании Пушкиных в Москве является известная запись в метрической книге церкви Богоявления, «что в Елохове», о рождении А. С. Пушкина: «[№] 73. 27 [мая]. Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скварцова у жилца ево Моэора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр крещен июня 8 восприемник Граф Артемий Иванович Воронцов кума мать означенного Сергея Пушкина вдова Олга Васильевна Пушкина».¹³ В это время И. В. Скворцов владел в данном приходе большим двором, купленным им 4 октября 1798 г.¹⁴ Он находился на углу современной Малой Почтовой улицы (д. 4) и Госпитальной переулка (д. 1—3).

Тот же А. Ю. Пушкин писал, что, вернувшись в Москву в конце 1799 г. из похода, он не застал Сергея Львовича с семейством, так как «они уехали к отцу своему в Псковскую губернию в село Михайловское».¹⁵ До конца 1800 г. нет никаких упоминаний о пребывании Пушкиных в Москве, и только 4 декабря 1800 г. Сергей Львович подписывается в качестве свидетеля на купчей, заключенной И. В. Скворцовым при продаже им купцам Злобиным своего двора на Немецкой улице.¹⁶ В следующем, 1801 г. Пушкины живут в Москве, в Огородной слободе, в доме

¹¹ ЦГИА г. Москвы, ф. 203, оп. 745, д. 169, л. 551.

¹² Там же, ф. 2126, оп. 1, д. 26, л. 150 об.

¹³ Там же, л. 198.

¹⁴ См.: там же, ф. 50, оп. 1, д. 575, л. 158, 159 об. См. также: Романюк С. Где родился Пушкин? — Московская правда, 1980, 14 сентября.

¹⁵ Москвитянин, с. 23.

¹⁶ См.: ЦГИА г. Москвы, ф. 50, оп. 12, д. 773, л. 95 об. — Впервые сообщено Л. Я. Заверинным на заседании комиссии по истории московских улиц исторической секции Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 9 октября 1979 г.

П. М. Волкова (Чистопрудный бульвар, 7/2). Недалеко от них, в доме надворного советника М. Я. Силина (ул. Чаплыгина, 8), поселилась мать Надежды Осиповны — М. А. Ганнибал.¹⁷ В доме на Чистых прудах родился второй сын — Николай, о чем свидетельствует запись: «27 [марта].¹⁸ В доме подпоручика Петра Михайлова Волкова у жильца его коллежского Ассессора Сергея Львовича Пушкина родился сын Николай, крещен апреля 6го дня, воспитанник был Гвардии карнет Сергей Акимович Мальцов, воспитанница вдова Ольга Васильевна Пушкина».¹⁹ В конце этого же года в метрической книге церкви Харитония в Огородниках есть упоминание, которое, возможно, относится к С. Л. Пушкину: 23 октября «в доме иностранца Крестьяна Иванова Лика у жильца его полковника Сергея Павлова Пушкина служителя его Ивана Иванова родилась дочь Настасья».²⁰ Однако утверждать положительно, что Пушкины жили в доме Лика (ныне Б. Харитоньевский, 10), нельзя.

В этом же году 26 декабря в метрической книге церкви Трех святителей у Красных ворот записано, что «в доме его сиятельства князя Николая Борисовича Юсупова жительство имеющего Господина Коллежского Ассессора Сергея Львовича Пушкина у служителя Архиппа Кириллова родился сын Василий».²¹ Это же сообщение о проживании С. Л. Пушкина в доме Юсупова подтверждается и записью в исповедной книге этой же церкви за 1802 г.²² В доме Юсупова (Б. Харитоньевский пер., 21) в следующем, 1803 г. числятся только дворовые С. Л. Пушкина, но ни он сам, ни члены его семьи в исповедных книгах не упоминаются.²³

В начале 1802 г. С. Л. Пушкин поступает на службу. 9 января этого года Военной коллегии был объявлен именной указ Александра I: «Государь император по представлению генерал-интенданта армии князя Волконского указать соизволил отставных майора Богомолова, коллежского асессора Пушкина и гвардии поручика Цедельмана определить в штат комиссариатской».²⁴

¹⁷ См.: там же, ф. 203, оп. 747, д. 2025, л. 267 об. См. также: Романюк С. Наперсница волшебной старины... — Московская правда, 1980, 27 июля.

¹⁸ На могильном памятнике Николая Пушкина в Вяземах значится дата 26 марта.

¹⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 1083, л. 121.

²⁰ Там же, ф. 203, оп. 745, д. 131, л. 17 об. — Впервые опубликовано В. Гурьяновым в газете «Вечерняя Москва» (1967, 11 марта).

²¹ ЦГИА г. Москвы, ф. 203, оп. 745, д. 131, л. 134 об.

²² См.: ЦГИА г. Москвы, ф. 203, оп. 747, д. 757, л. 297 об., 298; Виноградов, с. 30.

²³ См.: там же, д. 767, л. 155.

²⁴ ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив), ф. 12, оп. 11, д. 2196, л. 1. — В связи с уточненной датой начала службы Сергея Львовича не подтверждается распространенное мнение о том, что он и И. В. Скворцов были в 1799 г. сослуживцами. Последний в 1799 г. служил в Московском почтамте в чине титулярного советника, а 19 марта

С. Л. Пушкину был присвоен чин комиссионера 8-го класса, и он был определен в комиссию Московского комиссариатского депо «для разных поручений».²⁵ В этой должности С. Л. Пушкин прослужил недолго: он уже 11 февраля 1804 г. указом Александра I «по засвидетельствованию начальства и рачительном исполнении должности» получил чин комиссионера 7-го класса.²⁶

В 1803 г. семья Пушкиных появляется в доме А. Л. Санти в той же Огородной слободе Москвы. Первая запись, свидетельствующая о жизни С. Л. Пушкина здесь, находится в метрической книге церкви Харитония в Огородниках: «13 [декабря 1803 г.] в доме Графа Александра Львовича Сантия жильца его полковника Сергея Львовича Пушкина у служителя его Степана Кириллова умре сын Сергей».²⁷ В этом доме (Б. Харитоньевский пер., 8) Пушкины живут по крайней мере до 13 июня 1805 г.²⁸ В доме Санти родился 9 апреля и четвертый ребенок — сын Лев. В метрической книге сообщается, что «в доме Графа Александра Львовича Сантия у живущего по найму подполковника Сергея Львовича Пушкина родился сын Лев, приемник генерал майор Павел Иванович Глебов, приемница Марья Алексеевна Ганибалова».²⁹

В конце 1805 г. Пушкины значатся живущими в доме князя Ф. С. Одоевского в Огородной слободе (М. Козловский пер., 1—3).³⁰ Об этом же доме пишет и А. Ю. Пушкин в своих воспоминаниях.³¹ Последней записью по дому кн. Одоевского является упоминание в метрической книге церкви Харитония 10 июня 1806 г. о рождении сына «живущего по найму подполковника Сергея Львовича Пушкина у служителя его Василия Михайлова».³²

Летом 1806 г. Сергей Львович подает своему начальству рапорт с просьбой отпустить его на месяц в Псковскую губернию. «Тесть мой, Иосиф Абрамович Ганнибал, — пишет он 2 июня, — живущий в дальней своей деревне, не имея никого родных, кроме меня, и в совершенном одиночестве, опасно болен. Он не в силах будучи писать ко мне, просил одного из своих соседей, уведомить меня о его положении и желании его меня увидеть». Просьба

1800 г. был определен в Главную соляную контору. См.: ЦГИА г. Москвы, ф. 4, оп. 10, д. 2002, л. 5.

²⁵ ЦГВИА, ф. 12, оп. 11, д. 2196, л. 2, 2 об.

²⁶ Там же, д. 2811, л. 1.

²⁷ ЦГИА г. Москвы, ф. 203, оп. 745, д. 141, л. 166.

²⁸ См.: Записи в метрической книге церкви Харитония (ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 1083) за 7 марта 1804 г. — л. 160, за 7 июля 1804 г. — л. 164 об., за 18 октября 1804 г. — л. 169, за 13 июня 1805 г. — л. 179.

²⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 1083, л. 180.

³⁰ См.: там же, л. 187 об., запись от 30 декабря 1805 г. — Опубликована Л. Я. Завериным в газ. «Известия» (1980, 24 января).

³¹ Москвитянин, с. 24.

³² ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 1083, л. 202 об.

С. Л. Пушкина была уважена, и его командировали для выяснения «потребности комиссариату холстов» в Псковскую губернию.³³

В следующем, 1807 г. появляется упоминание о С. Л. Пушкине в другом районе Москвы — в приходе церкви Николы в Плотниках, около Арбата: «в доме прихожанины девицы Пелагеи Александровны Вельяминовой у живущего подполковника Сергея Ильича [так] Пушкина крепостного его человека Ивана Матвеева сего мая 26 дня умре дочь»;³⁴ «в доме прихожан девиц Вельяминовых у живущего полковника Сергея Львовича Пушкина у дворового ево крепостного человека Василья Михайлова сего Августа 3 дня родился сын».³⁵ Из этих записей неясно, живет ли действительно пушкинская семья в доме Вельяминовых (ныне Кривоарбатский пер., 9—11), тем более что в исповедной ведомости говорится только о «служителях» С. Л. Пушкина.³⁶

В этом же году Сергей Львович снимает дом М. М. Данилова на Поварской улице (ул. Воровского, 21). Из исповедных ведомостей церкви Бориса и Глеба было известно,³⁷ что в этом доме жили С. Л. Пушкин и его дворовые, в числе которых была и «вдова Ульяна Яковлева», очевидно та самая, первая няня Александра Сергеевича, о которой вспоминала О. С. Павлицева.³⁸ Метрическая книга этой же Борисоглебской церкви подтверждает сведения исповедной ведомости. Так, в записи от 1 апреля 1808 г. говорится, что «в доме Статцкого Советника Михайлы Михайловича Данилова живущаго по найму подполковника Сергея Львовича Пушкина у дворового его человека Харитона Иванова родилась дочь».³⁹ И, наконец, эти же сведения подтверждаются и текстом условия найма дома, заключенного С. Л. Пушкиным 17 сентября 1807 г. сроком на год. Он снимал, как говорилось в подписанном им условии, «деревянный дом, состоящей в Арбатской части, в 1^м квартале под № 67 со всеми к нему принадлежностями, как-то господския покой с разной мебелью и два людския флигели с кухнею и погребом и над ним хлебленным анбаром, каретным сараем и под хоромами для вин выходом».⁴⁰

Возможно, в конце 1808 г., уже после окончания срока найма дома Данилова, Пушкины снимают дом генерал-лейтенанта Сергея Васильевича Неклюдова (М. Бронная ул., 8—16 или 17—19).

³³ См.: ЦГВИА, ф. 12, оп. 11, д. 3358, л. 198, 199. — И. А. Ганнибал умер в селе Михайловском 12 октября 1806 г.

³⁴ ЦГИА г. Москвы, ф. 203, оп. 745, д. 160, л. 244 об.

³⁵ Там же, л. 246.

³⁶ См.: там же, оп. 747, д. 807, л. 476. — Впервые опубликовано в ст.: Ревякин А. И. К биографии А. С. Пушкина. (Из архивных изысканий). — Ученые записки Московского городского педагогического института, 1954, т. 43, вып. 4, с. 138.

³⁷ Ревякин А. И. Указ. соч., с. 138.

³⁸ Летопись Государственного литературного музея. М., 1936, кн. 1, Пушкин, с. 451.

³⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 203, оп. 745, л. 165, л. 79 об., 80.

⁴⁰ Там же, ф. 32, оп. 20, д. 215, л. 36.

Здесь 6 января 1809 г. «у живущего по найму подполковника Сергея Львовича Пушкина родилась дочь Софья, крещена того ж месяца 17 дня, восприемником был бригадир Николай Львович Пушкин, восприемница вдова капитанша Мария Алексеевна Ганнибалова».⁴¹

В историческом архиве г. Москвы было найдено относящееся к этому же году условие найма С. Л. Пушкиным дома, находящегося недалеко от Поварской улицы, в Хлебном переулке, 4. Контракт был заключен 20 августа 1809 г. с майоршей Е. И. Меншиковой; Сергей Львович нанимал на год «собственный ея дом деревянной на каменном фундаменте, состоящей в Арбатской части в 3^м квартале под № 295^м в приходе церкви Симеона Столпника на Арбате в Хлебном переулке и к нему принадлежащая деревянная службы, как-то две избы людския, кухня, каретной сарай, конюшня об 8^{ми} стойлах, погреб с напоребицею з закромами для хлеба».⁴² Однако пока нет оснований категорически утверждать, что Пушкины жили долгое время здесь, ибо никаких иных подтверждений этому не нашлось.

Уже в начале 1810 г. по сведениям исповедной книги церкви Николы чудотворца на Мясницкой в доме купца 2 гильдии Николая Михайловича Птицына «живут подполковник Сергей Львов Пушкин 40 [лет], жена его Надежда Осиповна 33, дети Ольга 12, Александр 10, капитанша вдова Марья Алексеевна Ганнибалова 65». Вместе с ними записаны 18 их «служителей», в числе которых «вдова Улиания Яковлева» и «вдова Ирина Родионова».⁴³

В черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург» А. С. Пушкин писал, вспоминая, как он в первый раз увидел Александра I: «Я стоял с народом на высоком крыльце Николы на Мясницкой» (XI, 239). Эту встречу поэт относит к 1810 г., но по сведениям «Московских ведомостей» Александр I был в Москве с 6 по 12 декабря 1809 г.⁴⁴ Возможно, что Пушкины переселились в дом Н. М. Птицына (ул. Кирова, бывш. Мясницкая, 41) в конце 1809 г., а исповедные ведомости, как обычно, отражали состояние церковного прихода на первую половину года. По дому на Мясницкой есть записи в метрической книге церкви Николы от 23 января («Г. Подполковника Сергея Львовича Пушкина у служителя его Василия Михайлова родился сын Иоанн <...> восприемниками были означенного Г. Пушкина дети сын Алек-

⁴¹ Там же, ф. 203, оп. 745, д. 168, л. 358 об.

⁴² Там же, ф. 32, оп. 26, д. 63, л. 44.

⁴³ Там же, ф. 203, оп. 747, д. 835, л. 450.

⁴⁴ См.: Московские ведомости, 1809, № 98—104. См.: Виноградов, с. 40. — Уже 15 декабря Александр I был в Петербурге, где на следующий день принимал Коленкура (см.: Русский архив, 1890, № 9, с. 10). Соображения Виноградова о том, что Пушкин видел Александра с «высокого крыльца» церкви св. Евла на Мясницкой, ошибочны, так как такого крыльца здание церкви не имело. Кроме того, автору не было известно о проживании семьи Пушкиных около церкви св. Николая.

сандр Сергеев и дочь Ольга Сергеева»⁴⁵), а также от 10 апреля и 28 мая.⁴⁶

В этом же году С. Л. Пушкин получает право ношения «мундира с нашивками, установленного для чиновников Военной коллегии»,⁴⁷ которые были лишены его в 1807 г. Александром I из-за того, что комиссариатское ведомство не выполнило «обязанности своей в снабжении <...> армии». ⁴⁸ Об этом же эпизоде в служебной деятельности С. Л. Пушкина упоминает и П. И. Бартев: «Общей опале подвергся, между другими и разумеется без личной виновности, отец Пушкина Сергей Львович, служивший в комиссариате». ⁴⁹

В 1810 г. Пушкины особенно часто переезжали с одной квартиры на другую. Надежда Осиповна «терпеть не могла заживаться на одном и том же месте и любила менять квартиры», — писал ее внук по воспоминаниям своей матери, Ольги Сергеевны Павлицевой.⁵⁰ Уже 16 июля этого года «в доме коллежского асессора Дмитрия Стефановича Лупандина у живущаго подполковника Сергея Львовича Пушкина родился сын Павел <...> Крещен того месяца 20 числа, восприемниками были Бригадир Николай Львович Пушкин и г-жа подполковница вдова Марья Алексеевна Ганнибалова». ⁵¹ Это событие в пушкинской семье — рождение четвертого сына — произошло в деревянном доме, стоявшем в приходе церкви Успения в Печатниках в Рыбниковом переулке (№ 7).

Еще 6 августа этого же года С. Л. Пушкин упоминается как проживающий в доме Д. С. Лупандина,⁵² но почти через месяц, 12 сентября 1810 г., в метрической книге другой московской церкви — св. Николая, «что на Курьих ножках», — было записано: «Умре в доме подполковника Сергея Львова Пушкина дочь Софья 8 месяцев и погребена в Донском монастыре». ⁵³ 27 декабря того же года была сделана запись о смерти еще одного ребенка:

⁴⁵ ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 612, л. 384.

⁴⁶ См.: там же, л. 388.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 12, оп. 11, д. 4588, л. 66.

⁴⁸ Столетие военного министерства. 1802—1902/ Сост. Ф. П. Шелехов. СПб., 1903, [т. 5], ч. 1, с. 288.

⁴⁹ Русский архив, 1874, кн. 1, стлб. 500.

⁵⁰ Павлицев в Л. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890, с. 9.

⁵¹ ЦГИА г. Москвы, ф. 203, оп. 745, д. 176, л. 576.

⁵² См. запись в метрической книге: там же, л. 568 об.

⁵³ Там же, д. 175, л. 344. — В этой записи обозначен возраст Софьи — 8 месяцев, но это явная ошибка: ей тогда был 1 год и 8 месяцев. См.: Романюк С. 1) Одиннадцатый адрес. — Московская правда, 1980, 30 марта; 2) Ошибка писца. — Московская правда, 1980, 8 июня. — В приходных книгах Донского монастыря было записано уже днем раньше метрической записи: «Приход 1810 го года сентября 11. Дано вкладу по умершем младенце Господина Сергея Львовича Пушкина дочери его Софии за могилу сто рублей» (ЦГИА г. Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 5284, л. 28 и д. 5317, л. 53 об.).

«Умре в доме подполковника Сергея Львова Пушкина сын Павел 5 месяцев и погребен в Донском монастыре».⁵⁴

В этих записях упоминается собственный дом С. Л. Пушкина, однако просмотр архивных документов (окладных и квартирных книг, исповедных ведомостей) не подтвердил, что он владел домом здесь. В приходе Николы, «что на Курьих ножках», С. Л. Пушкин жил и в следующем году; об этом свидетельствуют записи в метрической книге от 15 и 30 мая, 17 июня, 3 и 26 июля 1811 г.,⁵⁵ причем во всех этих записях он назван «живущим» в доме священника. Его небольшой деревянный дом находился на углу Большой Молчановки и Борисоглебского переулка (№ 26/4). Можно предположить, что Александр Пушкин выехал в Петербург для поступления в лицей именно отсюда. Известно, что отъезд состоялся между 16 и 20 июля 1811 г. и что А. С. Пушкин уехал вместе со своим дядей Василием Львовичем и его гражданской женой А. Н. Ворожейкиной.⁵⁶ В связи с этим небезынтересно привести следующий документ, датированный 14 июля 1811 г.

Господину генерал Кригс комиссару и кавалеру
Татищеву
Комиссии московского комиссариатского депо
Р а п о р т.

Член сей Комиссии господин 7го класса Пушкин просит Комиссию об увольнении в Санктпетербург сроком на двадцать восемь дней о чем вашему превосходительству Комиссия имеет честь представить и просит на сие предписания.⁵⁷

Разрешение было дано 17 июля.⁵⁸ В это время на документах, исходящих от комиссии, подписи С. Л. Пушкина нет; она появляется снова лишь 31 августа 1811 г.⁵⁹

В это же время, 28 июля 1811 г., С. Л. Пушкин награждается орденом св. Владимира 4-й степени,⁶⁰ а 25 июня 1812 г. ему на заседании комиссии Московского комиссариатского депо объявляется высочайший указ о производстве его в чин военного советника.⁶¹

⁵⁴ ЦГИА г. Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 5284, л. 345. — Запись о вносе за могилу Павла в приходной книге Донского монастыря была сделана 27 декабря (см.: там же, оп. 1, д. 5284, л. 34 и д. 5317, л. 55).

⁵⁵ См.: там же, д. 179, л. 207 об., 208, 209. — Здесь 15 мая 1811 г. «умре по христианской должности дому священника Василия Иванова, у живущаго в доме ево Гна подполковника Сергея Львовича Пушкина дворовая женка вдова Ульяна Яковлева, коей от роду было 40 лет» (там же, л. 207 об.). Возможно, это была первая няня А. С. Пушкина.

⁵⁶ См.: Цявловский и М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, с. 22, 23.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 12, оп. 11, д. 4839, л. 235.

⁵⁸ См.: там же, л. 236.

⁵⁹ См.: там же, л. 274.

⁶⁰ См.: Придворный Месяцеслов на ... 1826 год, ч. 2, с. 116.

⁶¹ См.: ЦГВИА, ф. 498, оп. 1, д. 204, л. 341 об.

После отъезда Александра в Петербург Пушкины в конце октября 1811 г. нанимают дом А. Я. Булгакова⁶² (ул. Радио, 12—14), и 28 октября этого года «в доме надворного советника Александра Яковлевича Булгакова у живущаго комиссариатского штату кавалера 7 класса Сергея Львовича Пушкина родился сын Михаил <...> крещена [так] 7 дня восприемниками были надворный советник Матфей Михайлов Сонцов и полковница Марья Алексеевна Ганнибалова».⁶³

Пушкины жили у А. Я. Булгакова и в 1812 г., судя по метрическим записям церкви Вознесения «в Гороховом поле» от 8 февраля и 13 мая этого года.⁶⁴ Об этом же пишет и А. Я. Булгаков в письме к брату Константину от 6 мая 1812 г.⁶⁵

Сам Сергей Львович Пушкин продолжал служить в Московском комиссариатском депо, исправно посещая заседания комиссии все дни недели, с понедельника по субботу, с 8 часов утра до 3 часов дня,⁶⁶ отвечая «по денежному отделению бухгалтерии о деньгах и по казначейству в производстве дел»,⁶⁷ что, право же, не слишком согласуется со ставшим уже традиционным представлением о нем как о легкомысленном жуиуре и бонвиване.

Пушкины жили в Москве, по всей вероятности в доме Булгакова, до отъезда их вместе с комиссией Московского комиссариатского депо в Нижний Новгород перед занятием города французами.⁶⁸

⁶² См. письмо А. Я. Булгакова к брату от 31 октября 1811 г.: Русский архив, 1900, № 4, с. 517.

⁶³ ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 98, л. 69, 69 об.

⁶⁴ См.: там же, ф. 203, оп. 745, д. 184, л. 306 об., 310.

⁶⁵ См.: Русский архив, 1900, № 5, с. 20.

⁶⁶ Об этом можно судить по сохранившимся журналам заседаний комиссии за первую половину 1812 г. См.: ЦГВИА, ф. 498, оп. 1, дд. 199—205.

⁶⁷ Там же, д. 201, л. 209.

⁶⁸ С. Л. Пушкин 3 октября 1812 г. подписывается на одном из документов в качестве члена Нижегородской комиссариатской комиссии. См. ЦГВИА, ф. 396, оп. 2, д. 15, л. 59 об.

Ю. М. ЛОТМАН

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПУШКИНСКОГО СЮЖЕТА ОБ ИИСУСЕ

Среди рукописей Пушкина, давно уже вызывавших любопытство исследователей, находится список драматических замыслов, набросанный карандашом на оборотной стороне стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...».¹ Текст этот, крайними датами которого являются 29 июля 1826 г. и 20 октября 1828 г.,² видимо, следует датировать 1826 г., имея, однако, в виду предостерегающее мнение М. П. Алексеева, что «автограф этой записи не позволяет решить с уверенностью, к какому году он относится».³ По крайней мере в Москве в 1826 г. «после достопамятного возвращения» из ссылки, по словам Шевырева, Пушкин делился с ним замыслом драмы «Ромул и Рем», значащейся в интересующем нас списке.⁴ И другие из пьес этого списка назывались в 1826 г. в кругу любителей как задуманные или даже написанные.

Из заглавий, содержащихся в списке, «Моцарт и Сальери», «Д.кон» Жуан», «Влюбленный Бес» легко идентифицируются с известными нам текстами или замыслами Пушкина. Записи «Димитрий и Марина» и «Курбский» М. А. Цявловский связывал с задуманными Пушкиным, по словам Шевырева, драмами «Лжедимитрий» и «Василий Шуйский» или относил к замыслам, о которых «ничего не известно».⁵ Однако, по весьма правдоподобному предположению Б. В. Томашевского, речь идет о двух сценах из

¹ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 276.

² См.: там же.

³ Примечания М. П. Алексеева к «Моцарту и Сальери» в кн.: Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII. Изд. АН СССР «1935» (первоначальный комментированный вариант тома), с. 524. См. также примечания Б. В. Томашевского к «Каменному гостю»: там же, с. 550.

⁴ См.: Москвитянин, 1841, ч. V, № 9, с. 245.

⁵ Рукою Пушкина, с. 278.

«Бориса Годунова», предназначенных для отдельной публикации.⁶ «Беральд Савойский» уже получил достаточное разъяснение,⁷ а сюжет «Ромула и Рема», учитывая легенду и воспоминания Шевырева, представляется в общих контурах ясным. Загадочными остаются записи «Иисус» и «Павел I». Относительно них, по утверждению М. А. Цявловского, «ничего не известно».⁸ Ниже мы попытаемся высказать некоторые предположения относительно возможного характера первого из этих замыслов Пушкина.

Все перечисленные в списке сюжеты, о которых мы можем судить сколь-либо определенно, отличаются острой конфликтностью. В известных нам маленьких трагедиях сюжет строится как антагонистическое столкновение двух героев, носителей противоположных типов сознания, культурных представлений, полярных страстей. Эта конфликтность отражается в заглавиях драм, которые или содержат имена сталкивающихся героев, как «Моцарт и Сальери» (по этому же типу озаглавлен замысел «Ромул и Рем»), или же имеют характер оксюморонов, подчеркивающих внутреннюю конфликтность ситуации, как «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Влюбленный Бес».⁹ Исключение составляют три заглавия: «Иисус», «Беральд Савойский» и «Павел I». Однако знакомство с сюжетом «Беральда Савойского» убеждает нас, что и там в основе лежал конфликт характеров: столкновение императора и Беральда как сюзерена и вассала, неравенство положения которых уравнивается любовным соперничеством, и женских персонажей — Марианны и Кунигунды, общая принадлежность которых к культуре рыцарской эпохи лишь подчеркивает разницу испанского и «северного» темпераментов.

Ключом к реконструкции замысла об Иисусе должно быть предположение о сюжетном антагонисте, которого Пушкин собирался противопоставить главному герою. Только после этого можно будет строить гипотезы об эпизодах биографии Христа, которые могли быть отобраны для драмы. Решение этого вопроса заставляет нас несколько уклониться от темы.

Еще в Лицее Пушкин, вероятно по французской учебной литературе, связал эпоху упадка Рима с именем Петрония, предполагаемого автора «Сатирикона»:

... за дедовским флялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремящей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

(I, 113)

⁶ Томашевский Б. В. Указ. соч., с. 550.

⁷ Рукою Пушкина, с. 497—501.

⁸ Там же, с. 278.

⁹ Об оксюморонных заглавиях у Пушкина см.: Jakobson Roman. La statue dans la symbolique poésie de Pouchkine. — В кн.: Questions de poétique. Paris, 1973, p. 155.

В той же французской огласовке имя Петрония (в одном ряду с Ювеналом, Апулеем, Вольтером и другими сатирическими писателями) упоминается в наброске предисловия к первой главе «Евгения Онегина» (VI, 528). Более детальное знакомство с творчеством римского писателя относится к 1833 г., когда Пушкин берет у А. С. Норова на прочтение подлинный текст «Сатирикона» (XV, 94).¹⁰ Тогда же, видимо, началась работа над отрывком, известным под названием «Повесть из римской жизни» («Цезарь путешествовал...»).¹¹

Знакомство с подлинным текстом «Сатирикона» отразилось не только на исторической концепции повести Пушкина, но и на ее построении: произведение Петрония по форме — Мениппова сатира, сочетание прозы и стихотворных вставок, включение в текст вставных сюжетов. Как увидим, такое построение отразилось на замысле повести «Цезарь путешествовал...». Пушкин не только хотел включить в нее свои подражания Анакреону и Горацию, но и вообще рассматривал сюжет о Петронии и его смерти как своеобразную рамку, в которую должна была быть вставлена широкая картина упадка античного мира и рождения нового.

В основу сюжета о самоубийстве Петрония положен рассказ Тацита, почерпнутый Пушкиным из параллельного латино-французского издания «Анналов».¹² Это XVIII—XIX и отчасти XX главы шестнадцатой книги труда римского историка.¹³ Петроний у Тацита — яркий образ изнеженного сына умирающего века. Это античный денди, Бреммель Древнего Рима, законодатель мод в высшем обществе эпохи Нерона: «*elegantiae arbiter, dum nihil amœnum, et molle affluentia putat, nisi quod ei Petronius approbavisset*».¹⁴ И одновременно он же — беспощадный сатирик, жертва тирании Нерона. Он изящно расстаётся с жизнью, вскрыв себе вены среди беспечной беседы о поэзии. Образ этот привлек внимание Пушкина.

¹⁰ В конце XVII—XVIII в. «Сатирикон» переиздавался неоднократно. Кроме того, имелось издание с параллельным латинским и французским текстами: *Pétrone, latin et français, traduction entière, suivant le manuscrit trouvé à Belgrad en 1688 <...> t. I—II. A Paris, an VII (1799)*. — Пушкин, вероятно, пользовался этим изданием.

¹¹ Об античных влияниях в тексте «Повести из римской жизни» см.: Толстой И. И. Пушкин и античность. — Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1938, т. XIV.

¹² Пушкин пользовался изданием: *Tacite, traduction nouvelle, avec le texte latin en regard; par Dureau de Lamalle, 3-e ed. Paris, MDCCCXVII, t. IV*. — Издание это имелось в его библиотеке. О характере использования его см.: Гельд Г. Г. По поводу замечаний Пушкина на «Анналы» Тацита. — В кн.: Пушкин и его современники. [Пг.], 1923, вып. XXXVI, с. 59—62.

¹³ См.: Амусин И. Д. Пушкин и Тацит. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, вып. VI; Покровский М. М. Пушкин и античность. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939, вып. IV—V, с. 49—51.

¹⁴ *Tacite. Op. cit.*, p. 160.

Написанная Пушкиным часть повести довольно точно следует рассказу Тацита. Однако Тацит не был единственным источником Пушкина в работе над этой повестью. В плане продолжения имеется фраза: «Петроний» приказывает разбить драгоценную чашу» (VIII, 936). Эпизод этот отсутствует у Тацита и сам по себе труднообъясним, но он получает разъяснение из текста Плиния, сообщившего, что Петроний перед самоубийством разбил драгоценную чашу для умащений, завладеть которой мечтал Нерон. На обращение к Плинию намекает также и то, что Пушкин вслед за ним именует Петрония Титом, в то время как Тацит называет его Гаем. Последнее обстоятельство также, вероятно, результат обращения к подлинным сочинениям Петрония, обычным заглавием которых в изданиях XVII—XVIII вв. было: «*Titī Petronii Arbitri equitis romani Satyricon*». Сохранившийся план продолжения дает основание говорить о сложном и исключительно значимом пушкинском замысле. Прежде всего в композицию, построенную по принципу «последних вечеров» Петрония, должны были войти его «рассуждения о падении человека — падении богов — о общем безверии — о предрассудках Нерона» (VIII, 936). Картина духовного опустошения античного мира должна была подкрепляться отрывками из «Сатирикона» («диктует *Satyricon*» — в плане). Неясно, собирался ли Пушкин дать переводы или пересказы произведений Петрония или, что кажется более вероятным, судя по наброскам плана, создать свою стилизацию не дошедших до нас отрывков «Сатирикона».

Следуя композиции «Сатирикона», Пушкин собирался строить рассказ как чередование описаний ночных пиров, включенных в текст стихотворений и обширных вставных эпизодов. Последние в плане обозначены: «начинаются рассказы» (VIII, 936). Можно предположить, что таких вставных эпизодов-рассказов, определяющих всю идейную структуру «Повести из римской жизни», было два. Первый недвусмысленно назван в плане «О Клеопатре — наши рассуждения о том» (VIII, 936). Мысль о соединении сюжетов о Петронии и Клеопатре могла быть подсказана тем, что начиная с XVII в., времени основных находок рукописей и появления ученых комментированных изданий, сложилась традиция включения считавшихся тогда подлинными материалов о Клеопатре в приложения к «Сатирикону».¹⁵ Сюжет этот и его история в пушкинском творчестве хорошо изучены,¹⁶ и это избавляет нас от необходимости подробного его рассмотрения. Однако в ито-

¹⁵ См., например: *Titī Petronii Arbitri e. r. Satyricon, cum Fragmenta nupter Tragurii repeto. Accedunt diversorum poetarum dusus Priarum, Perivigilium Veneris* (...) *Epistolae de Cleopatra et alia nonnulla. Concinnante Michaele Hadrianide. Amstelodami, Typis Joannis Blaeu, MDCLXIX.*

¹⁶ См.: Бонди С. К истории создания «Египетских ночей». — В кн.: Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма. М., 1931, с. 148—205; Томашевский Б. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837). М.; Л., 1961, с. 55—65.

вых работах С. М. Бонди и Б. В. Томашевского отрывок «Повести из римской жизни» не только оказался полностью исключенным из рассмотрения истории данного сюжета, но под это исключение была подведена некая теоретическая база: по мнению С. М. Бонди, в отрывке «Цезарь путешествовал...» «рассказ о Клеопатре и „наши рассуждения о том“ являются лишь незначительной деталью, темой разговора в „первый вечер“ (а второй вечер посвящен уже другой теме...¹⁷)». Поэтому само обсуждение соотношения «Повести из римской жизни» и сюжета о Клеопатре решительно отводится: ввиду «отсутствия непосредственной связи» «мы и не будем его касаться в дальнейшем».¹⁸

Решение вопроса о связи повести о Петронии с кругом интересующих нас тем невозможно без предварительного обсуждения более общей проблемы: каков замысел «Повести из римской жизни», зачем Пушкин писал это произведение?

Отметим вначале, что есть и текстологические, и стилистические, и сюжетные основания предположить, что отрывок текста, публикуемый в составе «Мы проводили вечер на даче...» и начинающийся словами «Темная, знойная ночь объемлет Африканское небо...» (VIII, 422—423), первоначально предназначался для «первой ночи» бесед Петрония. Уже это показывает, что речь идет отнюдь не о «незначительной детали». Однако смысл первого вставного эпизода проясняется лишь в соотнесении со вторым.

Вторая ночь должна была начинаться страшной картиной духовного развала римского мира. Это уже потому интересно, что в эпизоде с Клеопатрой, отделенном от событий «Повести из римской жизни» ровно веком (смерть Петрония произошла в 66 г. н. э., а смерть Клеопатры — в 30 г. до н. э.), Флавий, первый претендент на любовь египетской царицы, суровый воин, обрисован как представитель молодой — грубой и воинственной — римской культуры, контрастирующей с изнеженно-развращенным эллинизмом эпикурейца Критона и самой Клеопатры.

Но жалобы на падение человека и падение богов — лишь трамплин для второго вставного эпизода. После разговоров об «общем безверии» и слов о смерти языческих богов в рукописи плана появляется зачеркнутая позднее помета «Хр.», что естественнее всего расшифровать как «Христос». Это и есть тема «рассуждений» второй ночи. Пушкин зачеркнул имя Христа и обозначил не тему, а рассказчика, вписав: «раб христианин» (VIII, 936). Расшифровка темы рассуждений второй ночи позволяет увидеть в, казалось бы, неоконченном и бесформенном отрывке исключи-

¹⁷ Вопрос, какова эта «другая тема», представляется, видимо, С. М. Бонди настолько незначительным, что он даже не ставит такой проблемы, ограничиваясь красноречивым многоточием.

¹⁸ Бонди С. Указ. соч., с. 151 и 153. — На иной позиции из писавших на эту тему стоит лишь А. А. Ахматова (см.: Ахматова Анна. О Пушкине. Статьи и заметки. Л., 1977, с. 202 и 205), о воззрениях которой будет сказано ниже.

тельную стройность композиции и значительность мысли; картина духовного одичания и полной исчерпанности античной цивилизации соотносится с двумя альтернативными рассказами: в одном воссоздается сконцентрированный образ языческой римско-эллинистической культуры — апофеоз чувственной любви, наслаждения, эпикурейского презрения к смерти и стоического отказа от жизни, в другом — образ новой, наступающей христианской цивилизации и новых истин, проповедуемых рабом.

Высказанному С. М. Бонди предположению о случайности тем ночных бесед противостоит строгая обдуманность всего построения повести. Это проявляется даже в хронологической симметрии действия: эпизод Клеопатры (в конце четвертого десятилетия до н. э., имея пределом 30 г.), эпизод Христа (в 30 г. н. э.), эпизод Петрония (в 66 г. н. э.). Вспомним, что историческое понятие «век» для Пушкина часто ассоциировалось с расстоянием между дедами и внуками, промежутком приблизительно в 60 лет. Между веком старой графини и веком Германна прошло 60 лет. В «Романе в письмах» мы читаем: «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек», «как странно читать в 1829 году роман писанный <в> 775-м» (VIII, 47 и 49—50).

Создается картина поразительной хронологической симметрии в расположении эпизодов: тридцать с небольшим лет между пиром Клеопатры и рождением Иисуса и столько же между его распятием и пиром Петрония. Даты можно еще более уточнить. Время пушкинского эпизода «пир Клеопатры» определяется так: года 31—30 до н. э., совпадающие с битвой при Акциуме, осадой Александрии и гибелью Клеопатры и Антония, можно исключить. Вместе с тем есть основания отнести эпизод ко времени до 35 г., вероятнее всего к 36 г. до н. э. Дело в том, что в раннем варианте стихотворения «Клеопатра» среди претендентов на ночь царицы первым назван «Акила, клевет Помпея смелый» (III, 687). Пушкин в Михайловском зачитывался «Антонием и Клеопатрой» Шекспира — отклики на это чтение встречаются в «Борисе Годунове», в том числе упоминание лука, которым надо потерять глаза, чтобы вызвать притворные слезы, и знаменитые слова о том, что чернь «любить умеет только мертвых» (см. акт I, сцену 2).¹⁹ Под влиянием этого чтения и могло появиться имя Помпея в сюжете о Клеопатре. Но Помпей в «Антонии и Клеопатре» — не Помпей Великий, а его сын Секст, убитый в 35 г. до н. э. У Пушкина нет ни одного случая, чтобы слово «клевет» применялось к стороннику уже умершего.²⁰ Следовательно, появление Акилы на пиру египетской царицы следует отнести ко времени *до смерти* Секста Помпея, вероятнее всего к 36 г. Тогда

¹⁹ Общую постановку проблемы и итоги ее изучения см. в статье М. П. Алексеева в кн.: Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965, с. 176—177.

²⁰ См.: Словарь языка Пушкина. М., 1957, т. 2, с. 325.

два хронологических промежутка с поразительной симметрией составят 63 года.

Однако в таких выкладках по существу нет большой необходимости, хотя они и дают интересные результаты. Пушкин, конечно, не производил хронологических расчетов с карандашом в руках, но он ощущал ритмы истории, и это чувство спонтанно выражалось в симметрии сюжетных эпизодов: 36 г. до н. э.—1 г. н. э. и 30 г. н. э.—66 г. н. э.

Уже этого достаточно, чтобы отказаться от представления о случайности тематики бесед на пирах Петрония. Однако к этому же нас приводят и соображения другого порядка.

Вставной эпизод у Пушкина неизменно является не только формальным приемом сюжетного развития, но и определенным фактором поэтики. На примере ряда построений со вставными эпизодами в текстах Пушкина можно показать, что связь между основным ходом действия и включениями этого рода является законом пушкинской поэтики.

Остановимся в этой связи на «Египетских ночах».

В обширной литературе, посвященной этой повести, господствуют две точки зрения. Первая рассматривает связь «структурного фокуса Клеопатры и структурного фокуса Импровизатора» как условную, «результат некоей агглютинации, „склеенности“». ²¹ Внутренняя связь между двумя планами повести берется под сомнение. Так, автор процитированной выше (и одной из последних по времени) работ об «Египетских ночах», ньюйоркский профессор Л. Ржевский, признавая связь между темой Импровизатора и поэтической вставкой «Поэт идет: открыты вежды...», замечает: «Должен признаться, что до меня эта сопоставительная трактовка Достоевского — мир Клеопатры и мир современный — как-то не доходит, не кажется сколько-нибудь убедительной». ²² Естественным результатом такого представления является вывод о незаконченности повести Пушкина, крайними проявлениями которого становятся опыты разнообразных «окончаний», призванных завершить «Египетские ночи».

Противоположная точка зрения, энергично предложенная Достоевским, утверждает смысл повести не в сюжетных перипетиях и описаниях «таинств ночей» Клеопатры, ²³ а в параллели между двумя духовно умирающими мирами. В этих условиях повесть

²¹ Ржевский Л. Структурная тема «Египетских ночей» А. Пушкина. — В кн.: Alexander Puškin. A Symposium on the 175th Anniversary of His Birth, ed. A. Kodjak, K. Taranovsky. New York, 1976, p. 127.

²² Там же, с. 128.

²³ Относительно «Египетских ночей» Достоевский утверждал, что «развивать и дополнять этот фрагмент в художественном отношении более чем невозможно» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1930, т. XIII, с. 214). Ср. мнение А. А. Ахматовой об отрывке «Цезарь путешествовал» как о совершенно законченном и продуманном произведении (Ахматова Анна. О Пушкине. Статьи и заметки. Л., 1977, с. 205).

Пушкина выступает как законченная, и необходимость продолжений отпадает.

Мнение это было полностью поддержано А. А. Ахматовой, которая, настаивая на параллелизме между эпизодами, посвященными «древней» и «новой» Клеопатре, решительно утверждала, что пушкинская повесть закончена и в продолжении не нуждается. Аналогичную же мысль она высказывала и по отношению к «римской повести». Несмотря на спорность чисто биографических «ключей», подбираемых А. А. Ахматовой к пушкинским текстам, безошибочность ее эстетического чувства бесспорна. Данного примера, как кажется, достаточно, чтобы отвергнуть мысль о том, что вставные эпизоды тематически не связываются у Пушкина с основным сюжетом и являются результатом случайной контаминации отрывков.

Итак, рассказ раба должен интерпретироваться в общем контексте сюжетного замысла повести.

Проведенный анализ раскрывает нам первую существенную грань пушкинского понимания эпохи Иисуса, что позволяет сделать, возвращаясь к началу нашей статьи, и первые предположения о природе задуманного в 1826 г. сюжета. Конечно, мы не можем отождествить замыслы драмы 1826 г. и повести 1833—1835 гг. Однако отрицать сюжетную связь между ними было бы странно. Для нас же важно выяснить, какие проблемы ассоциировались у Пушкина с именем Иисуса.

В основе «маленьких трагедий» лежат конфликты между эпохами и культурами.²⁴ В основе замысла об Иисусе — столкновение эпохи античного язычества и новой христианской цивилизации. Однако можно попытаться извлечь из «Повести из римской жизни» и более конкретные черты замысла. О каких моментах из жизни Христа должен был рассказать раб?

Если предположить, что в центре рассказа раба должен был находиться эпизод тайной вечери, то все построение приобретает еще большую стройность: сюжет организуется тремя пирами — пир Клеопатры, пир Петрония и пир Христа. Во всех трех случаях это пир перед казнью.

С точки зрения параллелизма сцен показательно, что Пушкин ввел отсутствующие у Тацита, бывшего источником всех сведений о смерти Петрония (из Тацита, например, взята деталь об открытых и перевязанных венах, которые Петроний то вскрывает, то вновь завязывает²⁵), мотивы, перекликающиеся с событиями

²⁴ См. об этом: Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, с. 298—318.

²⁵ Ср.: «Он перевязывает рану — и начинаются рассказы» (VIII, 936). «Il se coupa les veines, les referma, les rouvrit à volonté», «incisas venas, ut libitum, obligatas, aperire rursum» (Тасите. Op. cit., p. 161, 160). Эпизод с чашей Пушкин, возможно, заимствовал не непосредственно из Плиния, а из пересказа этой цитаты в биографии Петрония во французско-латинском издании.

последнего дня Христа. Так, у Тацита ничего не говорится о мотиве, который может быть назван «предательство и бегство учеников». В плане же Пушкина обращает на себя внимание запись: «Греч.<еский> фил.<ософ> исчез». Смысл ее, видимо, раскрывается параллелью с поведением Иуды и бегством апостолов. Также не находит соответствия у Тацита эпизод с чашей. Пушкин отверг имеющийся у автора «Анналов» рассказ о том, что Петроний перед смертью сломал свою печать, и ввел из Плиния упоминание о разбитой чаше. Возможно, что это нужно было ему, чтобы ввести рассказ о молении о чаше. Именно эпизод с разбитой чашей мог заставить раба-христианина вспомнить слова Христа: «Можете ли пить чашу, юже азъ имамъ пити <...> чашу убо мою испиета, и крещениемъ, имже азъ крещуся, имаете креститися» (Матф., 20.22—23). Вообще символика чаши жизни и чаши страданий пронизывает последние главы всех четырех Евангелий.

Существенно, что и в «египетском», и в «римском», и в христианском эпизодах речь идет о смерти, по существу добровольно избранной и одновременно жертвенной. Это резко выделяет самое важное для Пушкина — психологию мотивировки, этическое обоснование жертвы. С этим связывается еще одна параллель: в «Повести из римской жизни» большое место, видимо, должны были занимать рассуждения о самоубийстве («рассуждения о роде смерти» — VIII, 936). В уста Петрония Пушкин вкладывает слова: «Читая в поэтах мысли о смерти <...>, мне всегда любопытно знать, как умерли те, которые так сильно поражены были мыслию о смерти (вариант: «которые так часто и так глубоко говорили о смерти»)» (VIII, 936). Сходную мысль во многих вариациях Пушкин мог встретить в писаниях весьма занимавшего его и перечитываемого им в эти годы Радищева: «Я всегда с величайшим удовольствием читал размышления стоящих на воскраии гроба, на праге вечности, и, соображая причину их кончины и побуждения, ими же вождаемы были, почерпал многое, что мне в другом месте находить не удавалось».²⁶ Радищев неоднократно подчеркивал свой интерес к душевным переживаниям «умирающего на лобном месте или отъемлющего у себя жизнь насильственно»: «Случается и много имеем примеров в повествованиях, что человек, коему возвещают, что умереть ему должно, с презрением и нетрепетно взирает на шествующую к нему смерть во сретение. Много видали и видим людей отъемлющих самих у себя жизнь мужественно».²⁷ Радищев ищет «примеров в повествованиях», пушкинский Петроний с любопытством читает «в поэтах мысли о смерти». Пушкина интересовало самоубийство Радищева, и он, видимо, еще в 1819 г. расспрашивал Карамзина о вероятных мотивах этого нашумевшего в свое время

²⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941, т. II, с. 97.

²⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. I, с. 183—184.

поступка.²⁸ Пушкин внимательно читал Радищева, в философии которого для него был «виден ученик Гельвеция» (XII, 35). Радищев был для Пушкина человек века, в котором «отразилась вся французская философия» XVIII столетия. Между римским патрицием, с изысканной скептицизмом вскрывающим себе вены по приказу Нерона, и философом, впитавшим в себя «скептицизм Вольтера, филантропизм Руссо, политический цинизм Дидроta и Рейналя» (XII, 36) и пьющим яд, чтобы избежать новой ссылки в Сибирь, Пушкин усматривал, может быть, странное для нас родство. Радищев был для него во второй половине 1830-х гг. не человеком, начинающим новую эру, а порождением умирающей эпохи. Восемнадцатый век был для него таким же «великим концом», как и первый век нашей эры, завершением огромного исторического цикла. Вкладывая в уста Петрония перифразу мыслей Радищева, Пушкин раскрывал свой глубинный ход размышлений.

Мы видели, что сопоставление, которое проводил Достоевский между пушкинскими персонажами, взятыми из эпохи конца античного мира, и европеизированным петербургским обществом, представляется Л. Ржевскому натянутым. Однако соображения Достоевского можно укрепить (одновременно проясняя и пушкинскую концепцию) указанием на ту последовательность, с которой Пушкин придает своему Петронию черты онегинского типа или — шире — черты «современного человека» типа Адольфа: «В разговорах с ним почерпал я знание света <i>и</i> людей, известных мне более по умозрениям божественного Платона, нежели по собственному опыту. — Его суждения обыкновенно были быстры и верны. Равнодушие ко всему избавляло его от пристрастия, а искренность в отношении к самому себе делала его проникательным. Жизнь не могла представить ему ничего нового; он изведal все наслаждения; чувства его дремали, притупленные привычкою. — Но ум его хранил удивительную свежесть» (VIII, 388). Перенесению Клеопатры в Петербург соответствовала возможность попытки перемещения онегинского героя в античность.

Введение такого персонажа, как раб христианин, меняло атмосферу предсмертных вечеров Петрония. У Тацита она была очерчена точно: «Разговаривая с друзьями, он не касался важных предметов <...> И от друзей он также не слышал рассуждений о бессмертии души или мнений философов, но они пели ему шуточные песни и читали легкомысленные стихи».²⁹ Если вспомнить,

²⁸ См.: Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819—1822). — В кн.: Пушкин и его время. Исследования и материалы. Л., 1962, вып. I, с. 48 и след.

²⁹ Корнелий Тацит. Соч. в двух томах. Л., 1970, т. I, с. 320. — Замена образа Христа рабом рассказчиком глубоко неслучайна: к началу 1830-х гг. Пушкин уже неоднократно использовал прием введения наивного повествователя. И в повести о восстании Черниговского полка, и в «Истории села Горюхина», и в «Капитанской дочке» этот прием одновременно позволял обойти цензурные трудности (а тема Христа была столь же запретной с точки зрения духовной цензуры, сколь декабрист-

что при этом Петроний то снимал, то вновь надевал повязки, постепенно истекая кровью, то перед нами возникнет выразительный портрет вольнодумца *fin de siècle*. Этой «антисократической» (ср. подчеркнутый отказ от разговоров о бессмертии души) смерти мог быть резко противопоставлен рассказ о последнем ужине Христа. Все три эпизода как бы выстраивали в один ряд три контрастно сопоставленных вида мученичества. Тема мученичества и, пользуясь выражением Радищева, шествования «смерти во сретение» могла получить в рассказе раба и более широкое толкование: 60-е гг. н. э. были отмечены массовыми казнями христиан. В частности, Пушкин, конечно, помнил, что всего за несколько месяцев до самоубийства Петрония свершилось мученичество апостолов Петра и Павла, казненных в Риме в 65 г.

Наконец, общим для всех эпизодов было столкновение идущих на добровольную смерть героев с властью. Само понятие «власть» в каждом случае выступает в новом облике, одновременно и меняясь, и сохраняя свою сущность. Клеопатра — царица любви, но она и просто царица, и это в рассказе о ней многократно подчеркивается (ср. о Екатерине II: «Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество» — XI, 15). Паре любовники — Клеопатра соответствует пара Петроний — Нерон. Здесь власть выступает в облике неприкрытого деспотизма, капризной и подозрительной тирании. Эпизод с Христом также требовал соответствующего антагониста. Им мог стать только Понтий Пилат. Если в двух первых случаях речь шла об эксцессах власти развратной и власти деспотической, хорошо знакомых Пушкину по русской истории, то в Понтии Пилате на сцену выходила не личность, а принцип кесарства, не эксцесс, а идея государственности. Рассуждение о том, что следует отдать кесарю, а что — богу, сцены разговора Иисуса с Пилатом давали исключительные идейные и драматические возможности контрастов между эпохами, культурами и характерами. Вряд ли Пушкин думал их обойти.

Образ Иисуса не случайно волновал воображение Пушкина. Конец наполеоновской эпохи и наступление после июльской революции 1830 г. буржуазного века воспринимались разными общественными течениями как конец огромного исторического цикла. Надежды на новый исторический век вызвали в памяти образы раннего христианства. В 1820-е гг. Сен-Симон назвал свое учение «новым христианством». В таком ключе воспринималось учение Сен-Симона и русскими читателями. В 1831 г. Чаадаев

ская или пугачевская — с позиции цензуры светской) и контрастнее выделить идейную сторону замысла. Однако введение рассказчика означало отказ от драматической формы и переход к повествовательной. Можно предположить, что началом реализации темы Христа было, как мне любезно подсказал В. Э. Вадуро, обращение к образу Агасфера, с которым, по-видимому, читатель встречается в конце отрывка «В еврейской хижине лампада...» (1826). набросок стихотворного повествования о казни Христа — первый шаг от драматического замысла к повести.

под влиянием июльской революции писал Пушкину, связывая воедино катастрофу старого мира и явление нового Христа: «У меня слезы выступают на глазах, когда я всматриваюсь в великий распад старого [общества], моего старого общества <...>. Но смутное предчувствие говорит мне, что скоро появится человек, который принесет нам истину веков. Может быть, вначале это будет некоторым подобием политической религии, проповедуемой в настоящее время Сен-Симоном в Париже» (XIV, 438—439).

Речь шла о круге идей, бесспорно более широком, чем то или иное конкретное учение: в него попадали весьма различные явления — от художника Александра Иванова и Гоголя до Достоевского. В той же системе образов думал и Герцен, когда в 1833 г. писал Огареву: «Обновленья требовал человек, обновленья ждал мир. И вот в Назарете рождается сын плотника, Христос». ³⁰ Грядущее новое обновление — «это человечество сплотившееся — Христос, это его второе пришествие». ³¹

Весь этот круг представлений определил вдумчивое и серьезное отношение Пушкина 1830-х гг. к теме Христа и христианства (ср. разработку этой проблемы в «Тазите» и ряде лирических произведений). Однако не было никаких сомнений, что любое литературное изображение Христа вызовет возражения духовной цензуры. Даже невинный стих «И стаи галок на крестах» в седьмой главе «Евгения Онегина» вызвал со стороны митрополита Филарета жалобу Бенкендорфу на оскорбление святыни. ³²

Пушкин оставил замысел неоконченным. ³³ Тем не менее реконструкция как «Повести из римской жизни», так и пьесы об Иисусе существенна, поскольку вводит нас в важные и до сих пор еще мало исследованные стороны мышления поэта в сложную эпоху 1830-х гг. Побочным результатом исследования является то, что обнаруживается еще одна глубинная связь творчества Достоевского с пушкинской традицией.

Глубокая связь «Повести из римской жизни» с маленькими трагедиями, давшая возможность А. А. Ахматовой прозорливо определить жанр этого произведения как «прозаическую маленькую трагедию», ³⁴ не только позволяет реконструировать с помощью «римской повести» замысел об Иисусе, но и дает основания для некоторых реконструкций самой этой повести. Бросается в глаза структурный параллелизм между последней «ночью» Пе-

³⁰ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 тт. М., 1961, т. XXI, с. 23.

³¹ Там же, с. 159.

³² См.: Никитенко А. В. Дневники. М., 1955, т. I, с. 139—140.

³³ Мы полагаем, что отрывок, включаемый в текст «Мы проводили вечер на даче», был механически перенесен из набросков «Повести из римской жизни» и даже сохранил черты стилизации латинской фразы, столь характерные, как заметил еще И. И. Толстой, для последней. Вероятно, правильно было бы печатать его дважды: в составе обеих повестей.

³⁴ Ахматова А. А. Указ. соч., с. 203.

трония и «Пиром во время чумы»: пир на краю гибели — жажда наслаждений, гедонизм, эпикурейство перед лицом смерти, героический стоицизм человека, утратившего веру во все ценности, и — в итоге — суровый голос христианского проповедника. Вряд ли Пушкин собирался включить в свою повесть сцену смерти Петрония, и заключительная ремарка «Пира во время чумы» — «Пир продолжается. Председатель остается погруженный в глубокую задумчивость» — вполне вероятная модель завершения «Повести из римской жизни».

Характерной чертой художественного мышления Пушкина являются «сквозные сюжеты» — замыслы, к которым он, варьируя и изменяя их, упорно обращается в разные моменты своего творчества. К этим замыслам можно отнести такие, как «Клеопатра», «джентльмен-разбойник»,³⁵ «влюбленный бес» и мн. др. Произведенный анализ позволяет включить сюжет об Иисусе в число таких «спутников», упорно волновавших воображение Пушкина.³⁶

³⁵ См.: Лотман Ю. М. «Повесть о капитане Копейкине» (реконструкция замысла и идейно-композиционная функция). — Ученые записки Тартуского государственного университета, 1979, вып. 467. Семиотика текста. Труды по знаковым системам, XI.

³⁶ Автор выражает благодарность В. С. Баевскому и Э. Г. Минц, принявшим участие в предварительном обсуждении этой работы и поделившимся с ним рядом ценных замечаний.

А. П. ТОЛСТЯКОВ

ПУШКИН И «КОНЕК-ГОРБУНОК» ЕРШОВА

Весной 1834 г. профессор русской словесности Петербургского университета, известный поэт и критик П. А. Плетнев прочел студентам вместо лекции первую часть стихотворной сказки «Конек-горбунок», а затем назвал имя автора — сидевшего тут же девятнадцатилетнего студента Петра Ершова.

Плетнев, близко знавший лучших русских писателей своего времени, стал другом-покровителем талантливого юноши. По собственному его признанию, ему «суждено было услышать едва ли не первому» стихи «Конька-горбунка» (из письма к Ершову 1846 г.).¹ Позднее, в 1851 г., Ершов писал Плетневу: «Книгопродавец Крашенинников снова сделал мне предложение об издании „Конька“ по исправленной рукописи, которая теперь цензируется. Я писал к нему, чтобы он доставил Вам рукопись и всякое Ваше замечание исполнил бы беспрекословно. Вы первый ввели „Конька“ в свет; надеюсь, что и теперь не откажете ему в Вашем содействии». ² Мы не знаем точно, что стоит за словами: «Вы первый ввели „Конька“ в свет». Вряд ли только публичное чтение сказки в университете. Даже это одно письмо дает основание думать, что Плетнев сделал какие-то замечания или поправки в первоначальном тексте «Конька-горбунка», принятые автором. Кроме того, по мнению некоторых исследователей, именно Плетнев рекомендовал «Конька-горбунка» в журнал «Библиотека для чтения», где появилась первая часть сказки, и способствовал напечатанию всего «Конька» отдельным изданием. Поскольку издателем и журналом, и отдельной книжки был А. Ф. Смирдин, близкий знакомый Плетнева, мнение это имеет резонное основание.

¹ Цит. по кн.: Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцова. СПб., 1872, с. 118 (далее: Ярославцов).

² Цит. по кн.: Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.), с. 303.

Впрочем, творческая история сказки не известна: ранние ее рукописи, в их числе и те, по которым набиралась и первое издание 1834 г., и четвертое, исправленное и дополненное издание 1856 г., не сохранились. Собственно история первого издания сказки также совершенно не известна. Переписка и воспоминания автора и его современников не сохранили нам ни фактов, ни подробностей ее. Исследователям волей-неволей приходится при воссоздании творческой истории «Конька-горбунка» и истории его первых публикаций опираться на весьма обрывочные сведения и зачастую довольствоваться лишь предположениями.

Сам Ершов неоднократно называл трех человек, которые горячо поддерживали его литературный дебют в 1834 г. и мнением которых он необыкновенно гордился. Это Пушкин, Жуковский и Плетнев. При этом имя Пушкина он почти всегда называл первым.

Доля участия Жуковского в подготовке и выпуске первого издания «Конька-горбунка» не известна. Ершова познакомили с Жуковским, и тот высоко оценил и достоинства его произведения, и его талант. В 1837 г., когда Ершов уже служил учителем в Тобольске, Жуковский приехал туда, сопровождая наследника престола, будущего царя Александра II. Ершов тут же отправился к нему и, по его словам, «был принят им как друг». При посещении гимназии Жуковский рекомендовал Ершова Александру и вслух произнес: «Я не понимаю, как этот человек очутился в Сибири».³ Эти слова были проникнуты искренним сожалением о возможной трагической участи молодого собрата по поэзии, силой обстоятельств оторванного от средоточия культурной и литературной жизни тогдашней России. Вполне возможно, что и Жуковский в 1834 г. не ограничился общей похвалой «Коньку-горбунку», а принял более близкое участие в нем, например делал замечания или поправки при чтении рукописи, способствовал появлению сказки в печати. Однако, как уже сказано, об этом пока ничего не известно.

Судя по всему, с Пушкиным Ершова познакомил Плетнев, один из ближайших друзей великого поэта. Встречались они неоднократно и, возможно, не только в 1834 г., а и позднее, до лета 1836 г., когда Ершов уехал в Тобольск. Художник М. С. Знаменский оставил в своем дневнике запись разговора с Ершовым в конце 1863 г.:

«— Вы были знакомы с Пушкиным?»

— Да, я бывал у него, если вытаскают к нему. Я был страшно обидчив. Мне все казалось, что надо мной он смеется, например: раз я сказал, что предпочитаю свою родину. Он и говорит:

— Да вам и нельзя не любить Сибири, — во-первых, — это ваша родина, во-вторых, — это страна умных людей.

³ Ярославцов, с. 52.

Мне показалось, что он смеется. Потом уж понял, что он о де-кабристах напоминает». ⁴

Согласно воспоминаниям самого Ершова, Пушкин был очень доволен «Коньком-горбунком» и сказал молодому автору: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Любопытно, что эти слова Пушкина повторил в 1860 г. А. К. Ярославцову, другу и будущему биографу Ершова, поэт Е. Ф. Розен, который был тогда у Пушкина и слышал его разговор с Ершовым. От самого автора «Конька-горбунка» узнал Ярославцов и о намерении Пушкина «содействовать Ершову в издании этой сказки с картинками и выпустить ее в свет по возможно дешевой цене, в огромном количестве экземпляров для распространения в России; но, при недостаточных средствах автора и по случаю смерти Пушкина, намерение это не выполнилось». ⁵ Дошла до нас и характерная похвала Пушкина: «Этот Ершов владеет русским стихом, точно своим крепостным мужиком». ⁶

Первый биограф Пушкина, П. В. Анненков, встретившийся со Смирдиным и с его слов записавший ряд ценных сведений об истории издания пушкинских произведений, об отношениях поэта с современниками, сообщил, в частности, следующее: «В апогее своей славы Пушкин с живым одобрением встретил известную русскую сказку г-на Ершова „Конек-горбунок“, теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки, по свидетельству г-на Смирдина, принадлежат Пушкину, удостоившему ее тщательного пересмотра». ⁷

Эти же слова Смирдина привел, взяв из книги Анненкова, и Н. Г. Чернышевский в своей первой статье о сочинениях Пушкина, появившейся в «Современнике»: «Благородное желание помочь и одобрить всякого начинающегося писателя, в котором замечал он (Пушкин, — А. Т.) талант, хорошо известно. Об отношениях Пушкина к Гоголю излишне говорить. Многие также знают, с каким радушием старался он о литературных успехах барона Розена, г-жи Дуровой, какими похвалами встретил сказку г. Ершова „Конек-горбунок“, которую внимательно пересмотрел и первые четыре стиха которой (по словам г. Смирдина) принадлежат Пушкину». ⁸

Спустя 60 лет, с 1915 г., по инициативе известного пушкиниста Н. О. Лернера в составе сочинений Пушкина стали печататься эти четыре стиха:

⁴ Сибирские огни, 1940, № 4—5, с. 239.

⁵ Ярославцов, с. 2—3.

⁶ Русский архив, 1899, № 6, с. 355.

⁷ Анненков П. В. [Материалы для биографии А. С. Пушкина]. — В кн.: Сочинения Пушкина... Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855, т. I, с. 166.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1949, т. 2, с. 444.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе.

В такой редакции они включались в сочинения Пушкина более 20 лет. В 1936 г. М. К. Азадовский заметил, что стихи печатаются по тексту пятого, исправленного автором издания сказки, а не выпшедшего при жизни Пушкина (1834), где третья строка имела другую редакцию:

Не на небе — на земле.

Впрочем, в заметке Азадовского речь главным образом шла не о том, в какой редакции следует печатать эти строки в собраниях сочинений Пушкина, а о том, следует ли их туда вообще включать. Аргументация М. К. Азадовского сводилась к следующему: «Из сообщения Смирдина в передаче П. В. Анненкова в сущности не ясно, что было в действительности сделано Пушкиным: написал ли он вообще заново все четыре стиха или только дал новую редакцию, сохранив в основном ершовские слова и отдельные фразы. Ведь у Ершова было же какое-то начало, когда он принес или послал свою сказку Пушкину. Таким образом, даже отнесясь с максимальным доверием к свидетельству Смирдина, едва ли следует так решительно включать эти строки в основной текст. Самое большое, что можно сделать на основании рассказа Смирдина, — это печатать данный текст в отделе „Коллективное“ <...> Но правка произведения Ершовым заставляет взять под сомнение правомерность включения этого отрывка в пушкинские издания и позволяет по-иному осветить и осмыслить сообщение Смирдина. Если бы в самом деле весь зачин сказки был написан Пушкиным, то едва ли Ершов при том пиетете, который он питал к Пушкину, решился бы на какую-либо его правку. Очевидно, Ершову не приходило в голову, что, исправляя эти стихи, он правит Пушкина. Вероятнее всего, что Пушкин произвел только какую-то редакционную работу над стихами Ершова. Но от этого они не стали пушкинскими, как не стал, например, пушкинским „Водопад“ Вяземского, хотя ряд стихов в последнем исправлен Вяземским по указанию Пушкина, и мне думается, что было бы более правильно не вводить этого отрывка ни в отдел подлинных стихотворений, ни в отдел коллективных, ни даже в отдел сомнительных».⁹

Мнение показалось веским и было принято: в собрания сочинений Пушкина строки из «Конька-горбунка» больше не включались. При этом М. К. Азадовский вовсе не отрицал самого факта редакторской работы Пушкина над «Коньком-горбунком», что, пожалуй, было наиболее важным сведением в сообщении

⁹ Азадовский М. Пушкинские строки в «Коньке-горбунке». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Л., 1936, т. II, с. 315—316.

Смирдина (Пушкин «удостоил» сказку Ершова «тщательного пересмотра»). Однако некоторые исследователи усомнились даже в том, что Пушкин читал рукопись сказки. Так, Д. М. Климова, комментируя «Конька-горбунка» в наиболее полном издании сочинений Ершова, пишет: «...по справедливому замечанию М. К. Азадовского, мало вероятно, чтобы Ершов в V изд. подверг правке пушкинский текст <...> К тому же скорее всего Пушкин прочитал „Конька“ уже после публикации: ни в одном из мемуарных источников нет сведений о его знакомстве с рукописью сказки (см.: Ярославцов, с. 2; М. С. Знаменский. Дневник. — Сибирские огни, 1940, № 4—5, с. 239; ПД, ЦГАЛИ), а переработку текста Ершов начал значительно позднее, уже после смерти Пушкина».¹⁰

Спор о роли Пушкина в творческой истории ершовской сказки, об участии великого поэта в первых публикациях «Конька-горбунка» в 1834 г. и даже о так называемых пушкинских строках далек, по нашему мнению, от завершения. И ныне, при полной неясности этого вопроса, приобретают важность даже не очень значительные факты.

Как известно, первая публикация части сказки в «Библиотеке для чтения» вышла с чрезвычайно лестным для автора предисловием редактора журнала О. И. Сенковского, знаменитого Барона Брамбеуса. Это предисловие даже друзья Ершова, верившие в его огромную талантливость, назвали «необыкновенным отзывом». Впоследствии большая часть стихотворений Ершова печаталась в этом журнале. И для многих, например даже для Белинского, Ершов был автором «Библиотеки для чтения», протеже Сенковского. Сам Сенковский также был слишком высокого мнения о своей роли в судьбе Ершова.¹¹ Конечно, «Библиотека для чтения» стала журналом, впервые напечатавшим юного сказочника-поэта и с вниманием относившимся к последующим его литературным произведениям. Но большой духовной, идейной связи с этим журналом у Ершова так и не возникло. Связывала их только традиция отношений и еще одно чрезвычайно важное для молодого литератора обстоятельство: «Библиотека для чтения» была одним из немногих в то время русских журналов, выплачивающих авторам гонорар. Очень кстати приплыли Ершову 500 рублей, полученные от Смирдина за отрывок из «Конька-горбунка». Да и впоследствии, будучи человеком достаточно бедным, Ершов рассчитывал как на существенное подспорье на гонорар от «Библиотеки для чтения», платившей ему по рублю за стихотворную строку. Правда, эти журнальные доходы поступали нерегулярно. Так, в начале 40-х годов Ершов тщетно пытался получить от редакции «Библиотеки для чтения»

¹⁰ Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976, с. 302.

¹¹ Впрочем, и поныне в некоторых работах о Ершове Сенковского называют не более и не менее как издателем «Конька-горбунка».

причитающиеся ему 600 рублей. По просьбе писателя его приятель В. А. Треборн встретился с Сенковским, который сказал: «Я помогал Ершову здесь, в Петербурге, как бедняку. Он был беден; я вывел его в люди, я доставил ему хорошее место в Тольском, где он получает порядочное содержание: с него очень довольно».¹²

Интересна реакция Ершова на это заявление Сенковского. «Ай да барон! — писал он В. А. Треборну 25 сентября 1841 г. — По его словам выходит, что и воздух, которым я дышу, и солнце, которое греет мои грешные кости, — все это дар могущественной его десницы! Ну, уж пусть бы говорил он, что по его милости я стал знаком с грамотной братией (хотя и здесь поневоле вспомнишь благородного А. С. Пушкина), — это было бы еще несколько похоже на правду; но утверждать, что и занимаемым теперь мною местом я обязан ему, — это уже из рук вон».¹³ Совершенно определенно говорит Ершов в этом письме, что своим литературным дебютом он обязан прежде всего «благородному А. С. Пушкину», роль которого в этом много значительнее роли Сенковского. И, конечно же, смешно было бы думать, что Пушкин оказывал свое содействие в публикации «Конька-горбунка», не прочтя его в рукописи, а положившись лишь на мнение других, например Плетнева.

Сопшемся еще на одно забытое признание Ершова о роли Пушкина в его творческой судьбе. В 1843 г. он хотел поместить одного из своих пасынков в Петербургский университет и просил узнать у Плетнева, не примет ли тот участие в определении этого юноши в число казеннокоштных студентов. Но Плетнев откровенно объявил, что он, хотя и ректор университета, помочь в этом не может, и советовал обратиться к правителю канцелярии попечителя Петербургского учебного округа. Решив, что Плетнев просто не хочет ему помочь, Ершов с горькой обидой написал: «Петру Александровичу (Плетневу, — А. Т.) и прочим покровителям благодарен до глубины души. Со смерти незабвенного Пушкина отношения их переменились; ну да и лучше. Их расположение было не делом собственного чувства, а только отголоском мнения других. Не великая потеря!».¹⁴ Таким образом, человеком, которому Ершов больше всех был обязан в блестящем начале своего творческого пути, он считал Пушкина. Более того, он полагал, что расположение Пушкина к нему определяло отношение и Плетнева, и Жуковского. Пожалуй, эти два случайных признания Ершова с исчерпывающей полнотой раскрывают замечательное отношение к нему Пушкина.

Следовательно, нет никаких оснований полагать, что Пушкин не читал «Конька-горбунка» в рукописи (кстати, из мемуарных

¹² Ярославцов, с. 80.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 99.

источников, на которые ссылается Д. М. Климова, вовсе не следует, что Пушкин незнакомился с рукописью сказки и что он читал ее только в печатном издании).

Нет никаких оснований отрицать и свидетельство Смирдина о «тщательном пересмотре» Пушкиным произведения Ершова. Напомним, что Смирдин — первый издатель «Конька-горбунка», и кому как не ему было знать всю историю издания 1834 г., роль Пушкина в этом и т. д. Заметим, что книга Анненкова вышла при жизни Смирдина и Ершова и не вызвала их замечаний; во втором издании ее (1873) сообщение Смирдина было дословно повторено. К сожалению, в работах, посвященных Ершову, его отношения со Смирдиным неточно излагаются и комментируются. Смирдину чаще всего отводится роль «денежного мешка», который выплачивал авторам гонорар по указанию Сенковского. Это не соответствует истине. Смирдин вел переговоры с авторами, заказывал статьи, договаривался об оплате, а Сенковский занимался в основном литературным редактированием материалов, а часто и его полной переделкой, что порой вызывало гневные протесты авторов. И такое «разделение труда» между Смирдиным и Сенковским особенно соблюдалось в первый год издания «Библиотеки для чтения», когда Сенковский не был даже утверждён редактором журнала и выполнял свои обязанности «нелегально» при официальных редакторах, например при Иване Андреевиче Крылове.

В 1842 г. Смирдин предполагал издать «Конька-горбунка» «с картинками», на что Ершов согласился. Однако издание не состоялось, очевидно из-за тяжелого финансового положения издателя.

В 1847 г. Смирдин хотел приобрести все произведения Ершова для напечатания в серии «Полное собрание сочинений русских авторов». Ершов предполагал включить в эту книгу сказку «Конек-горбунок», пьесу «Суворов и стационарный смотритель» и повесть в стихах «Сузге», а также ряд стихотворений. Кроме того, Ершов предложил Смирдину повторить отдельное издание «Конька-горбунка». Оба эти издания не состоялись, что можно объяснить лишь неустойчивым материальным положением издателя. Скорее всего, именно Смирдин посоветовал издать «Конька-горбунка» П. И. Крашенинникову, своему бывшему приказчику. Крашенинников сохранил близкие отношения со Смирдиным. К нему перешла в конце концов его типография, а в 1847 г. и знаменитая «Библиотека для чтения». Крашенинников выпустил 4-е и 5-е издания сказки. Затем еще одно издание выпустила его вдова.

Свидетельством благодарности Ершова старому издателю стало его участие в сборнике, изданном в память А. Ф. Смирдина. Этот сборник задумывался еще при жизни издателя и должен был выйти в 1857 г. к 50-летней годовщине его деятельности. 6 сентября 1857 г. Ершов писал В. А. Треборнцу: «...» если ты знаком

Смирдиным (А. А. — сыном), то передай ему, что я считаю себя в долгу перед ним. Всею душою хотел бы участвовать в его издании в честь отца его, но не имею, решительно, времени написать что-нибудь. Правда, роюсь в бумагах, я отыскал драматическую пьеску «Кузнец Базим», переделанную мною из повести Жуковского, но и она требует исправления. Постараюсь переслать ее г. Смирдину».¹⁵ Пьеса «Кузнец Базим» была напечатана в 3-м томе «Сборника литературных статей, посвященных русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина» (СПб., 1858).

Как мы видим, отношения Смирдина и Ершова, начавшиеся с первых публикаций «Конька-горбунка», продолжались практически до кончины издателя. Смирдин был и главным издателем Пушкина (по подсчетам Н. П. Смирнова-Сокольского половина всех литературных доходов, когда-либо полученных поэтом, доставлена ему Смирдиным). Близкие отношения Смирдина как с Пушкиным, так и с Ершовым несомненно гарантируют достоверность его сообщения.

У Смирдина была коллекционерская жилка — он хранил автографы писателей-современников: Крылова, Жуковского, Бестужева-Марлинского, Нарезного и многих других. При просмотре описи бумаг Смирдина, составленной им самим, мы натолкнулись на любопытную запись, имеющую непосредственное отношение к теме настоящей работы: «Пушкин Александр Сергеевич. <...> Заглавие и посвящение „Конька-горбунка“».¹⁶ Следовательно, в архиве Смирдина до конца его дней хранился не известный нам автограф Пушкина, связанный с «Коньком-горбунком».

Пока нет возможности подробно раскрыть содержание пушкинского автографа, но вполне возможно, что это зачин сказки и что Смирдин, говоря Анненкову о первых четырех стихах «Конька-горбунка», написанных Пушкиным, сказал это не только по памяти, а имея, так сказать, «вещественное доказательство».

Автограф Пушкина мог быть подарен Смирдину любым из тех, кто был причастен к первым публикациям «Конька-горбунка»: самим Пушкиным, Сенковским, Плетневым, Жуковским. Но все же наиболее вероятно, что он получил его от Ершова, у которого и должен был находиться пушкинский листочек.

Следует вспомнить рассказ Ершова М. С. Знаменскому: «Да, я, когда приехал сюда, в страшной хандре был и много сжег. Теперь жалко: напомнило бы, по крайней мере, молодость... Были у меня и заметки, писанные Пушкиным и другими».¹⁷ Можно предположить, что эти заметки относились, так же как и пушкинский автограф, хранившийся у Смирдина, к «Коньку-горбунку» и представляли собой замечания, поправки и вари-

¹⁵ Ярославцов, с. 159.

¹⁶ Список с «Описи бумаг А. Ф. Смирдина». — ГПБ, ф. 696. Симиони П. К., ед. хр. 66. Копия 1857 г.

¹⁷ Сибирские огни, 1940, № 4—5, с. 239.

анты к его тексту, сделанные Пушкиным и другими литературными друзьями Ершова. То, что автор сказки их уничтожил, возможно, навсегда лишило нас надежды восстановить ее творческую историю. Может быть, навсегда останутся неизвестными и строки в «Коньке-горбунке», принадлежавшие Пушкину, Плетневу, а возможно и Жуковскому... Вместе с тем сам факт уничтожения Ершовым заметок Пушкина и других писателей позволяет считать, что огромное уважение автора «Конька-горбунка» к Пушкину и другим писателям-друзьям и глубокая благодарность им за бескорыстную помощь могли вовсе не распространяться на то, что казалось ему, современнику и участнику великой эпохи в русской поэзии, маловажным, например сохранение пушкинских заметок или его строк в «Коньке-горбунке». Поэтому главный аргумент М. К. Азадовского против утверждения Смирдина о пушкинских строках в сказке — недопустимость исправления пушкинского текста Ершовым — не кажется нам основательным. К тому же строка «Против неба — на земле» несомненно лучше, образнее прежней: «Не на небе — на земле». Наконец, может быть, Ершов восстановил именно пушкинскую строку, исправленную цензором в публикации 1834 г.

Гениальная сказка Ершова «Конек-горбунок» осталась главной его книгой, и время, когда она создавалась, когда появились ее первые публикации, сохранилось в его памяти как самая лучшая пора блистательного творческого успеха и грандиозных надежд, пора, когда юный автор «Конька-горбунка» был согрет вниманием и поддержан лучшими поэтами России — Пушкиным и Жуковским.

«Я все еще современник той прекрасной эпохи нашей литературы, — писал Ершов Плетневу в 1850 г., — когда даже едва заметный талант находил одобрение, когда люди, заслужившие уже известность (я вспоминаю А. С. Пушкина, В. А. Жуковского и Вас), не считали для себя унижительным подать руку начинающему то же поприще, которое они прошли с такою честью».¹⁸

¹⁸ Ярославцов, с. 131—132.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1979 ГОДА

- Абашидзе И. В. Друзья, дороги, раздумья. Пер. с груз. Тбилиси: Мерани, 1979. 224 с.
С. 51—54: «Слово о Пушкине в Михайловском». [Написано в 1970 г.]. С. 55—61: «Думая о Пушкине». [Написано в 1976 г.].
- Абрамович С. Л. Накануне 4 ноября. К истории дуэли А. С. Пушкина. — Лит. обозрение, 1979, № 7, с. 108—112.
- Агеева Л., Лавров В. Великий музейный работник [С. С. Гейченко]. — Лит. Грузия, 1979, № 6, с. 131—138.
- Азарова Н. Пушкин и Толстой. К 180-летию со дня рождения великого русского поэта. — Октябрь, 1979, № 6, с. 215—219.
- Акелькина Е. А. Пушкинская традиция повествования в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. — В кн.: Проблемы литературных жанров. Материалы третьей науч. межвуз. конференции 6 февр.—9 февр. 1979 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979, с. 64—66.
- Акишина А. А. О микротексте и об онегинской строфе. — В кн. А.: Структура целого текста. М., 1979, вып. 2, с. 64—80. (Высш. школа профсоюзов, движения ВЦСПС им. Н. М. Шверника).
- Александрова Эм. На пушкинской параллели. — В кн. А.: Когда ожидают основные чешуйки. М.: Дет. лит., 1979, с. 49—60.
«Пиковая дама» Пушкина.
- Алексеев А., Наумов А. Право в жизни и творчестве А. С. Пушкина. — Соц. законность, 1979, № 9, с. 52—54.
- Алпатов М. В. Иллюстрации А. Бенуа к «Медному всаднику» Пушкина. В кн. А.: Этюды по всеобщей истории искусств. Избр. искусствовед. работы. М.: Сов. художник, 1979, с. 206—210, ил. 102—105. (Б-ка искусствознания).
- Андроников И. Л. Великая эстафета. Воспоминания. Беседы. 2-е изд. М.: Дет. лит., 1979. 303 с., ил.
С. 205—215: «Вас приглашает Гейченко». С. 216—220: «Пушкинский праздник».
- Анипкин Ю. Рец. на кн.: Пеуранен Э. Лирика А. С. Пушкина 1830-х годов. Поэтика: темы, мотивы и жанры поздней лирики. Финляндия, Ювяскюля, 1978. — Рус. яз. за рубежом, 1979, № 3, с. 117—118.
- Анненский И. Ф. Пушкин и Царское Село. — В кн. А.: Книги отражений/ Изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М.: Наука, 1979, с. 304—321. (АН СССР. Лит. памятники).
Впервые — отд. брошюрой: СПб., 1899.
- Ахмадулина Б. Сны о Грузии. [2-е изд.]. — Тбилиси: Мерани, 1979. 541 с.
С. 168—169: Отрывок из маленькой поэмы о Пушкине. 1. Он и она. 2. Он — ей. (Ноябрь 1823 года, Одесса). С. 461—467: «Вечное при-

- существо». С. 467—470: «Чудная вечность». С. 470—472: «Здесь он ходил...». С. 472—477: «Пушкин. Лермонтов...». С. 514—516: «Лермонтов». IX. Пушкин и Лермонтов.
- Ахметзянов М. Г. А. С. Пушкин. — В кн. А.: Изучение литературных взаимосвязей в татарской школе. Пособие для учителя. Казань, Тат. кн. изд-во, 1979, с. 13—24.
- Бабанов И. Е. «Покровенная глава Агамемнона». — Рус. лит., 1979, № 4, с. 169—172.
- Пушкин о естественности и правдоподобию в драматургии.
- Баринов М. Посмотрите, и вы станете лучше! — Огонек, 1979, № 52, с. 15. О встрече с С. С. Гейченко в клубе «На огонек».
- Бахнов Л. Пушкин и драма. — Юность, 1979, № 3, с. 96—97.
- Рец. на кн.: Рассадин С. Драматург Пушкин. М.: Искусство, 1977.
- Беднарская Л. Д. Изменения в системе сложноподчиненных предложений условного типа в языке художественной прозы от А. С. Пушкина до наших дней. — В кн.: Сложное предложение. Межвуз. темат. сб. Калинин, 1979, с. 146—152. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Калинин. ун-т).
- Бекедин П. В. «... Доступен гений для гласа искренних сердец». Некоторые проблемы пушкиноведения. — Дон, 1979, № 6, с. 163—173.
- Отзыв:
- Вацуро В. Э. Парадоксы дилетантизма. О пушкиноведении и «полюмических заметках». — Лит. обозрение, 1980, № 1, с. 107—112.
- Беленький Г. О «Капитанской дочке» Пушкина. — Лит. в школе, 1979, № 2, с. 65—68.
- Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л.: Худож. лит., 1977; Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1977.
- Беляничков Н. Нащокины — московские друзья Пушкина. — Москва, 1979, № 3, с. 199—201.
- Благой Д. Д. Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1979. 623 с.; 1 л. портр.
- Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней. В 2-х т. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1979, т. I. 550 с., 1 л. портр.
- С. 100—189: «От Пушкина до Горького». С. 270—288: «Смех Пушкина». С. 289—318: «Мицкевич и Пушкин». С. 319—351: «Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой». С. 352—373: «От „Евгения Онегина“ к „Герою нашего времени“». (К вопросу о художественном методе Лермонтова). С. 405—491: «Достоевский и Пушкин». С. 521—549: «Пушкин для Горького».
- Богач Г. Ф. Далече северной столицы. О творчестве Пушкина в Молдавии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 190 с., ил.
- Бозырев В. С. Музей-заповедник А. С. Пушкина. Л.: Лениздат, 1979. 238 с.; 24 л. ил.
- Путеводитель.
- Болдинские чтения. [1978]. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. 175 с. (Болдин. музей-заповедник А. С. Пушкина; Горьк. ун-т им. Н. И. Лобачевского).
- Содерж.: Поэтика Пушкина и проблемы изучения текста. Л. С. Сидяков. «Пиковая дама», «Анжелико» и «Медный всадник». (К характеристике художественных исканий Пушкина второй болдинской осени); И. Л. Альми. Образ стихии в поэме «Медный всадник». (Тема Невы и наводнения); Э. И. Худошина. О сюжете в стихотворных повестях Пушкина. («Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Медный всадник»); Ю. Н. Чумаков. Ремарка и сюжет. (К истолкованию «Моцарта и Сальери»); Т. Т. Савченко. О композиции цикла 1836 года А. С. Пушкина; Н. Е. Меднис. Слово в скобках в романе «Евгений Онегин»; Е. С. Хаев. Особенности стиливого

диалога в «онегинском круге» произведений Пушкина; А. Кулагин. Эпиграф в поэме А. С. Пушкина «Полтава». — Пушкин и мировая литература. Л. И. Вольперт. Пушкин и Стендаль. (К проблеме творческого поведения писателя); Е. Г. Неумойна. Проблема «самосознания» литературы в произведениях Пушкина и Баратынского; Н. И. Михайлова. «На свете нравственным загадка...» («Гусарство» в прозе Пушкина и Л. Толстого); Г. В. Краснов. «Воспоминание» Пушкина в «Воспоминаниях» Л. Н. Толстого; Ю. И. Ореховацкий. «Борис Годунов» в современном переводе на французский. — Сообщения. Н. Ф. Филатов. Болдинский памятник пушкинской поры.

Бонди С. О поэзии Пушкина. — О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — Пояснительные статьи. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. Евгений Онегин. Перензд./ Предисл., примеч. и пояснит. статьи С. Бонди. Рис. Н. Кузьмина. Грав. А. Павлова. Оформл. С. Телигтера. М.: Дет. лит., 1979, с. 5—10, 11—56, 295—347. (Школьная б-ка).

Бочаров И., Глушакова Ю. Бутурлины — друзья детства Пушкина. — В кн.: Бочаров И., Глушакова Ю. Русский клуб у фонтана Треви. Из итал. разысканий. М.: Правда, 1979, с. 52—63. (Б-ка «Огонек», № 20).

Впервые: Огонек, 1978, № 32, с. 24—26.

Бочаров И., Глушакова Ю. У потомков Бутурлина. — Огонек, 1979, № 51, с. 22—23.

Из итальянских разысканий об окружении Пушкина.

Бочкарев В. А. Сатирическое изображение феодального общества в «Сценах из рыцарских времен» А. С. Пушкина. — В кн.: Сатира в творчестве русских и зарубежных писателей. Куйбышев, 1979, с. 3—17. (Науч. труды Куйбышев. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, т. 213).

Брауде Л. Ю. Автограф Пушкина в архиве Андерсена. — Дет. лит., 1979, № 4, с. 54—55.

Судьба первого листа из «Капнистовской тетради» Пушкина. Полностью статья была опубликована в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л.: Наука, 1956, т. I, с. 357—362 с факс.

Бурсов Б. И. Быть — значит творить. — Лит. учеба, 1979, № 3, с. 162—171.

Из книги «Судьба Пушкина».

Бушин В. Когда речь идет о Пушкине, мелочей быть не может. — Волга, 1979, № 10, с. 177—185.

Рец. на кн.: Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти т. М.: Худож. лит., 1974—1976.

Васильев Н. Л. Научная лексика в литературном творчестве А. С. Пушкина (к постановке вопроса). — В кн.: Эволюция и предистория русского языкового строя. Межвуз. сб. Горький, 1979, с. 94—97. (Горьк. ун-т им. Н. И. Лобачевского).

Васильев Н. Л. Научные термины в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Стилистика художественной речи. Межвуз. темат. сб. науч. трудов. Саранск, 1979, с. 150—162. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Мордов. ун-т им. Н. П. Огарева).

Ватац Н. Б., Лапидус Н. И. А. С. Пушкин и Белоруссия. (К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Материал в помощь лектору). Минск, 1979. 19 с. (Правл. о-ва «Знание» БССР; Правл. Добр. о-ва любителей книги БССР).

Вершинина Н. Л. Пушкинская традиция в творчестве Л. Н. Толстого 50—60-х годов (к проблеме человека и истории у Пушкина и Толстого). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1979. 16 с. (Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

Витт Н. Г. О тематической композиции стихотворения А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем?...». — Рус. яз. в школе, 1979, № 4, с. 69—75.

Волков Г. Н. Удивительный Александр Сергеевич. — Студ. меридиан, 1979, № 6, с. 17—21, 32.

Личность Пушкина.

Волков Г. Н. «Я числюсь по России». К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Коммунист, 1979, № 8, с. 67—80.

Волкова Ю. Работая над памятником. — Художник, 1979, № 12, с. 13—14, воспроизведение на обл. и на с. 15.

Памятники Пушкину работы О. К. Комова. Открытие памятника Пушкину в с. Болдино.

Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. От автора. Годы детства. В Москве после ссылки. Пушкин и московские литераторы. Друзья и знакомые. 18 февраля 1831 года. Встречи с людьми науки и искусства. О чем рассказали старые путеводители. Вместо послесловия. Указатель пушкинских мест Москвы и Подмосковья. М.: Моск. рабочий, 1979. 231 с.

Рец.:

Лузянина Л. По дорогам литературного краеведения. — В мире книг, 1980, № 6, с. 59—60.

Вопросы биографии и творчества А. С. Пушкина. Межвуз. темат. сб. Калинин, 1979. 156 с., 1 л. пл. (Калинин. ун-т).

Содерж.: Проблемы художественного мастерства Пушкина. Н. В. Фридман. Поэма А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»; Ю. М. Някишов. Пушкин как герой своего стихотворного романа; В. В. Рыжов. Инновация литературных образов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; П. И. Овчарова. «Повести Белкина» Пушкина как книга новелл. — Пушкин и русская литература. М. В. Строганов. Об одной реминисценции из Пушкина в романе Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских»; П. А. Гапопенко. Лирика А. Н. Майкова и поэтическая традиция А. С. Пушкина: М. М. Кедрова. И. С. Тургенев в восприятии творчества А. С. Пушкина; В. А. Никольский. Салтыков-Щедрин и Пушкин. — Пушкин и Тверской край. М. А. Ильин. Бунт крепостных в селе Берново в 1827 году; Н. К. Дроздова. Тверское стихотворение А. С. Пушкина «Зима. Что делать нам в деревне?»; Л. А. Ильин. Забытое стихотворение С. Д. Дрожжина «Памяти Пушкина»; Л. И. Кац. Изобразительное искусство пушкинской эпохи в собрании Калининской картинной галереи.

Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л.: Наука, 1979. 459 с. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис.).

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. Р. Ю. Данилевский. Э. Сильвестр и ее письмо о Пушкине; В. Б. Сандомирская. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним» (Пушкин и Батюшков); Р. В. Иезутова. Стихотворение Пушкина «Всем красны боярские конюшни» как опыт создания «простонародной баллады»; И. Г. Ямпольский. Неизданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине; Л. М. Аринштейн. Одесский собеседник Пушкина. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1975 года. — III. Мелкие заметки. И. И. Грибушин. О песнях в «Капитанской дочке»; И. К. Ениколопов. Из разысканий о стихотворениях Пушкина. 1. Об одной пушкинской эпиграмме. 2. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой»; Ю. М. Лотман. К проблеме работы с недостоверными источниками; В. Э. Вацуро. Из неизвестных отзывов о Пушкине; Е. А. Левашов. Словарная справка Пушкина (комментарий к комментариям); А. И. Носков. Запись Пушкина на мордовском языке; Л. И. Вольперт. Пушкин и Ляпоссе (о сюжетном мотиве «Метели»); В. В. Пугачев. Новые данные о Пушкине и декабристах (из недавних публикаций дел Следственной комиссии); С. Я. Борова. Еще один знакомый Пушкина; Л. А. Черейский. Забытые воспоминания современника Пушкина; Б. Я. Котляров. Пушкин и молдавский танец «Мити-

тика»; П. Р. Заборов. Статья о Пушкине во французском журнале 1838 г. — IV. Хроника. Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1975 г.; Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1975 г.; Пушкинский заповедник Псковской области в 1972—1975 гг.; Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области в 1973—1974 гг.; Пушкинские музеи в Бернове и Торжке Калининской области в 1975 г.; Памятник Пушкину в Ташкенте; Пушкинская выставка в Доме культуры Ленинградской области; Пушкинская выставка в Публичной библиотеке Нью-Йорка; Спикок иллюстраций.

Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л.: Наука, 1979. 182 с., ил. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис.).

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. А. М. Эфрос. Портрет Пушкина, рисованный К. Н. Батюшковым; Н. Н. Петрунина. К творческой истории романа «Дубровский»; Р. М. Горюхова. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умиравший Тассе»; В. Э. Вацуро. Из неизданных откликов на смерть Пушкина. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1976 года; М. П. Алексеев. Заметки на полях. 4. К «Сцене из Фауста» Пушкина. 5. Пушкин и французская народная книга о Фаусте. — III. Мелкие заметки. Ю. М. Лотман. «Смесь обезьяны с тигром»; К. А. Бойко. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина; Д. И. Белкин. К истолкованию образа Шамаханской царицы; Л. А. Черейский. К датировке одного письма Пушкина; С. А. Рейсер. Пушкин и мемуары Казановы; А. А. Формозов. Заметки о Пушкине (комментарий археолога). 1. О гробнице Овидия. 2. К спору Пушкина с Рылеевым о пите Олега. 3. «Археолог» в послании П. А. Катенина «А. С. Пушкину»; Л. В. Чхайдзе. К источникам «Путешествия в Арзрум»; Л. М. Ариштейн. Английский путешественник о встрече с Пушкиным; Л. Г. Фризман. К заметке Пушкина «Об Андре Шенье»; Н. М. Ботвинник. О стихотворении Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением». — IV. Хроника. Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1976 г.; Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1976 г.; Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области в 1975—1976 гг.; Пушкинские музеи Калининской области в 1976 г.; XXIV Пушкинская конференция; Новые памятники Пушкину; Памятники Пушкину за рубежом; Медаль в честь Пушкина во Франции; «Культурный центр им. А. С. Пушкина» в Люксембурге; Список иллюстраций.

Гаджиев А. Д. «Всех певцов, всех мастеров глава». — Лит. Азербайджан, 1979, № 6, с. 33—37.

Пушкин и Азербайджан.

Гайтукаев К. Б. Традиции А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в лирике А. Сулейманова. — В кн.: Вопросы литературных связей. Грозный, 1979, т. 8, с. 121—137. (Чечено-Ингуш. ин-т истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР).

Гиршман М. М., Стулишенко Л. П. Авторская позиция и особенности организации повествования в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы русской литературы. Львов: Вища школа, 1979, вып. 1 (33), с. 40—47. (Черновиц. ун-т).

Гладышева Л. А. Трансформации крылатых слов Пушкина в языке современной публицистики. — Рус. яз. в школе, 1979, № 3, с. 78—85.

Горяев В. Пушкин. Гоголь. Достоевский. Графич. серии. Авт.-сост. В. Воронов. М.: Сов. художник, 1979. 91 с., 83 ил.

Альбом.

Рец.:

Пьянов А. Три имени заветных. — Юность, 1979, № 9, с. 81—83, ил.

Грачева А. Д. Стихотворения туркменских поэтов о Пушкине. — В кн.: Проблемы взаимосвязи русской и туркменской литератур. (Темат. сб.

статей преподавателей ТГУ). Ашхабад, 1979 [на обл.: 1980], с. 16—34. (М-во высш. и средн. спец. образования ТССР. Туркм. ун-т им. А. М. Горького).

Громбах С. М. Из ранней истории знакомства Франции с Пушкиным. (Одна из первых переводчиц Пушкина во Франции). — В кн.: Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1977. М.: Наука, 1979, с. 226—232.

Переводчица С. И. Конрад. Пушкин в журнале «Revue du Nord» в 1836—1837 гг.

Гусев В. И. Современная советская проза и классическая традиция. (Размышления писателя о проблемах стиля). М.: Знание, 1979. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Литература», 10).

С. 44—53: Современники о классиках. Об Александре Сергеевиче Пушкине. С. Наровчатова. Животворный источник; С. Залыгин. «Я числюсь по России»; А. Бусуйок. История одного путешествия [по маршруту Пушкина и Липранди по Южной Бессарабии].

Дань признательной любви. Русские писатели о Пушкине/ Вступ., сост. и примеч. О. С. Муравьевой. Л.: Лениздат, 1979. 152 с.

Двинянинов Б. Н. Сочетание «свчай и обычай» в переводах «Слова о полку Игореве» и у Пушкина. — Труды Отд. древнерус. лит./ Ин-т рус. литературы АН СССР, 1979, т. 34, с. 247—249.

Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М.: Наука, 1979. 199 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Содерж.: От автора. — Гл. 1. Бессарабское окружение Пушкина. Гл. 2. Пушкин и беженцы Этерии в Кишиневе. Гл. 3. Кишиневский период творчества Пушкина и его значение для пушкистики. Гл. 4. Пушкин и Стаматы. Гл. 5. Пушкин в творчестве молдавских писателей Доница и Негруци. Гл. 6. Пушкин и развитие литературы в Молдавии и Валахии.

Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин и братья Ипсиланти. — Наука и жизнь, 1979, № 3, с. 154—155.

Десницкий В. А. Статьи и исследования. Сб./ Сост. А. В. Десницкой, А. В. Десницкого. Вступ. статья А. С. Бушмина. Л.: Худож. лит., 1979. 544 с.

С. 13—41: «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». [Впервые в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937, вып. 3, с. 43—65]. С. 42—57: «Пушкин и его время». [Впервые: Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1949, т. 87. Каф. рус. лит., с. 3—15].

Дмитровский А. З. Белинский о мировом значении творчества Пушкина. (К проблеме методов исследования). — В кн.: Н. А. Некрасов и его время. Межвуз. сб. Калининград, 1979, вып. 4, с. 88—95. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Калининград. ун-т).

Дробышева Л. Я. Наблюдения над синтаксическим построением повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». — В кн.: Функционирование языковых средств в художественной речи. Омск, 1979, с. 30—37. (Омский пед. ин-т им. А. М. Горького).

Друскин М. С. Игорь Справинский. Личность. Творчество. Взгляды. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Сов. композитор, 1979. 230 с.

С. 29—35: «Пушкин».

Евстратов Н. Г. Дорогами народной войны. — В кн. Е.: Русские писатели в Казахстане. Алма-Ата: Жазушы, 1979, с. 8—35.

О поездке Пушкина в Оренбургский край.

Жижина А. Д. Во славу жизни. Заключительная баллада пушкинского цикла «Подражания Корану». — Рус. речь, 1979, № 4, с. 15—20.

Жижина А. Д. Изучение лирики Пушкина и Лермонтова. — Рус. яз. в казах. школе. 1979, № 7, с. 45—55.

- Жолковский А. К. Инварианты Пушкина. — Учен. зап. Тарт. ун-та, 1979, вып. 467. Семиотика текста. Труды по знаковым системам. 11, с. 3—25.
- Журавлев Д. Н. Восхождение к вершинам. К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Театр. жизнь, 1979, № 10, с. 19—20, с фот.
- Журбина Е. И. Повесть с двумя сюжетами. О публицист. прозе. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1979. 376 с.
С. 78—91: «Пушкин-фельетонист». [Написано в 1965 г.]. С. 340—341: «Мера души». [Об очерке Т. Галушко «Гостей незримый рой». — Аврора, 1970, № 12].
- Завадовский Б. Книга из библиотеки Пушкина [«Путешествия в Туркмению и Хиву» Н. Н. Муравьева]. — В кн.: Молодость. Лит.-худож. альм. Вып. 4. Ташкент: Еш гвардия, 1979, с. 77—79.
- Загорюлько В. «Писанный в Лицее...». — Нева, 1979, № 6, с. 217—218, с факс.
Черновой автограф стихотворения Пушкина «К Делии» в Музее чешской литературы (Бродзяны).
- Замошкин А. И. Михаил Константинович Аникушин. Л.: Художник РСФСР, 1979. 343 с.
С. 29—76: Гл. 2. [Скульптурная пушкиниана Аникушина].
- Западов А., Соколова Е. Книга в руках литературных персонажей. — В кн.: Западов А., Соколова Е. Недочитанные строки. Книговед. статьи и очерки. М.: Книга, 1979, с. 153—240.
С. 153—174: 1. Книга в руках литературных героев Пушкина.
- Записки краеведов. Очерки. Статьи. Документы. Хроника. 1979. Горький, Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. 200 с.
С. 152—176: Болдинские чтения. Н. И. Куприянова. Из родословной А. С. Пушкина. — В. В. Ниякий. Нижегородская ветвь рода Пушкиных. — Ю. И. Левина. Соседи Пушкиных Ермоловы-Топорнины. — В. А. Агальцова. Сохранение и восстановление парка болдинской усадьбы. — А. А. Аквилев. Болдинская осень в экслибрисах.
- Зингер Л. Судьба одного устного рассказа. — Вопр. лит., 1979, № 4, с. 203—228.
«Уединенный домик на Васильевском». Рассказ Пушкина по записи В. П. Титова.
- Зубков Н. Н. Пушкинский лирический цикл 1836 года. — В кн.: Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М., 1979, с. 11—20. (Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак.).
- Измайлов Н. В. Жизнь поэмы. — В кн.: Пушкин А. С. Полтава. М.: Книга, 1979, с. 13—52. (Книга и время).
- Иняхин А. «Что за предельсть эти сказки...». — Театр, 1979, № 4, с. 29—34. «Сказка о царе Салтане» в Театре юного зрителя (Москва, 1978). Сценический вариант и постановка Ю. Жигульского. Реж. А. Литкенс.
- Искрин М. Сочинители, сочиненные Пушкиным. [Петр Андреевич Гринев и Иван Петрович Белкин]. — Лит. учеба, 1979, № 6, с. 183—186.
- История романтизма в русской литературе. Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790—1825). М.: Наука, 1979. 312 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
С. 183—254: Гл. 3. Коровин В. И. Романтизм в русской литературе первой половины 20-х годов XIX века. Пушкин. Романтические настроения в пушкинской лирике 20-х годов; Поэтика романтической поэмы: от «Кавказского пленника» к «Цыганам»; Романтизм в литературной теории Пушкина.
- Кандицкий А. История русской музыки. Т. 2. Вторая половина XIX в. Кн. 2. Н. А. Римский-Корсаков. Допущено Упр. учеб. заведений и науч. учреждений М-ва культуры СССР в качестве учебника для студентов муз. вузов. М.: Музыка, 1979. 279 с. (Моск. консерватория им. П. И. Чайковского).

- С. 115—119: опера «Моцарт и Сальери». С. 143—155: опера «Сказка о царе Салтане». С. 169—188: Гл. VIII. «Золотой петушок».
- Капустин В. А. Великий русский поэт. — В кн.: Пушкин А. С. Избранные произведения. Стихотворения. Евгений Онегин. Повести/ Вступ. статья, предисл., сост. и примеч. В. А. Капустина. Симферополь: Таврия, 1979, с. 5—18. (Школьная 6-ка).
- Карпов А. А. Проблемы развития пушкинской прозы 1833—1837 годов. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1979. 23 с. (Ленингр. ун-т им. Жданова).
- Керцелли Л. Ф., С. Г. Волконский и Н. Н. Раевский в рисунках Пушкина. — Огонек, 1979, № 23, с. 14—15, ил.
- Атрибуция рисунков Пушкина, находящихся в начале рабочей тетради в красном переплете (ПД 838, л. 3). Чтение строки над портретом Волконского «Когда б ты прежде знал».
- Керцелли Л. Ф. ... То самое воспоминание. — Огонек, 1979, № 16, с. 28, с рис. Пушкина.
- Атрибуция портрета Мицкевича на черновике стихотворения «Воспоминание».
- Ковалев Вл. А. «Формулы мыслей и чувств» у Пушкина и Льва Толстого. — В кн.: Традиции и новаторство в художественной литературе. Межвуз. сб. науч. трудов. Горький, 1979, с. 75—85. (М-во просвещения РСФСР. Горьк. пед. ин-т им. М. Горького).
- Коган Л. А. Формула покоя. (Фрагмент философии русской поэзии). — Вопр. философии, 1979, № 11, с. 127—138.
- На материале поэзии Пушкина.
- Кожин В. В. Разбор одного пушкинского творения, или опыт уяснения природы поэзии. — Лит. учеба, 1979, № 2, с. 158—165.
- О стихотворении Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы».
- Козлов С. Л. К поэтике заглавий в русской лирике первой половины XIX в. (Пушкин и его современники). — В кн.: Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М., 1979, с. 20—29. (Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак.).
- Коломинов В. В. Пушкин и Российская академия. (К 180-летию со дня рождения поэта). — Блокнот агитатора, 1979, № 15, с. 46—53.
- Кончин Е. В. Последний портрет Пушкина. — В кн. К.: Загадки старых картин. М.: Знание, 1979, с. 3—19. (Б-ка «Прочти, товарищ!»).
- Портрет работы И. Л. Линева.
- Корман Б. О. Метод и материал. (Стихотворение А. С. Пушкина «Поэт и толпа» и романтическая традиция). — В кн.: Типология литературного процесса и индивидуальность писателя. Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1979, с. 16—31. (Перм. ун-т им. А. М. Горького).
- Коровин В. Всегда с нами. К 180-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина. — Агитатор, 1979, № 11, с. 39—41.
- Коростылев В. Шаги командора. — В кн. К.: Семь пьес. М.: Искусство, 1979, с. 74—143.
- Написано в 1970 г.
- Косачевская Е. М. А. С. Пушкин и Петербургский университет. — Вестн. ЛГУ, 1979, № 8. История. Яз. Лит., вып. 2, с. 22—28.
- Костин В. М. Жуковский и Пушкин. (Проблема восприятия поэмы Р. Саути «Родриг, последний из готов»). — В кн.: Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979, вып. 6, с. 123—139.
- Кравченко О. Пушкину посвящается. — Художник, 1979, № 12, с. 3 вкл., ил.
- Выставка произведений графика Е. Устинова, посвященная Пушкину (МОСХ, 1979).
- Крейн А. З. Жизнь музея. [Музей А. С. Пушкина. Предисл. И. Андроникова]. Худож. В. Кошмин. М.: Сов. Россия, 1979. 254 с., ил.
- Рец.:
Непомнящий В. С. — Новый мир, 1980, № 6, с. 264—265.

- Мотрошилова Н. Прикосновение к бесценному. — Коммунист, 1981, № 14, с. 56—64.
- Кричевская Л. И. Портрет в прозе Пушкина. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1979, № 3, с. 3—9.
- Кузьмин А. И. «Царскосельская статуя» А. Ахматовой. — Рус. речь, 1979, № 1, с. 44—49.
- Сопоставление со стихотворением Пушкина «Царскосельская статуя» («Урну с водой уронив...»).
- Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры [С. А. Соболевский, С. Д. Полторацкий]. М.: Книга, 1979. 352 с.
- Курочкина Г. Сказки А. С. Пушкина и дети. К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Дошкол. воспитание, 1979, № 6, с. 45—47.
- Лакшин В. Я. «Спутник странный». (Александр Раевский в судьбе Пушкина и роман «Евгений Онегин»). — В кн. Л.: Биография книги. Статьи, исследования, эссе. М.: Современник, 1979, с. 72—223.
- То же, сокр. — Октябрь, 1979, № 11, с. 196—208; № 12, с. 203—216.
- Отзыв:
- Семенов В. Живая душа литературоведения. — Подъем, 1981, № 1, с. 156—159.
- Ларионов А. Живой мир поэта. К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Мол. гвардия, 1979, № 6, с. 276—291.
- Пушкинский заповедник. Беседы с С. С. Гейченко.
- Левина Ю. И. Пушкинское Болдино. Экскурсионный очерк. 3-е изд., с изм. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. 79 с., ил.
- Левкович Я. Л. Борис Викторович Томашевский. — Вопр. лит., 1979, № 11, с. 201—219.
- Леонова Т. Г. О психологическом изображении как средстве осмеяния персонажей в сказках А. С. Пушкина. — В кн.: Художественный метод и творческая индивидуальность автора. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979, с. 3—14.
- Лиюкумович Т. Потомки Пушкина в Белоруссии. — Неман, 1979, № 6, с. 188—192, с фот.
- Лотман М. Ю., Шахвердов С. А. Метрика и строфика А. С. Пушкина. — В кн.: Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М.: Наука, 1979, с. 145—257. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
- Прил.: Каталог метрико-строфических форм.
- Лотман Ю. М. «Повесть о капитане Копейкине» (реконструкция замысла и идейно-композиционная функция). — Учен. зап. Тарт. ун-та, 1979, вып. 467. Семиотика текста. Труды по знаковым системам, 11, с. 26—43.
- «Русский Пелам» и «пушкинские замыслы» в творчестве Гоголя.
- Лотман Ю. М. Три заметки о Пушкине. — В кн.: Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979, с. 91—106. (Тарт. ун-т).
1. «Когда же чорт возьмет тебя». 2. «Почему море в мужском роде?» [Стихотворения Пушкина «К морю» и «Так море, древний душегубец...»]. 3. «Задумчивый вампир» и «влюбленный бес». [«Вампир». Повесть, рассказанная лордом Байроном, и «Уединенный домик на Васильевском» Пушкина].
- Лужановская Е. Лингвостилистический комментарий стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву». — Рус. яз. в школе, Вильнюс, 1979, № 5 (14), с. 29—32.
- Лузина М. М. «Здравствуй, племя Младое, знакомое...» (Изучение творчества А. С. Пушкина в узб. школе.) — Рус. яз. и лит. в узб. школе, 1979, № 3, с. 64—68.
- Луков В. А. Пушкин и Гюго: два взгляда на историю драмы. — В кн.: Литературная теория и художественное творчество. Сб. науч. трудов. М., 1979, с. 82—92. (Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
- Мадер Р. Д. Анализ поэтического текста на уроках литературы (из опыта работы учителя в ст. классах). М.: Просвещение, 1979. 94 с.

Гл. II. Проникая в тайны поэтических обобщений. С. 28—33: «Возвращение к истокам. (Анализ стихотворения «Я памятник себе воздвиг...»)». С. 33—36: «Юный, могучий талант — почти без соперников». (Сопоставительный анализ стихотворений, посвященных гибели А. С. Пушкина).

Мадер Р. Д. Вглядываясь в даль «свободного романа». — Лит. в школе, 1979, № 6, с. 64—66.

Рец. на кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин/ Вступ. статья и коммент. А. Тархова. М.: Худож. лит., 1978. 302 с. (Школьная б-ка).

Макогоненко Г. П. О некоторых особенностях поэтики «Пиковой дамы». К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Нева, 1979, № 6, с. 177—188.

Малинина Л. М. О некоторых особенностях белорусского перевода «Евгения Онегина». — В кн.: Асаблівасці развіцця літаратурнага працэсу ў Беларусі на сучасным этапе. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. Мінск, 1979, с. 120—124. (Мінск. пед. ін-т ім. А. М. Горкага).

О переводе А. Кулешова.

Малышева И. В. Потаенные тетради пушкинской поры в Перми. — В кн.: Литература и фольклор Урала. (Респ. сб. науч. трудов). Пермь, 1979, с. 46—65. (Перм. пед. ин-т).

Мальцев М. И. Проблема крестьянского восстания и революции в творчестве А. С. Пушкина. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Тбилиси, 1979. 40 с. (Тбил. ун-т).

Мамонов А. И. «Капитанская дочка», или «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка» (Пушкин в Японии). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, т. 38, № 3, с. 196—206.

Мамонов А. И. Пушкин на японском языке. — Азия и Африка сегодня, 1979, № 9, с. 54—55.

Марьянов Б. «Еще минута — и мы предстанем перед богом!...» — Наука и религия, 1979, № 6, с. 50—51.

«Марья Шонинг» Пушкина.

Матвеева Н. П. Проблемы глагольного вида в теории и практике современной лексикографии (на материале словарей языков А. С. Пушкина и Т. Г. Шевченко). — В кн.: Організація тексту. (Грамматика і стилістика). Київ: Наук. думка, 1979, с. 13—20. (АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні).

Матусовский М. С. Пушкиным наедине. — Знамя, 1979, № 6, с. 221—237.

Меднис Н. Е. Система романых моделей в романе Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Проблемы литературных жанров. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979, с. 37—39.

Минчковский А. О драматургии рассказа. — Лит. учеба, 1979, № 4, с. 226—230.

На примере повести Пушкина «Станционный смотритель».

Михайлов Ал. Тайны поэзии. Из цикла критич. эссе. — Октябрь, 1979, № 7, с. 197—210.

С. 201—204: «Старинный слог». [О поэме Б. Ахмадулиной «Приключение в антикварном магазине»]. С. 209—210: «„Спасение“ Пушкина». [Анализ стихотворения А. Дементьева «А мне приснился сон...»].

Михайлов В. Н. Антропонимия «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. (Наблюдения над творческой историей и ролью собственных имен в романе). — Рус. яз. в школе, 1979, № 1, с. 41—43.

Михайлова Ю. Пушкину посвящается. — Художник, 1979, № 12, с. 3—4 вкл., ил.

Открытие мемориальной доски с профильным портретом Пушкина на доме Нащокина в Ворониковском переулке. Скульптор А. Ненашева. Арх. П. Андреев.

- Могилевская С. Вместе с Пушкиным. К 180-летию со дня рождения великого русского поэта. — Семья и школа, 1979, № 6, с. 46—48.
- Отрывок из книги, посвященной педагогу-словеснику М. А. Рыбниковой.
- Молева Н. Моё селенье, моё Захарово... — Знание — сила, 1979, № 6, с. 40—43.
- Детские годы Пушкина.
- Муза Е. В., Овчинникова С. Т. Жизнь и творчество А. С. Пушкина. Материалы для выставки в школе и детской библиотеке. М.: Дет. лит., 1979. 64 с., фотоил. («Выставка в школе»).
- Муравьева О. С. XXV Пушкинская конференция. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, т. 38, № 1, с. 76—78.
- Юбилейная конференция, посвященная 60-летию советского пушкиноведения (Ленинград, 1978).
- Муравьева О. С. Повесть «Пиковая дама» в идейно-художественных исканиях А. С. Пушкина 1830-х годов. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1979. 25 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- Муравьева О. С. 180-летие со дня рождения А. С. Пушкина. — Рус. лит., 1979, № 4, с. 242—243.
- Юбилейное научное заседание в Институте русской литературы (Ленинград, 1979).
- Н. В. К 180-летию Пушкина. — Вопр. лит., 1979, № 9, с. 302—307.
- Изложение докладов Первой московской пушкинской конференции, организованной Институтом мировой литературы и Музеем А. С. Пушкина.
- Небольсин С. А. Классическая традиция и проблема творческой активности. (Пушкин и модернизм). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1979. 24 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
- Непомнящий В. С. Предназначение. — Новый мир, 1979, № 6, с. 236—253.
- Лицейский этап в творчестве Пушкина.
- Никишов Ю. М. Проблемы романтизма и «поэзии действительности» в авторских рассуждениях в «Евгении Онегине». — В кн.: Романтизм в русской и зарубежной литературе. Межвуз. темат. сб. Калинин, 1979, с. 51—64. (Калинин. ун-т).
- Нольман М. Л. Гипотеза Лахути. Современные выводы из давней дискуссии. — Памир, 1979, № 4, с. 51—57.
- Полемика со статьей Н. В. Измайлова «Мицкевич в стихах Пушкина». (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов...»).
- Нысаналин А. Свидание со степью. К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Простор, 1979, № 6, с. 111—113.
- О путешествии Пушкина в Оренбург в 1833 г.
- Овчинников Р. В. В поисках автора «весьма замечательной статьи». (Об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева»). — История СССР, 1979, № 4, с. 173—179.
- Овчинников Р. В. Кто автор? — Наука и жизнь, 1979, № 12, с. 37—38.
- Дополнение к предыдущей статье того же автора.
- Оганесян Н. М. Обобщающий урок по теме «А. С. Пушкин» в VIII классе. — Рус. яз. в арм. школе, 1979, № 3, с. 17—22.
- Огинская Л. «Евгений Онегин» в эскизах А. А. Осмеркина. — Искусство, 1979, № 10, с. 30—37, ил.
- Одесский год Пушкина. Лит.-краевед. сб. Авт.-сост. К. С. Саркисян. Предисл. Н. И. Поповой-Голлер. Худож. Г. В. Гармидер. 2-е изд., доп. и перераб. Одесса: Маяк, 1979. 247 с., ил.
- Одинцов В. В. Поворот Пушкина к реализму. К уроку литературы. — Рус. речь, 1979, № 6, с. 12—18.

- Осмоловский Ю. Пушкинская тема в творчестве Е. Ф. Белашовой. — В кн.: Советская скульптура — 77. М.: Сов. художник, 1979, с. 220—226, ил.
- Палиевский П. В. Литература и теория. 3-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1979. 286 с.
С. 34—40: «Пушкин как человеческая задача русской литературы». [Впервые: День поэзии. 1969. М., 1969, с. 222—224]. С. 41—61: «Пушкин и выбор русской литературой новой мировой дороги». [Впервые: Москва, 1974, № 6, с. 200—208].
- Пейсахович М. А. Астрофические формы в поэзии Пушкина. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1979, № 3, с. 10—19.
- Песни и сказки пушкинских мест. Фольклор Горьковской области. Вып. 1/ Изд. подгот. В. И. Еремина, М. А. Лобанов, В. Н. Морохин. Л., 1979. 256 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
Рец.:
Корепова К. Сборник фольклора пушкинских мест. — Волга, 1980, № 3, с. 185—186.
- Подольская И. Биография или метафора? — Лит. учеба, 1979, № 6, с. 186—190.
Стихотворение Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»).
- Покровский Б. Стенограмма первой репетиции спектакля «Руслан и Людмила». — В кн.: Размышления об опере/ Ред.-сост. М. Чурова. Общ. ред. Ин. Попова. М.: Сов. композитор, 1979, с. 263—273.
Опера М. И. Глинки на сцене Большого театра СССР (1972).
- Покуц В. Н. Из наблюдений над существительными с уменьшительными суффиксами в произведениях А. С. Пушкина («Капитанская дочка», «Дубровский», «Евгений Онегин»). — В кн.: Методика преподавания русского языка и литературы. Респ. науч.-метод. сб. Киев: Рад. школа, 1979, вып. 12, с. 79—88. (М-во просвещения УССР).
- Попова Н. И. Музей-квартира А. С. Пушкина. Путеводитель. Л.: Лениздат, 1979. 78 с., 8 л. ил.
- «Прекрасен наш союз...»/ Сост. и сопровод. текст Н. Я. Эйдельмана. Худож. Ю. Иванов. М.: Мол. гвардия, 1979. 238 с., ил. (Компас).
Сборник материалов о пушкинском выпуске Царскосельского лицея.
- Прют, сиянем муз одетый. Фотолитературная композиция Е. Кассина и Г. Расторгуева. Рассказы о А. С. Пушкине и Государственном Пушкинском музее-заповеднике С. Гейченко. М.: Планета, 1979. 367 с., ил.
В фотолитературную композицию включены произведения А. С. Пушкина, написанные в Михайловском или по содержанию связанные с его пребыванием на псковской земле; отрывки из писем А. С. Пушкина и писем к нему; воспоминания современников и материалы биографов поэта; вводное слово И. Андроникова; очерк М. Дудина.
- Пруткина М. Рисунки А. С. Пушкина. (К 180-летию со дня рождения поэта). — Рус. яз. за рубежом, 1979, № 3, с. 114—116, с рис. Пушкина.
- Пузырев А. В. О звуковых повторах в поэзии С. А. Есенина и А. С. Пушкина. — В кн.: С. А. Есенин. Эволюция. Творчество. Мастерство. Рязань, 1979, с. 74—79. (Рязан. пед. ин-т).
- Пущко В. Пушкинана Ефимовых. — В мире книг, 1979, № 3, с. 46—47, ил.
Иллюстрации И. С. Ефимова и Н. Я. Симонович-Ефимовой к произведениям Пушкина.
- Пушкин. Исследования и материалы. Т. 9. Л.: Наука, 1979. 357 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
Содерж.: Предисловие. — I. Статьи. Н. В. Измайлов. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина; М. П. Алексеев. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина; В. Б. Сандомирская. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов; И. М. Тойбин. «Евгений Онегин»: поэзия

и история; В. А. Грехнев. Диалог с читателем в романе Пушкина «Евгений Онегин»; Л. С. Сидяков. «Полтава» и «Евгений Онегин». (К характеристике повествовательной системы исторической поэмы Пушкина); Я. Л. Левкович. Из наблюдений над черновиками писем Пушкина; Н. Н. Петрунина. Пушкин на пути к роману в прозе. «Дубровский»; Л. И. Вольперт. Пушкин и французская комедия XVIII в. — II. Материалы и сообщения. Д. С. Лихачев. «Сады Лицея»; А. А. Формозов. Пушкин и древности юга России; И. П. Смирнов. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне»; Н. И. Михайлова. «Евгений Онегин» и «Московский европеец» (о прозаической пародии на «роман в стихах»); В. И. Сахаров. Еще о Пушкине и В. Ф. Одоевском; М. И. Гиллельсон. Статья Пушкина «О Мильтоне и шатобриановом переводе „Потерянного рая“»; Л. М. Аринштейн. Незвестные страницы ранней английской пушкинианы. — III. Из неизданной пушкинианы. Д. П. Якубович. «Арап Петра Великого». Публ. Л. С. Сидякова; С. Б. Рудаков. Ритм и стиль «Медного всадника». Публ. Э. Г. Герштейн. — IV. Трибуна. В. В. Пугачев. 1818 или 1820 год?; С. В. Житомирская. К истории мемуарного наследия А. О. Смирновой-Россет. — Указ. имен; Указ. произведений Пушкина.

Пушкин. Размышления о поэте, Вокально-хореогр. симфония в 2-х ч. Композитор А. Петров. Либретто и постановка Н. Касаткиной и В. Василева. Муз. рук. спектакля и дирижер Ю. Темирканов. Худож. И. Сумбаташвили. Гл. хормейстер А. Мушин. Л.: Музыка, 1979. 30 с. (Ленингр. акад. театр оперы и балета им. С. М. Кирова).

Текст парал. на рус. и англ. яз.

Пушкин в странах зарубежного Востока. Сб. статей. М.: Наука, 1979. 230 с.

Содерж.: Е. П. Челышев. Поэт всех времен и народов. — А. А. Дюлинина. Пушкин в арабской литературе. — И. Д. Серебряков. Литература пушкинской поры и Индия. — В. А. Новикова. Пушкин на бенгальском языке. — Е. А. Запорова. «Повести Белкина» на бирманском языке. — М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. — А. И. Мамонов. Пушкинское наследие в Японии. — Н. И. Никулин. Произведения Пушкина во Вьетнаме. — Н. Я. Соловей. Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина. — М. Ф. Мурьянов. Об одном восточном мотиве у Пушкина. — Д. И. Белкин. Пушкинские строки о Персии. — А. А. Шариф. Из истории публикаций поэмы М.-Ф. Ахундова «На смерть Пушкина».

Рец.:

Садыхов М. За строкой Пушкина... О сборнике «Пушкин в странах зарубежного Востока». — Лит. обозрение, 1981, № 1, с. 124—127.

Пушкин и его современники. Портреты из собрания Гос. Литературного музея. Каталог выставки, посвященной 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина/ Сост.: Е. А. Алексеева и др. Отв. ред.: Н. В. Шахалова. М., 1979. 62 с. (Гос. Лит. музей).

Пушкиниана в экслибрисе. Выставка книжных знаков. Каталог. Сост. Е. Н. Коллеров. Авт. вступ. статья Н. Г. Стрижак. Старица-Берново, 1979. 41 с., ил. (Берновский музей А. С. Пушкина).

А. С. Пушкину посвящается. — Лит. Грузия, 1979, № 7, с. 158.

Всесоюзная научная конференция, посвященная 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 150-летию пребывания поэта в Грузии. (Тбилиси, 1979).

Пушкин И. И. Записки о Пушкине; Письма/ Сост., вступ. статья (с. 5—28) и коммент. С. Д. Селивановой. М.: Сов. Россия, 1979. 141 с., портр.

Пьянов А. С. «И был сей день великим праздником...». Неизвестное письмо А. С. Пушкина. — Юность, 1979, № 6, с. 88—92.

Пушкин и А. А. Раменский. Пушкин в архиве Раменских. (Копия письма Пушкина к А. А. Раменскому от 1833 г. на шмуцтитуле 23-го

Тома журн. «Библиотека для чтения» за 1837 г.; отрывки из неопубликованных воспоминаний А. Н., А. П. и Н. П. Раменских; записи в «Хронике»).

Пьянов А. С. «Мои осенние досуги». Пушкин в Тверском крае. М.: Моск. рабочий, 1979. 320 с., ил.

Содерж.: От автора. — «То в кибитке, то в карете...». — «Сбирайтесь иногда...». — «Бог помочь вам, друзья мои...». — «Проезжая через Тверь...». — «В обществе доброй провинциалки». — «Погрудись скомпоновать мадригалец». — Три портрета Катеньки Вельяшевой. [Впервые в изм. ред. в кн. П.: «Берег, милый для меня». Пушкинские места Верхневолжья. М.: Моск. рабочий, 1974, с. 99—112]. — «Певец любви то резвый, то унылый...». — Находка в селе Мологине. [Впервые в изм. ред. в кн. П.: «Берег, милый для меня», с. 113—124]. — «Пишу к тебе из Павловска...». — «Иные нужны мне картины...». — «Берновская трагедия». [Впервые в изм. ред. в кн. П.: «Берег, милый для меня», с. 125—144]. — «... Деревня же наш кабинет». — «Тайна старого парка». — «У Пожарского в Торжке». [Впервые в изм. ред. в кн. П.: «Берег, милый для меня», с. 65—80]. — «Я здесь остался б...». — Примечания. — Рисунки А. С. Пушкина.

Рец.:

Лузянина Л. По дорогам литературного краеведения. — В мире книг, 1980, № 6, с. 59—60.

Свининников В. Тверские «досуги» Пушкина. — Наш современник, 1981, № 2, с. 190—191.

Равкин З. И. «Отечество нам Царское Село» (к 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина). — Сов. педагогика, 1979, № 8, с. 101—109.

Равкин З. И. Педагоги Царкосельского лицея. К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Нар. образование, 1979, № 6, с. 81—85.

Радченко Ю. Рец. на кн.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, 1974; Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука, 1977. — Звезда, 1979, № 2, с. 220—221.

Рахманова М. Художественный гений в России. — Сов. музыка, 1979, № 6, с. 71—74.

Глинка и Пушкин.

Романюк С. К. Московский адрес Пушкина. — Гор. хоз-во Москвы, 1979, № 6, с. 37—38.

Романюк С. К. Пушкинская Москва. [Список пушкинских мест в Москве. Карта на с. 6—7 цв. вкл.]; «Москва! Как я любил тебя...». — Наука и жизнь, 1979, № 7, с. 100—105, 102—105.

Савченко С. И. Использование графов зависимости для установления идентичности стилей А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. — В кн.: Материалы IX межвузовской студенческой научной конференции по структурной и прикладной лингвистике. М., 1979, с. 47—49. (Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак.).

Савченко Т. В. К вопросу о циклизации малых прозаических форм и романном мышлении («Повести Белкина» и «Герой нашего времени»). М., 1979. 32 с.

Рукопись депонирована в ИНИОН (№ 3977).

Сайтанов В. А. Пушкин и английские поэты Озерной школы. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1979. 24 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Сафонов М. «Давно б на Дерптскую дорогу...». К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Таллин, 1979, № 3, с. 91—97.

Пушкин и Эстония. Беседа с С. С. Гейченко.

Сафонов Ю. Легенда о Пушкине. История одного поиска. — Радуга, 1979, № 10, с. 186—188.

По поводу книги Н. Лопатина «Город наш Кадиевка». Опровергается версия о посещении Пушкиным в 1820 г. Еленовки, принадлежавшей Раевским.

- Светланин А. В донских степях и горах Кавказа. — Дон, 1979, № 6, с. 158—162.
- Пушкин на Дону и на Кавказе.
- Селиванова С. Д. Познание Пушкина. — Вопр. лит., 1979, № 10, с. 273—279.
- Рец. на кн.: Бонди С. М. О Пушкине. Статьи и исслед. М.: Худож. лит., 1978.
- Селю Ю. С. Внесценическое театральное пространство в рассказе-трагедии А. П. Чехова «В ссылке» и «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина. — В кн.: Театральное пространство. Материалы науч. конференции. (1978)/ Под общ. ред. И. Е. Даниловой. Ред. Л. М. Смирнова. М.: Сов. художник, 1979, с. 422—433. (Гос. музей изобразит. искусств им. А. С. Пушкина).
- Серебряков Г. Командир нарвских гусар А. А. Пушкин. — В кн.: Герой Шипки. Сб. М.: Мол. гвардия, 1979, с. 389—424. (ЖЗЛ. Сер. биогр. Вып. 2 (588)).
- Сигрифт А. Пушкинские издания в библиотеке П. В. Губара. — В кн.: Встречи с книгой/ Сост. Ю. М. Акутин. Отв. ред. Е. И. Осетров. Худож. Н. Я. Назарова. М.: Книга, 1979, с. 148—182.
- Сидеравичюс Р. К. Переводы произведений А. С. Пушкина на литовский язык. — Литовские писатели об А. С. Пушкине. — В кн.: Межнациональные литературные связи на уроках русской литературы. Сб. статей/ Сост. Р. Сидеравичюс. Каунас: Швиеса, 1979, с. 6—10, 11—16. (М-во просвещения Лит. ССР).
- Сидяков Л. С. Пушкин: биография и творчество. — Наука и техника, 1979, № 8, с. 30—32.
- Сидяков Л. С. Рец. на кн.: Пушкин А. С. Медный всадник. Л.: Наука, 1978. (Лит. памятники). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, т. 38, № 3, с. 270—273.
- Сладков Д. А. Своеобразие лирики А. С. Пушкина. — В кн. С.: Факультативные занятия по русской литературе (первая половина XIX века). Казань: Тат. кн. изд-во, 1979, с. 57—67.
- «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...». (К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина). — Рус. яз. и лит. в туркм. школе, 1979, № 3, с. 64—73.
- Смирнова В. Илья Сельвинский читает Пушкина. — В кн. С.: Из разных лет. Статьи и воспоминания. 2-е изд. М.: Сов. писатель, 1979, с. 564—568.
- Солнце русской поэзии: Метод. рекомендации в помощь пропаганде поэзии А. С. Пушкина. Сост.: И. В. Жигулина. М., 1979. 31 с. (Гос. респ. юношеская б-ка РСФСР им. 50-летия ВЛКСМ; Всесоюз. о-во любителей книги. Совет по работе с юношеской лит.).
- Соловей Н. Я. Элегия Ленского («Евгений Онегин» А. С. Пушкина). — В кн.: Анализ художественного текста. Сб. статей. М.: Педагогика, 1979, вып. 3, с. 45—54. (НИИ преподавания рус. яз. в нац. школе АПН СССР).
- Спивак Р. С. Философская лирика А. С. Пушкина 30-х годов как жанрово-стилевая общность. — В кн.: Типология литературного процесса и индивидуальность писателя. Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1979, с. 3—16. (Перм. ун-т им. А. М. Горького).
- Степанов Л. А. Эпиграмма и басня в эстетическом кругозоре Пушкина. — В кн.: Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1979, кн. 3, с. 16—33. (Науч. труды Кубан. ун-та, вып. 273).
- Строкою Пушкина воспето. Immortalized by Pushkin's Muse/ Авт. фотоальбома В. Собровин. Вступ. слово А. Суркова. М.: Планета, 1979. 135[8] с., ил.

Часть текста парал.: рус., англ.

- Субботин В. Роман от первого лица. М.: Сов. писатель, 1979. 751 с. С. 599: «Движение». С. 600—602: «Два рассказа о Пушкине и Вяземском». С. 632—634: «Земля Михайловского».
- Танкиев А. X. О горской теме в кавказских произведениях А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы литературных связей. Грозный, 1979, т. 8, с. 26—32. (Чечено-Ингуш. ин-т истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР).
- Тараносова Г. Н. Лингвистический анализ стихотворения А. С. Пушкина «Обвал». — В кн.: Анализ художественного текста. Сб. статей. М.: Педагогика, 1979, вып. 3, с. 30—35. (НИИ преподавания рус. яз. в нац. школе АПН СССР).
- Тараносова Г. Н. Стихотворение А. С. Пушкина «Осень» в курсе «Лингвистический анализ художественного текста». — В кн.: Русский язык. Теория и методика преподавания. Сб. статей. Душанбе, 1979, с. 188—195. (Тадж. ун-т им. В. И. Ленина).
- Лингвистический анализ первой октавы стихотворения.
- Твардовский А. Т. Слово о Пушкине. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1979, с. 5—23. (Классики и современники. Поэтич. б-ка).
- Речь на торжественном заседании в Большом театре 10 февраля 1962 г., посвященном 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина.
- Третьяков И. Такой далекий, такой родной. — Лит. Азербайджан, 1979, № 6, с. 25—32.
- Трифонов Н. Речь на кн.: Гейченко С. У лукоморья. Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника. Л., 1977. — Лит. обозрение, 1979, № 7, с. 83—84.
- Трофимов И. Т. Поиски и находки в московских архивах. М.: Моск. рабочий, 1979. 160 с.
- С. 20—33: «Реликвии духовной культуры возвращаются на Родину». [Автографы Пушкина за рубежом]. С. 79—116: «Полководец». [Впервые в другой ред. в кн.: Прометей. М., 1974, т. 10, с. 186—200]. С. 117—118: «К портрету Воронцова». [Новый вариант эпиграммы на Воронцова, обнаруженный в ЦГАЛИ]. С. 119—120: «Автограф А. С. Пушкина». [Предполагаемый автограф стихотворения Пушкина «К портрету NN», обнаруженный в ЦГАОР. Впервые: Сов. архивы, 1973, № 2, с. 108—109]. С. 121—125: «Еще один некролог об А. С. Пушкине». [Впервые в кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968, с. 85—86].
- Трубецкой Б. А. Слово о Пушкине. — Кодры, 1979, № 12, с. 142—143.
- Речь на кн.: Хазин М. «Твоей молвой наполнен сей предел...». Кишинев: Литература артистикэ, 1979.
- Турбин В. Н. А. С. Пушкин: диалог с миром. — Иностран. лит., 1979, № 11, с. 268—270.
- Речь на кн.: Пеуранен Э. Лирика А. С. Пушкина 1830-х годов. Поэтика: темы, мотивы и жанры поздней лирики. [Финляндия], Ювяскюля: Ун-т Ювяскюля, 1978.
- Тухарели Д. А. Четыре книги о дружбе. — Лит. Грузия, 1979, № 11, с. 122—127.
- Речь на кн.: «Шумит Арагва предо мною». Тбилиси, 1974; «Там, где вьется Алазань». Тбилиси, 1977; «За хребтом Кавказа». Тбилиси, 1977; «Поэтический край». Тбилиси, 1978.
- Тымчишин В. В. Пушкин в Молдавии/ Авт.-сост. В. Тымчишин. Худож. В. Синацкий. Фото В. Гальперина, М. Шламовича. Кишинев: Тимпул, 1979. 79 с., ил.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин. Роман. Минск: Наука и техника, 1979. 528 с.
- Тяпугина Н. О. Жанр эпиграммы в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Проблемы литературных жанров. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979, с. 110—112.
- Уварова И. В. Эстетика Н. М. Карамзина и Пушкин-лицейст. — В кн.:

- Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1979, кн. 3, с. 13—16. (Науч. труды Кубан. ун-та, вып. 273).
- Удодов В. Т. Концепция личности в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Индивидуальность писателя и литературно-общественный процесс. Сб. статей. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979, с. 22—53.
- Усок И. Е. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и его восприятие в России XIX—XX вв. — В кн.: Русская литература в историко-функциональном освещении. М.: Наука, 1979, с. 239—302. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
- Федоров В. В. Гармония трагедии («Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина). — В кн.: Литературное произведение как целое и проблемы его анализа. Межвуз. сб. науч. трудов. Кемерово, 1979, с. 143—150. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Кемеровский ун-т).
- Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 7-е изд. М.: Худож. лит., 1979. 366 с., 9 л. ил.
- Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Наука, 1979. 119 с., 8 л. ил. (АН СССР. Ин-т археологии).
- Содерж.: Введение. — Как складывалась археология в России и что знал об этом Пушкин. — Пушкин и археологические памятники юга России. — Пушкин и легенда о гробнице Овидия. — Интерес Пушкина к древнему Египту. Гулянов. — Пушкин и Ходаковский. — Путешествия по России. — Заключение. — Примечания. — Список сокращений.
- Рец.:
Эйдельман Н. Я. Поэт — «историк строгой». — Новый мир, 1980, № 8, с. 259—262.
- Френкель В. Я. Рец. на кн.: Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. М.: Сов. писатель, 1976. — Звезда, 1979, № 1, с. 221—222.
- Фризман Л. Г. Вокруг Пушкина. — Вопр. лит., 1979, № 2, с. 271—275.
- Рец. на кн.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, 1974; Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука, 1977.
- Фролов В. Хронотоп в пьесе. — В кн. Ф.: Судьбы жанров драматургии. Анализы драм. жанров в России XX в. М.: Сов. писатель, 1979, с. 41—77.
- Впервые, под загл. «Хронотоп в „Борисе Годунове“ А. С. Пушкина и принципы киномонтажа», в кн.: Кино и литература. Сб. науч. трудов. М., 1977, вып. 16, с. 3—18.
- Фрумкина А. С. Пушкинские вечера. (Искусство звучащего слова, вып. 20). М.: Сов. Россия, 1979, вып. 2, 160 с.; ил. (Б-чка «В помощь худож. самодеятельности», № 19).
- Содерж.: Введение. — «И лира стала мой удел...» — «Мой брат родной по музе, по судьбам». — Адресаты Пушкина. («Черты живые прелестной девы»; «Княгиня Ночи»; «С благоговением Вам ныне поклоняюсь я...»; «Одной любви музыка уступает...»; «Под секию кулис...»); «О муза пламенной сатиры». — «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» — Материалы на пушкинскую тему, вышедшие в предыдущих выпусках серии «Искусство звучащего слова» (1965—1978 гг., вып. 1—19). — Список иллюстраций.
- Хазин М. Г. «Твоей молвой наполнен сей предел...». Кишинев: Литература артистикэ, 1979. 240 с.
- Содерж.: Приезд. — «Места, милые моему воображению...». — Жил в Деньжанах пушкинист. [Е. Неговский. Впервые: Кодры, 1969, № 6, с. 79—95]. — Кукушка и бессмертие. — «Все в ней пленяло...». [Е. М. Горчакова. Впервые: Кодры, 1976, № 12, с. 97—105]. — Путиами декабриста Юшневского. — «Доныне в память врезаны глубоко...». — Иззов. — Похвальное слово благородству души. — Встреча с Михайловским. — Загадка пушкинских эпитафий? — «Режь меня...».

- Хандрос Б. Н. Левушка Пушкин. Киевская находка. — Юность, 1979, № 8, с. 79—86.
- 37 неизданных писем Л. С. Пушкина к М. В. Юзефовичу от 1831—1843 гг., обнаруженные в ЦГИА УССР.
- Ханмурзаев Г. Пушкин и Кавказ. — Сов. Дагестан, 1979, № 3, с. 56—57.
- Хентова С. Слав слова и звука. — Аврора, 1979, № 9, с. 127—134.
Произведения Д. Шостаковича на пушкинские тексты.
- Ходакова Е. П. «Глаголом жги сердца людей». — Рус. речь, 1979, № 6, с. 102—107.
- Ходоров А. Рец. на кн.: Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига—Пушкина. М.: Книга, 1978. — Звезда, 1979, № 9, с. 222.
- Холмогоров М. За два часа до дуэли. Рассказ. — Сельская молодежь, 1979, № 11, с. 58—63.
- Черейский Л. А. Новый автограф А. С. Пушкина. — Нева, 1979, № 6, с. 218.
Экземпляр «Евгения Онегина» с дарственной надписью Пушкина Н. Шаликовой, обнаруженный в Научной библиотеке им. М. Горького Московского университета.
- Чернышевский Н. Г. Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения. — В кн. Ч.: Письма без адреса. М.: Современник, 1979, с. 91—126.
- Чиждова И. Б. Женские портреты пушкинской поры. Работы П. Ф. Соколова. — Искусство, 1979, № 6, с. 63—68 с ил.
Впервые публикуется акварельный портрет Д. Ф. Фикельмон 1837 г.
- Чугай О. Пушкинский праздник на БАМе. (Путевые заметки). — Культ.-просвет. работа, 1979, № 7, с. 30—31.
- Шадури В. С. Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов. Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В. Д. Вольховском. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1979. 52 с.
С. 20—26: «А. С. Пушкин в кругу „старых приятелей“».
- Шальман Е. С. «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина. (Хронология и литературные отношения). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, т. 38, № 3, с. 179—195.
- Шамович Е. И. Натали. — Театр, 1979, № 11, с. 115—120.
Отрывок из неоконченной рукописи. А. И. Степанова в роли Н. Н. Пушкиной в пьесе Булгакова «Последние дни».
- Шанский В. Стихотворение А. С. Пушкина «Зимняя дорога» (лингв. коммент.). — В кн.: Анализ художественного текста. Сб. статей. М.: Педагогика, 1979, вып. 3, с. 92—95. (НИИ преподавания рус. яз. в нац. школе АПН СССР).
- Шаров А. Волшебники приходят к людям. Книга о сказке и о сказочниках. Рис. Н. Гольц. 2-е изд., доп. М.: Дет. лит., 1979. 382 с., ил.
С. 157—199: Гл. 8. Пушкин и сказка.
- Шведова Е. Этюды о музеях. К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Алтай, Барнаул, 1979, № 2, с. 70—77.
1. «Знакомством, дружбой и родством». [Музей «Приютино» во Всеволожске]. 2. «Почтовой станции диктатор...». [«Домик станционного смотрителя» в д. Выра]. 3. «Ах, няня, няня...». [Музей «Домик няни» в с. Кобрино]. 4. Неудавшийся портрет. [Картина И. Е. Репина «Пушкин на берегу Невы», находящаяся в «Пенатах»].
- Шейман Л. А., Романевич Т. В. О приобщении к национально-культурным аспектам художественного произведения. («Зимняя дорога» А. С. Пушкина в киргизской школе). — Рус. яз. и лит. в кирг. школе, 1979, № 5, с. 34—52.
- Шетля В. Язык официальных сообщений о польском восстании 1830—1831 годов в оценке А. С. Пушкина. — В кн.: Проблемы развития и современного состояния русского языка. Сб. науч. трудов/ Под ред.

докт. филол. наук проф. А. Н. Стеценко. М., 1979, с. 76—80. (М-во просвещения РСФСР. Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

Шнейдер А. Его величество факт. Заметки архивиста. — Новый мир, 1979, № 7, с. 247—254.

Пушкин — историк-архивист.

Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М.: Худож. лит., 1979. 422 с., 9 л. ил.

Содерж.: От автора. — Ч. I. Юг. Гл. I. «Где и что Липранди?». [Впервые, сокр., в кн.: Пути в незнаемое. М., 1972, сб. 9, с. 125—158]. Гл. II. «Свободы друг миролюбивый...». Гл. III. «По смерти Петра I...». [Впервые в кн.: Прометей. М., 1974, т. 10, с. 302—354]. Гл. IV. «Я не могу забыть...». (Декабрист Горбачевский о Пушкине). — Ч. II. Пушчин—Пушкин. [Впервые, сокр.: Знание — сила, 1978, № 11, с. 38—41; № 12, с. 31—34]. Гл. V. «Пред грозными судьбами...». Гл. VI. «Мы близимся к началу своему». Ч. III. Михайловское. Гл. VII. 11 января 1825 года. [Впервые: Наука и жизнь, 1976, № 10, с. 112—117; № 11, с. 72—79]. Гл. VIII. «Пушчин познакомит нас короче...». Гл. IX. «Андрей Шенье» и Николай Раевский. [Впервые, сокр., под загл.: «Совет меня другая тень». Об элегии «Андрей Шенье». — Лит. обозрение, 1979, № 6, с. 103—109]. Гл. X. «Придет ли час моей свободы?». [Впервые, сокр.: Звезда, 1977, № 2, с. 171—191]. Заключение. Список условных сокращений. Именной указ. Список иллюстраций.

Рец.:

Гордин Я. «Чсму, чему свидетели мы были...». — Наука и жизнь, 1980, № 10, с. 130—133.

Рассадин Ст. Советоваться с Пушкиным. — Новый мир, 1980, № 6, с. 242—247.

Дмитренко С. «История народов принадлежит поэту!» — Вопр. лит., 1981, № 5, с. 256—262.

Эйдельман Н. Я. Учитесь читать! — Знание — сила, 1979, № 8, с. 29—30.

О «подтексте» в XL строфе второй главы «Евгения Онегина».

Эфрос А. М. Мастера разных эпох. Избр. ист.-худож. и критич. статьи / Сост. М. В. Толмачев. М.: Сов. художник, 1979. 335 с. (Б-ка искусствознания).

С. 140—143: «Автопортреты Пушкина». [Печатается по изд.: А. Эфрос. Автопортреты Пушкина. М.: Гослитмузей, 1945]. С. 273—277: «„Евгений Онегин“ в иллюстрациях Н. Кузьмина. (К выходу в свет «Евгения Онегина» в издании «Академии»)». [Впервые под загл.: «Кузьмин — иллюстратор Пушкина. К выходу „Евгения Онегина“ в издании „Академия“»: Лит. газ., 1934, 6 апр., с. 4].

ЖУРНАЛЫ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

Аврора, 1979, № 6.

С. 74—111: 180 лет со дня рождения А. С. Пушкина. Б. И. Бурсов. Наш вечный спутник; В. А. Мануйлов. Зримое литературоведение. [О работе Б. Э. Рецетера над рукописью «Русалки» и о постановке ее в Литературно-драматической студии]; В. Э. Вацуро. Поэты. [Пушкин в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств]; Л. А. Черейский. «Нет ничего лучше Невского проспекта...». [Здания Невского проспекта, связанные с жизнью и творчеством Пушкина].

В мире книг, 1979, № 6.

С. 43—45: В. Курбатов. Очарованный резец. Пушкинская тема в графике Э. Насибулина. С. 46—47: Е. Калинин. Строгий и нежный образ. Художник Николай Брюханов. С. 61—62: А. Тархов. Почему — «Евгений Онегин»? [«Смысловое прочтение» имени героя романа]. С. 62—63: Дм. Брудный. «И назовет меня всяк сущий в ней

язык...». [Влияние Пушкина на литературу народов Севера]. С. 64: Издания пушкинского года. С. 69—71: В. Кунин. Алмазы великого мастера. С. 72—74: В. Порудоминский. Следовать мыслям писателя. [О книгах «Болдинская осень» (М., 1977) и «К нам едет ревизор»]. С. 74—75: В. Муленкова. От всего сердца. Продолжаем разговор о книге в музее. С. 76: Ю. Попов. Фронтовой друг. Том лицейских стихотворений Пушкина, пробитый осколком во время Великой Отечественной войны. С. 79: Я. Барков. Пушкинская полка. Альбом малой графика.

Вечерняя средняя школа, 1979, № 3.

С. 53—62: К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Мир великого поэта. [Свидетельства современников о Пушкине. Подборка М. К. Ермаковой]. С. 56—59: Н. Васильева. В краю высоких вдохновений. [Пушкинский заповедник]. С. 59—62: З. И. Матвеева. Приобщая к лирике Пушкина. С. 79—80: Новые книги о А. С. Пушкине.

Вопросы литературы, 1979, № 6.

С. 42—164: К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Н. Скотов. «Это русский человек в его развитии...». (К проблеме эволюции А. С. Пушкина); В. Кирпотин. Автобиографический очерк об изучении Пушкина; Г. Макогоненко. «Медный всадник» и «Записки сумасшедшего». (Из истории творческих отношений Гоголя и Пушкина); А. Макаров. К истории текста «Каменного гостя»; П. В. Анненков. Отрывок из статьи. Публ. и вступ. заметка И. Конобеевской. [Впервые в кн.: А. С. Пушкин. 1837—1937. Саратов: Облиздат, 1937 (в статье Л. А. Фина «П. В. Анненков, первый издатель и биограф Пушкина»)]; С. Громбах. Незамеченный отклик на «Историю Пугачева»; А. Ильин-Томич. А. С. Пушкин в письмах В. Л. Пушкина. (Дядя о племяннике); Речь В. П. Семенова-Тян-Шанского в селе Михайловском; Американский поэт о Пушкине [Д. Г. Уитьер]. Вступ. заметка, публ. и примеч. В. Александрова.

Звезда Востока, 1979, № 6.

К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 6—9: [Стихи:] У. Рашид. А. С. Пушкину. — Назармат. Твоя лира. — В. Качаев. Глагол, навеянный поэтом. С. 143—145: «Солнце русской поэзии». Айбек о Пушкине. Публ. и коммент. Р. Ибрагимовой. [Впервые публикуется статья и заметки Айбека, написанные в 1949 г. Статья написана для «Литературной газеты» к 150-летию со дня рождения Пушкина]. С. 146—150: Д. Белкин. Пушкин и сказки «1001 ночи». С. 151—155: Л. Тартаковская. «Люблю немолчный голос твой...». Пушкин и Восток: сквозь призму традиционного образа.

Искорка, 1979, № 6.

180 лет со дня рождения А. С. Пушкина.

Содерж.: М. Дудин. Первый урок. — Л. Добринская. Вестник пушкинского гения. — А. Кушнер. Вот наступает вечер. [Стих.]. — Н. Внуков. Седьмое января. — М. К. Аникушин [интервью]. Пушкин все вам скажет, все откроет. — О. Тарутин. «Себя как в зеркале я вижу...». [Стих.]. — А. Леонов. Памятник. — И. Кирпичникова. Сюрприз. — Г. Горбовский. Пушкинский колокольчик. [Стих.]. — Р. Погодин. Подарок. — В. Торопыгин. Пушкинская земля. — О. Тарутин. Автопортрет. [Стих.]. — Т. Галушко. Последний портрет Пушкина; Накануне. [Стих.]. — Т. Кудрявцева. «Он был легкорылым, курчавым и радостным». — О. Орлов. У Нащокина, против Старого Пимена. — Г. Гоппе. «Да скроется тьма!». — Г. В. Савридов [интервью]. «У Пушкина каждый находит свое». — Л. Гаврилов. На полустанке. [Стих.]. — М. Дадхиве. Надя Ружева рисует Пушкина. — Л. Добринская. Имя Пушкинского Дома. — Л. Сидоровский. «Внуки будут уважены за имя, нами им переданное...». — В. Островский. С Пушкиным по

городу. — Елена и Пушкинские Горы. — Охота к перемене мест. — Первый памятник. — Из произведений А. С. Пушкина. [Кроссворд].

Кодры, 1979, № 5.

С. 131—152: к 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Б. Трубецкой. Романтика литературоведческого труда. (Поиски и находки кишиневского книголюба [Е. Неговский]. — Л. Оганян. Исторические взгляды А. С. Пушкина и кишиневских декабристов. — Б. Брыневей. Пушкиниана молдавской графики. — Г. Георгиу. Лесной родник. [Посещение с. Пушкино].

Литература в школе, 1979, № 3.

К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 9—13: Н. Я. Соловей. Образ Ленского и его элегия в романе «Евгений Онегин». С. 13—17: А. Д. Жижина. Итоговое стихотворение Пушкина. [«Я памятник себе воздвиг...»]. С. 72—74: А. М. Булаков, И. Н. Семенов. Современное методическое пособие. [Рец. на кн.: Пушкин в школе. Пособие для учителя. Сост. В. Я. Коровина. М.: Просвещение, 1978].

Литературное обозрение, 1979, № 6.

К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 6—11: Н. Гей. В соавторстве с историей. С. 8—10: Н. Старшинов. На милом берегу [в Берново]. С. 12—16: Н. Савостин и Д. Кугультинов. «Товарищ вдохновенный...». О судьбах пушкинской поэзии. С. 16: Анн. к кн.: И. Фейнберг. Загадочный набросок Пушкина. М.: Правда, 1978; Пушкин в школе. Сб. статей/ Сост.: В. Я. Коровина. — М.: Просвещение, 1978; В. М. Русаков. Потомки А. С. Пушкина. Л.: Лениздат, 1978. С. 17—24: В. Лакшин. Движение «свободного романа». Заметки о романе «Евгений Онегин». С. 21—24: В. Бровченко. «Вновь я посетил». [Стихи]. Пер. с укр.: С. Соложенкина. С. 25—28: Д. Самойлов. Пророческое назначение. Заметки о лирике Пушкина. С. 28: В. Белшевиц. Осень в Михайловском. [Стих.]. Пер. с латыш.: Д. Самойлов. С. 28: А. Тарковский. В нем было все. С. 56—58: Ю. Чумаков. В глубь пушкинской строки. Рец. на кн.: Рассадин Ст. Драматург Пушкин. М.: Искусство, 1977. С. 59—62: В. Герман. Непрочитанный Пушкин. Рец. на кн.: Рассадин Ст. Драматург Пушкин. С. 72—74: В. Мильчина. «Определите значение слов». Рец. на кн.: Пушкин — критик. М.: Сов. Россия, 1978. С. 87—88: В. Чайковская. Рец. на кн.: Бонди С. О Пушкине. Статьи и исслед. М.: Худож. лит., 1978. С. 88—89: А. Тархов. Рец. на кн.: Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1976—1978. С. 92—94: Р. Доктор. Духовные позиции классики. Пушкин на телевидении. С. 95: Л. Зорин. Прикосновение. Из беседы с актерами МХАТа на первой репетиции пьесы «Медная бабushка». С. 96—97: И. Левкова. Минувшее мы вновь переживаем... Графическая пушкиниана Дмитрия Громана. [На обл. портрет Пушкина работы Громана]. С. 103—110: Н. Эйдельман. «Зовет меня другая тень». Об элегии «Андрей Шеньев». С. 107—109: М. Львов. Навсегда останется при нас!

Наука и жизнь, 1979, № 6.

С. 104—113: «Москва, как я любил тебя...». А. Пушкин. Москва. [Отрывок из «Путешествия из Москвы в Петербург»]; Л. Заверин. Где же родился А. С. Пушкин? Н. Волович. Нужны новые факты. [Коммент. к статье Л. Заверина]; С. Романюк. «Пиши мне на Арбат, в дом Хитровой». [Впервые публикуется страница мажорской книги с автографом Пушкина].

Огонек, 1979, № 23.

С. 8—18: К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Н. Скотов. Русский гений. — Л. Кишкин. Из старого альбома [Н. Н. Пушкиной]. — А. Басманов. Полтава. К 270-летию Полтавской битвы и 150-летию создания поэмы «Полтава». — Г. Блумин. Домик няни. [Музей в с. Кобриню]. — Н. Белова. «Друг мой женка». — Л. Кер-

целли. С. Г. Волконский и Н. Н. Раевский в рисунках Пушкина. — Эва Штриттматтер. Величие таланта. — М. Баринов. В стране поэзии. [Гос. Пушкинский музей-заповедник]. — И. Месхи. День рождения [Пушкина в Грузии в 1829 г. Беседа с В. С. Шадури]. — С. 32: Ф. Медведев. Салон Смирновой-Россет. На 4-й с. обл. — фото.

Русская речь, 1979, № 3.

С. 20—46: К 180-летию А. С. Пушкина. Е. П. Ходакова. Начало новой традиции. [Язык Пушкина]. — В. П. Вомперский. Образ автора в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка». — В. А. Плотнокова. «Медный всадник», «Кумир на бронзовом коне...» — «...Под сенью Пушкина росли». (Пушкин в советской поэзии). С. 158—160: Н. Н. Иванов. «Все флаги в гости будут к нам...». [Употребление глагола «быть» в пушкинское время].

Русский язык в казахской школе, 1979, № 6.

С. 48—55: Г. Федорова. Чувства добрые. С. 55—64: А. Старостенко. Пушкин — наш современник.

Русский язык в киргизской школе, 1979, № 4.

К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 18—26: Г. Н. Волков. «Сказка о рыбаке и рыбке» дома и в школе. (Об одном опыте восприятия и осмысления сказки А. С. Пушкина). С. 26—28: Об истоках живой традиции восприятия пушкинской сказки. (От редакции).

Русский язык в национальной школе, 1979, № 3.

С. 34—44: К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. А. Л. Зубайраев. «И назовет меня всяк сущий в ней язык...»; И. С. Ефимов. Русская природа в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». (Опыт лингвостилистического анализа). С. 89: Г. В. Кузнецова. К юбилею А. С. Пушкина. (В издательстве «Детская литература»). На 2—3 с. обл. — гравюра Ф. Д. Константинова и фото памятников Пушкину.

Русский язык и литература в школах УССР, 1979, № 3 (17).

С. 34—38: В. С. Гречинская. Работа над произведениями изобразительного искусства при изучении биографии А. С. Пушкина. С. 38: «В школе имени великого поэта». [Пушкинский юбилей в Киевской средней школе № 153]. С. 63—65: Г. Я. Томилина. Приемы изучения устаревшей лексики на материале произведений А. С. Пушкина. С. 66—67: А. Д. Кузьменко. Потомки А. С. Пушкина. С. 68—71: Г. С. Глебова, И. Л. Попелюхер. Наша тропинка к Пушкину. [Работа «пушкинского музея» средней школы № 29 г. Одессы].

Сибирь, 1979, № 2.

С. 85—99: К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. Сауниин. «Свободный художник». [И. Л. Линева. Из повести «День лица»]. — Стихи М. Сергеева, К. Кудажи, Н. Саткевича. — О повести Н. Баранской «Цвет темного меду».

ДОБАВЛЕНИЯ К «ПУШКИНИАНЕ 1978 ГОДА»

(Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981, с. 76—90)

Пушкин в Болдино. Выставка офортов Энгеля Насибулина. Б. Болдино, 1978. [18] с. (Музей-заповедник А. С. Пушкина в Болдино).

Саяпова А. М. А. С. Пушкин и русско-татарские литературные отношения в первой половине XIX в. Казань, 1978. 12 с. (Казан. ун-т им. В. И. Ленина).

Рукопись депонирована в ИНИОН (№ 2494 от 21.VIII.1978 г.).

М. П. АЛЕКСЕЕВ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ¹

6. Пушкин и повесть Ф. М. Клингера «История о Золотом Петушке»

1

В истории изучения «Сказки о золотом петушке» Пушкина, как известно, очень заметную роль сыграла небольшая статья А. А. Ахматовой «Последняя сказка Пушкина», в которой она сообщала, что ей удалось обнаружить источник сюжета этого произведения поэта в новелле Вашингтона Ирвинга «Легенда об арабском звездочете» (другой вариант перевода заглавия новеллы — «Легенда об арабском астрологе»). Эта новелла помещена в книге американского писателя «Альгамбра» («The Alhambra») и безусловно была известна Пушкину по ее французскому переводу, вышедшему в Париже в 1832 г. и сохранившемуся в личной библиотеке поэта.²

Статья А. Ахматовой вызвала оживленный обмен мнений: споры защитников и противников высказанной ею догадки продолжались в печати довольно продолжительное время; впрочем, они были достаточно бесплодны

¹ Предшествующие «Заметки на полях» (№ 1—5) были опубликованы во «Временнике Пушкинской комиссии» на 1973 г. (Л., 1975, с. 90—94), на 1974 г. (Л., 1977, с. 98—113) и на 1976 г. (Л., 1979, с. 80—109).

² См.: Ахматова А. А. Последняя сказка Пушкина. — Звезда, 1933, № 1, с. 161—176. — В 1977 г. эта статья была перепечатана в сборнике статей и заметок А. А. Ахматовой о Пушкине по тексту, хранящемуся в части ее архива в ГПБ, — верстке с многослойной авторской правкой различных лет (см.: Ахматова Анна. О Пушкине. Статьи и заметки, Л., 1977, с. 8—38; здесь же перепечатана и другая статья Ахматовой — «Сказка о золотом петушке» и «Царь увидел пред собой...». Комментарий» (с. 39—49), — первоначально опубликованная в кн.: Рукописи Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 гг./ Под ред. С. М. Бонди. М., 1939, с. 23—26). Как указывает Э. Г. Герштейн, перепечатавшая обе статьи Ахматовой в сборнике 1977 г., авторская правка экземпляра верстки обеих статей свидетельствует, что А. А. Ахматова в 50-х гг. вернулась к ним и намеревалась либо отказаться от их переиздания, либо печатать эти статьи в переработанном виде (см. с. 239). Замысел этот, однако, остался неосуществленным. Поэтому мы цитируем эти статьи не по переизданию в сборнике, а по первоначальному тексту, опубликованному в журнале «Звезда» в 1933 г.

и во всяком случае слишком однообразны. Важнейшие результаты литературной полемики по этому поводу были изложены И. М. Ковальницкой,³ но сделанный ею критический обзор суждений об источниках «Сказки о золотом петушке» слишком краток, весьма неполон, вовсе не принимает во внимание мнений зарубежных исследователей Пушкина и не возбуждает желания пересмотреть этот вопрос заново. Напомним здесь, что большинство исследователей, не имея возможности отрицать действительное сюжетное сходство пушкинской сказки с новеллой В. Ирвинга, либо принимало полностью гипотезу Ахматовой, либо пыталось ослабить ее соображениями о более важной, по их мнению, стилистической и жанровой близости «Сказки о золотом петушке» к русскому сказочному фольклору. Так, например, М. К. Азадовский полностью соглашался с догадкой А. А. Ахматовой, хотя и указывал также на некоторые отклонения Пушкина от сюжетной схемы новеллы об арабском звездочете и справедливо подчеркивал, что Пушкин стремился передать заимствованные им из зарубежной литературы сюжеты таким образом, чтобы они получали подлинно национально-русское звучание.⁴ Близкой была точка зрения Ю. М. Соколова,⁵ И. П. Лупановой,⁶ Л. Желанского⁷ и др. И тем не менее Р. М. Волков в своей работе о народных источниках творчества Пушкина⁸ упрямо отрицал значение гипотезы Ахматовой. Он, между прочим, писал: «Утверждение М. Азадовского, что „Пушкин сохраняет в основном всю сюжетную схему Ирвинга“, не может быть принято. Да и сам М. Азадовский указывает на наличие существенных различий между новеллой Ирвинга и сказкой Пушкина <...> Отмеченные М. Азадовским „отклонения“ говорят о существенном отличии пушкинской сказки от новеллы Ирвинга, отличии, показывающем, что сказку Пушкина ни в коем случае нельзя возводить к новелле В. Ирвинга как первоисточнику, хотя Пушкин, безусловно, и знал эту новеллу, частично использовав из нее некоторые ситуации в своей сказке».⁹

Тем не менее в советской науке о Пушкине в последнее время, по-видимому, возобладало все же противоположное мнение. Так, например, в последнем издании «Альгамбры» на русском языке новелла Вашингтона Ирвинга снабжена следующим примечанием комментатора: «Сюжет Ирвинга послужил источником Пушкину для его „Сказки о золотом петушке“, как доказала впервые А. А. Ахматова в своей работе „Последняя сказка Пушкина“».¹⁰

³ См. коллективную монографию: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 437—442.

⁴ Азадовский М. К. Пушкин и фольклор. — В кн.: Азадовский М. К. Литература и фольклор. Л., 1938, с. 85—88.

⁵ Соколов Ю. М. Пушкин и народное творчество. — Литературный критик, 1937, № 1, с. 134—135.

⁶ Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959, с. 177.

⁷ Желанский Л. Сказки Пушкина в народном стиле. М., 1936, с. 66.

⁸ Волков Р. М. Народные истоки творчества Пушкина (баллады и сказки). — Ученые записки Черновицкого государственного университета, т. XLIV. Серия филол. наук, вып. 13. Черновцы, 1960, с. 190—218.

⁹ Волков Р. М. Указ. соч., с. 197—198.

¹⁰ Ирвинг В. Альгамбра. М., 1979, с. 342 (примечание А. Б. Грибанова).

Публикуя первые результаты своего открытия о сходстве сказки Пушкина с новеллой Ирвинга, А. А. Ахматова отмечала, что именно «отсутствие фабулы сказки о золотом петушке в русском и иностранном фольклорах» привело ее к мысли, что «эта сказка имеет литературный источник»; и попутно сообщала — правда, с чужих слов, — что источниками «Альгамбры» Ирвинга «в Испании никто не занимался».¹¹

Десятилетие спустя на вопрос об источниках новеллы Ирвинга попытался ответить Константин Николаевич Державин (1903—1956), еще молодой в то время, но уже составивший себе имя видного знатока испанской литературы от ее истоков. Ученик создателей испанистической школы в русской филологии — Д. К. Петрова и В. Ф. Шишмарева, — К. Н. Державин много занимался как испанской, так и арабской литературами Испании.¹² В 1944 г. от имени Пермского государственного педагогического института К. Н. Державин издал отдельной брошюрой в Перми свой доклад, читанный им в июне—августе 1943 г. на заседаниях Уральской научной конференции и Отделения литературы и языка Академии наук СССР. Эта брошюра имеет заглавие «Виргилий и Пермская сказка» и очень неожиданна по приведенным в ней средневековым книжным и фольклорным материалам Запада и Востока, а также по своим гипотетическим умозаключениям. По странной случайности эта интересная работа осталась не известной ни испанистам, ни востоковедам, ни специалистам-пушкиноведам, изучавшим сказки Пушкина.¹³ Сколько знаем, она была упомянута лишь однажды — мимоходом, без раскрытия ее содержания — А. Л. Слонимским в его книге «Мастерство Пушкина»,¹⁴ но и это глухое указание на нее осталось незамеченным.

«Источники ирвинговской легенды, насколько нам известно, не определены, — писал К. Н. Державин, ссылаясь на статью А. А. Ахматовой. — Сказочный дворец мавританских правителей в Альгамбре овеян богатейшей легендарной традицией, восходящей и ко временам владычества мавров в Испании, и к временам позднейшей испанской письменности и фольклора. Ирвинг, видимо, не предполагал, что, создавая свой легендарный рассказ об арабском звездочете, он облакает в новую форму не только местное, связанное с Альгамброй, предание, но и повествовательный мотив, известный уже раннему европейскому средневековью. В европейской традиции предание это связано с образом великого римского поэта Виргилия, за которым народное мнение упрочило, как известно, славу колдуна и чародея».¹⁵

¹¹ Звезда, 1933, № 1, с. 164, примеч. 1 и 3.

¹² Плавский З. И., Смирнов А. А. К. Н. Державин. — Известия Академии наук СССР, ОЛЯ, 1957, т. XVI, вып. 2, с. 187—192.

¹³ См.: Державин К. Н. Виргилий и Пермская сказка. Пермь, 1944 (далее: Державин). Малая известность этого издания, по-видимому, объясняется тем, что оно принадлежит к числу библиографических редкостей, так как вышло в свет лишь в количестве 150 экземпляров (11 стр. 12°) и отсутствует во многих крупнейших библиотеках нашей страны. Брошюра К. Н. Державина осталась не известной также А. К. Бойко, автору новейшей работы об источниках новеллы Ирвинга (см.: Бойко А. К. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 113—119).

¹⁴ Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1969, с. 26.

¹⁵ Державин, с. 6. — Мы сохраняем здесь, по необходимости, ту употребляемую автором форму написания имени римского поэта Виргилия

Отправным пунктом для разысканий и гипотез К. Н. Державина в средневековых литературах Запада и Востока послужила обнаруженная им среди материалов фольклорного архива В. Н. Серебренникова (1881—1942) запись сказки, сделанная этим пермским краеведом в Оханском уезде Пермской губернии около 1902 г. Приводим эту запись.

«Был один Верзило царь и все он золото собирал. Набрал он его полны амбары, сидит и думает, как ему это золото лучше от воров да от врагов уберечь. Жил в селе плотник. Царь зовет его и велит: „Построй мне крепость“. Плотник построил. Потом царь опять велит: „Сруби мне идола“. Плотник срубил, да такого страшного, что и не сказать. Взял царь идола, в крепость поставил и в руку ему железную стрелу приладил. Теперь, — откуда воры идут или враги собираются, идол как завопит и стрелой туда тычет, Верзило сейчас посылает солдат. Они воров ловят, врагов побеждают и в плен берут. Так свое золото царь уберет».¹⁶ «Эта, записанная в лесах Прикамья, сказка, — рассуждал далее К. Н. Державин, — невольно вызывает сопоставление с „Золотым петушком“ Пушкина. И здесь, и там владения сказочного царя охраняются от вражеских посягательств чудесным стражем, который предупреждает царя о грозящей опасности. У Пушкина это — золотой петушок, преподнесенный царю Додону хитроумным звездочетом, в пермской сказке — деревянный идол, срубленный сельским плотником». По остроумному предположению исследователя, сохранившееся в фольклорной пермской записи имя сказочного царя «Верзило царь» есть русская народная этимология имени римского поэта Вергилия, о котором сложилось в средневековых литературах Европы множество преданий как о маге и волшебнике. Для того чтобы объяснить сходство между преданиями о волшебнике Вергилии и русской сказкой, К. Н. Державин широко пользуется известным итальянским трудом «Вергилий в средние века» Д. Компаретти (Comparetti D. Virgilio nel Medio Evo. Livorno, 1872), но литература об этих преданиях на всех европейских языках очень велика и некоторые редакции, не учтенные итальянским ученым, ближе к русской сказке, чем те, на которые ссылается К. Н. Державин. Принимая во внимание малую известность его брошюры, мы позволим себе привести из нее ряд цитат, дополняя их собственными разысканиями по этому же поводу.

Вероятно, первую по времени из известных нам литературных записей интересующего нас предания о Вергилии мы находим в энциклопедическом сочинении английского латиниста и профессора логики в парижской Сорбонне Александра Неккема (1150—ок. 1227) «О свойствах вещей». Рассказывая о различных колдовских деяниях и волшебствах Вергилия, Неккем между прочим упоминает, что Вергилий «построил в Риме пышный дворец, в котором были установлены статуи всех областей, каждая с деревянным колоколом в руках. Как только какая-либо область или страна затевала козни против римского владычества, тотчас же статуя, ее изображавшая, начинала звонить в колокольчик. Тогда же медный воин на медном

Марона, которая чаще встречается в западноевропейских источниках (Вергилий, вместо более привычного для нас написания: Вергилий).

¹⁶ Державин, с. 1.

коне на верхушке дворца, потрясая копьем, обращался в ту сторону, откуда грозила опасность. Немедленно собиралась римская молодежь и по повелению сенаторов шла на врага, дабы не только разрушить готовившиеся вероломства, но и покарать зачинщиков смуты.¹⁷

«Легенда о Виргилии — создателе чудесных статуй стражей Рима — получила широкое хождение в литературе средневековой Европы. Она встречается у Беды Достопочтенного, в одном путеводителе по Риму и его достопримечательностям XII в., в „Золотой легенде“ Якопо де Ворагине (XII в.) и, наконец, в ряде версий и редакций „Повести о семи мудрецах“ и „Деяний римлян“, этих популярнейших памятников средневекового назидательного рассказа (XIII—XIV вв.), — отмечает К. Н. Державин, указывая вместе с тем на тот источник, который лежал в основе пермской сказки, так как некоторые из указанных им компиляций были известны и в русских переводах.

Можно сопоставить, например, ту редакцию предания о волшебнике Виргилии, которая находится в одном из списков латинского трактата «Деяний римлян» по изданию Эстерлея, с прямой ссылкой на первоисточник предания — трактат Александра Неккема, с той редакцией легенды, которая находится в русском переводе притчи из «Семи мудрецов»: «Повествует Александр, философ природы вещей, что Виргилий в городе Рима воздвиг пышный дворец, в середине коего поставил статую, называвшуюся богиней Рима. Держала она в руке золотое яблоко. Вокруг дворца стояли статуи каждой области, подвластной римскому владычеству, и каждая из них имела в руках деревянный колокол. Как только какая-либо из областей стремилась затеять козни против Рима, тотчас статуя этой области звонила в свой колокол и на верхушке дворца появлялся всадник на медном коне, потрясая копьем, и взирал в сторону указанной области. Немедленно же римляне, видя это, брались за оружие и побеждали ту область».¹⁸

По мнению К. Н. Державина, деревянный идол и железная стрела пермской сказки ведут прямо к притчам «Семи мудрецов» и «Деяний римлян», тексты которых в русских переводах известны были в XVII—XVIII вв. Таков, например, сборник «Сказание дивно и славно о притчах седми мудрецов», в котором приведено то же предание по рукописи (XVII в.), принадлежавшей уральскому краеведу В. А. Волегову:

«Бысть некий мудрец в Риме Цысарь ему же имя Аквианиус, любяше злато, зело собираще его много множество. Многие же кральства повоеваш римлян и воеванны бяху римлян ото всех земель, понеже не возмогоша противитися. Бе же у них в то время мудрец, ему же имя Виргилиус; приидоша же к нему римляне и рекоша ему дабы им учинил своею мудростию оборону. Он же сотвори им на некоем месте велику башну и на ней сотвори многое множество окон великих и во всяком окне сотвори по человеку во образ и во имя старых рыцарей и королей и поднися им имена п вдаде им всякому человеку по колокольчику в руке и по яблоку златому. И егда Кий царь или король своя страны помыслит войною на Рим, в той

¹⁷ Державин, с. 6, со ссылкой на издание: *Rerum Britanniae Scriptores* (I. 31). Нескам А. *De naturis rerum*, Ed. Th. Wright. London, 1863.

¹⁸ Державин, с. 9, со ссылкой на изд.: *Gesta Romanorum*, Ed. Hermann Oesterley. Berlin, 1872, S. 590—591.

башне человек той станет звонити в свой колокольчик потому же и вестник. Римляне на ту украину войско отпустят против их и побежаху их и не можаху их окольные цысари и крали воевати против их стояти и все к Риму приложишася и аще кая земля мало помыслит восхоцет от Рима отложитися и той образ начнет на башне звонити в колокольчик и додеже та земля добьет челом Риму».¹⁹

Приводя различные западноевропейские средневековые варианты легенды о колдовствах Виргилия и, в частности, о «стражах Рима» и проследивая их миграцию через Италию и балканские страны в Византию,²⁰ К. Н. Державин указал также и на то, что это предание проникло и дальше на Восток. Он пишет:

«В несколько измененном виде мы встречаем его в арабско-египетской литературе конца VII в. в баснословной истории Египта, составленной Ибрахимом бен Васыф шахом Аль-Мисри, под заглавием „Драгоценные камни морей, события, дела и чудеса старинных повествований о египетской земле“ (Ibrahim ben Waçaf schah. Die Edelsteine der Meere, Ereignisse, Dinge und Wunder der Zeiten in der Geschichte der Aegyptischen Lande). „Здесь повествуется о некоем правителе Египта Саркафе (Sarcaf), который повелел воздвигнуть в своей столице колонну из зеленого мрамора, увенчанную медной фигуркой утки. Когда к воротам города приближался иноземец, утка начинала хлопать крыльями и громко крикать. Тогда горожане задерживали иноземца, и никто из чужих людей не мог проникнуть за стены египетской столицы“.²¹

¹⁹ Державин, с. 10, со ссылкой на «Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков» Ф. Буслаева (М., 1864, стлб. 1393—1394). — Добавим, что рассказ о Виргилии и страже—спасителе Рима, находящийся в древнейшей немецкой редакции сборника о семи мудрецах («Die sieben weisen Meister») и особенно близкий к русской редакции, приводит F. W. Genthe, впервые сопоставивший немецкую редакцию со сказкой о сорока визирях из сборника сказок «Тысячи и одной ночи». См.: Genthe Friedrich Wilhelm. Leben und Fortleben des Publius Virgilius Maro als Dichter und Zauberer. Magdeburg und Leipzig, 1857. 2. Aufl., S. 74—76. — Указанная легенда о Виргилии в ее многочисленных вариантах отмечалась многократно в обширной литературе о Виргилии как о волшебнике. См., например: Roth K. L. Über den Zauberer Virgilius. — Germania, Vierteljahrsschrift für deutsche Altertumskunde, Bd 8 (1863); V a u d o i r-L a i n é O. Virgile, ses transformations et sa légende au moyen âge. Paris, 1863; S c h w i e g e r P. Der Zauberer Virgil. Berlin, 1897, и др.

²⁰ «Своеобразно сохранила имя великого поэта пермская сказка. Царь, называемый „верзилой“, это, конечно, Виргилий, перешедший из ранга строителя дворца и чудесных статуй в ранг обладателя золота, возбуждающего зависть соседей и воров. В тексте пермской сказки и в сознании ее сказителя слово „верзило“ воспринималось, видимо, не как имя собственное, а как эпитет царя. В русском просторечии слово это означает, как известно, непомерно высокого долгового человека. Не является ли верзила пермской сказки народным эквивалентом и осмыслением имени Виргилия?» — спрашивает К. Н. Державин и ссылается, кстати, на то, что в средневековых латинских текстах и в живом произношении различных романских диалектов мы встречаем переход Virgilius в Virzilius. Здесь же мы встречаем ссылку на толкование И. Ягичем п. А. Н. Веселовским в болгарских отреченных книгах выражения «Верзплого коло» (см. с. 8 и 10—11).

²¹ По уточненным нами данным, К. Н. Державин цитирует здесь издание: W ü s t e n f e l d Ferdinand. Die älteste Ägyptische Geschichte nach den

Через арабско-египетскую литературу и устное предание рассказ этот, видимо, проник в арабско-мавританскую Испанию и послужил одним из формирующих моментов в создании местной легенды об Альгамбре, которая легла в основу новеллы-сказки Ирвинга. Можно с уверенностью предположить, что в огромной арабско-испанской исторической письменности, включившей в себя большое количество местных преданий и легенд, с течением времени обнаружится рассказ, связующий арабско-египетское предание с повестью о звездочете Ирвинга. Впрочем, легенда о чудесной охране дворца Альгамбры могла возникнуть и на основе контаминаций арабского предания с преданием европейского средневековья.²²

2

Столь же мало известными исследователям пушкинской «Сказки о золотом петушке» остались также некоторые зарубежные отклики на гипотезу А. А. Ахматовой о Пушкине и «Легенде» В. Ирвинга. Так, например, известный французский славист академик Андре Мазон опубликовал в Париже еще в 1939 г. статью под заглавием «„Сказка о золотом петушке“: Пушкин, Клингер и Ирвинг».²³ На этот содержательный этюд мне уже приходилось указывать в некрологе А. А. Ахматовой;²⁴ однако и это маленькое попутное указание на работу французского ученого не обратило на себя внимания пушкинистов. В этой статье А. Мазон основной тезис работы А. А. Ахматовой, собственно, не оспаривал, вполне соглашаясь с ним и с мнением тех русских исследователей пушкинской сказки, которые разделяли высказанную ею точку зрения. Но, по мнению французского ученого, в этой сказке было много таких мотивов (помимо мотивов русского фольклора), которые также должны были бы быть названы среди вероятных источников этого произведения Пушкина. Таков, например, в «Сказке о золотом петушке» мотив о двух братьях, сыновьях царя Дадона, которые погибают одновременно вместе с ратью, посланною Дадонем против врагов, аналогию которым А. Мазон находит в многочисленных эпизодах в южнославянском эпосе; в новелле Ирвинга этот мотив братьев, идущих на войну по отцовскому приказанию, отсутствует. А. Мазон напоминает также ряд эпизодов из «La Guzla» П. Мериме — книги, столь хорошо известной Пушкину, в которой также можно найти ряд аналогий к пушкинской сказке.²⁵ А. Мазон напоминает и мотивы арабского фольклора,

Zauber- und Wundererzählungen der Araber. — Orient und Occident, insbesondere in ihren gegenseitigen Beziehungen. Forschungen und Mitteilungen. Eine Vierteljahrsschrift. Hrsg. von Theodor Benfey. Göttingen, 1872, Bd 1, S. 321, 334.

²² Д е р ж а в и н, с. 9.

²³ Mazon André. Le conte du Coq d'or: Pouchkine, Klinger et Irving. — В кн.: Melanges en l'honneur de Jules Legras. (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, t. XVII). Paris, 1939, p. 207—214; см. также отд. оттиск, по которому мы ниже и цитируем эту статью (далее: М а з о н).

²⁴ См.: Алексеев М. П. А. А. Ахматова. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967, с. 70.

²⁵ [Merimée P.] La Guzla, ou choix de poésies illyrique recueillis dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine. Paris, 1827, p. 360; Mazon, p. 4.

которые Пушкин в свою очередь мог вспоминать, создавая свою сказку, например «Историю Нуреддина и рабыни Мириам», помещенную в книге «Неизданные сказки из Тысячи и одной ночи», составленной из арабских источников, переведенных на французский язык, и изданной в 1828 г. Гаммером и Требутъеном; книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина.²⁶

Не подозревая о существовании упомянутой нами выше брошюры К. Н. Державина, А. Мазон тем не менее также упоминал в своей статье (хотя и по другим источникам) о наличии в арабских народных преданиях сходных со сказкой Пушкина мотивов о «талисманах», обладавших магической силой и предупреждавших о готовящихся нападениях врагов. «Я хорошо знаю, — пишет А. Мазон далее, — что сказка из сборника „Альгамбра“ со своим истуканом-талисманом прямо ведет нас к арабской традиции и что солдаты и всадники из дерева или металла, с высоты своей башни или колокольни предупреждающие город о приближении врагов, засвидетельствованы многочисленными авторами, создававшими свои произведения в этой самой традиции».²⁷ «Я охотно допускаю, — продолжает он, — что Пушкин, великий знаток народной поэтической словесности (*grand connaisseur de la tradition populaire*), мог знать, что статуи и птицы-предвестники появляются в восточных литературах как варианты этих талисманов,²⁸ в то же время птица-мститель во всех странах является одним из многочисленных воплощений благодарных человеку животных».²⁹

Все приведенные соображения А. Мазон предпосылает анализу основного тезиса своего исследования, утверждая, что знакомство Пушкина с Ирвингом нисколько не воспрепятствовало поэту воспользоваться в его сказке кое-какими реминисценциями из произведения немецкого писателя Ф. М. Клингера «История о Золотом Петухе». Следует, впрочем, иметь в виду, что А. Мазон не впервые упомянул имя Клингера в связи со «Сказкой о золотом петушке».

В начале нашего века В. В. Сиповский в периодическом издании «Пушкин и его современники» в статье о «Руслане и Людмиле» мимоходом сделал краткое указание: «„Сказка о золотом петушке“ некоторыми деталями напоминает сказку Клингера: „Le Coq d'or“».³⁰ В следующем году он повторил эти наблюдения в своей большой монографии «Пушкин. Жизнь и

²⁶ Contes inédits des Mille et une Nuits, extraits de l'original arabe par M. J. de Hammer. Traduits en Français par M. G.-S. Trébutien. Paris, MDCCCXXXVIII, t. II, p. 415—416. Ср.: Модзалевский и Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910, с. 214 (№ 818—819).

²⁷ Mazon, p. 5, со ссылкой на кн.: Chauvin. Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux Arabes, vol. III, p. 3; vol. V, p. 30 (note I), 265.

²⁸ Mazon, p. 5, со ссылкой на кн.: L'abrégé des merveilles, traduits de l'arabe par le baron Carro de Vaux. Paris, 1898, p. 176, 193, 209, 238, 245, 267, 273—274, 276, 278, 307.

²⁹ В качестве примера А. Мазон ссылается на сказку г-жи д'Онуа (M-me d'Aulnoy) «Златовласая красавица» (La belle aux cheveux d'or), в которой благодарный ворон ослепляет злодея Галифрона.

³⁰ Сиповский В. В. «Руслан и Людмила». К литературной истории поэмы. — Пушкин и его современники. СПб., 1906, вып. IV, с. 82.

творчество».³¹ Об этом указании, помещенном в авторитетной монографии, помнили некоторое время, хотя ни тогда, ни позже не нашлось никого, кто бы им заинтересовался и захотел подвергнуть его специальной проверке. Тем не менее А. А. Ахматова в своей статье 1933 г. «Последняя сказка Пушкина», начиная ее с утверждения, что эта сказка «сравнительно мало привлекала внимание исследователей», сделала к этой фразе примечание, звучащее очень категорически: «Указание В. В. Сиповского на сказку Клингера „Le Coq d'or“ как на источник сказки о „Золотом петушке“ совершенно неосновательно».³²

А. Мазон, — как мы уже указывали выше, написавший свою статью по поводу статьи А. А. Ахматовой, — дал относительно ее только что приведенной фразы и свою реплику: как бы оправдывая В. В. Сиповского, А. Мазон высказывал свое предположение, что русский ученый сказку Клингера, «кажется, не читал». Однако сам А. Мазон такую задачу выполнил: он тщательно проштудировал французский перевод «Истории о Золотом Петухе» Ф. М. Клингера и сделал ряд существенных наблюдений об этом произведении в связи именно с пушкинской сказкой.³³

Очевидно, уже ранние исследователи сказки Пушкина (в частности, В. В. Сиповский) в первую очередь обратили внимание на сходство ее заглавия с заглавием «сказки» (хотя она нигде не названа так) Ф. М. Клингера. Это не удивительно, поскольку фольклористы, изучавшие «Сказку о золотом петушке», не могли найти ни по ее заглавию, ни по ее основному образу сколько-нибудь убедительных аналогий в русской народной словесности. Обращали внимание, в частности, на то, что «золотые звери» иногда встречались в русских сказках — таковы, например, конь («Златогрив»), свинка или котик («Свинка, золотая щетинка», «Коток, золотой лобок») и т. д., но «золотой петушок» как сказочный персонаж у нас нигде не встречается (за исключением детской песенки: «Петушок, петушок, золотой гребешок...»). Но если в сказке Пушкина оказалась «золотая рыбка», то здесь мог оказаться и «золотой петушок» того же происхождения, догадывались иные русские исследователи, но подтверждения не получали. «В отличие от других произведений Пушкина в сказочном роде, — замечала И. П. Лупанова, — „Золотой петушок“ не только не имеет прототипа в пушкинских записях, но и не напоминает своей сюжетной схемой ни одной русской сказки. Поэтому мысль о заочном происхождении этого произведения высказывалась довольно упорно уже в XIX в.»³⁴ М. К. Азатовский допускал возможность знакомства Пушкина с существующими в русском фольклоре сказками типа «Петух и жерновцы».³⁵ Д. Н. Модриш в статье «Слово и событие в русской волшебной сказке» указал, в частности, на начало одной северной русской сказки в записи И. В. Карнаухо-

³¹ Сиповский В. В. Пушкин. Жизнь и творчество. СПб., 1907, с. 354.

³² Звезда, 1933, № 1, с. 162.

³³ Мазон, р. 6.

³⁴ Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в., с. 177.

³⁵ См. об этих сказках в кн.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979, с. 180 (№ 715А).

вой, заметив по этому поводу, что «в какой-то мере сказка эта перекли-кается с „Золотым петушком“ Пушкина»; однако приведенная им цитата из этой сказки малоубедительна.³⁶ Недавно А. Д. Русинов пытался связать «Сказку о золотом петушке» с местным угличским преданием о «Петуховом камне» — большом валуне, получившем свое название по сохранявшемуся на нем знаку, похожему на след петушиной лапы. Отсюда якобы происходит и название местности в юго-восточной части г. Углича — Петухова слобода (XVII в.). Легенда о «Петуховом камне» рассказывает, что «в стародавние времена, когда угличанам грозила какая-либо беда, прилетал и садился на свой камень огромный петух и троекратным кукареканьем предупреждал об опасности <...> Поскольку разные беды действительно часто наваливались на угличан <...> то, по легенде, и вещей петух садился на облюбованный камень так часто, что на нем остался глубокий след одной из петушиных лап».³⁷ Н. Д. Русинов, опубликовавший это угличское предание, допускает явно натянутое и маловероятное сопоставление его с пушкинской сказкой, предполагая, что Пушкин мог знать угличскую легенду со временц своих занятий многочисленными источниками русской истории в период создания «Бориса Годунова»; характерно, однако, что он не называет ни одного письменного памятника, из которого поэт мог бы узнать о вещем угличском петухе; неизвестно вообще, существуют ли таковые. Тем не менее автор приходит в конце своей статьи к следующему, очень наивному с нашей точки зрения, умозаключению: «Правда, в среде литературоведов бытует мнение, что сказка о золотом петушке написана под влиянием Вашингтона Ирвинга (Сказки Альгамбры). Вероятно, это мнение не лишено оснований. Но и угличскую легенду нельзя не принимать во внимание». С последним утверждением автора, однако, в настоящее время согласиться трудно.

Таким образом, у А. Мазона, а вслед за ним у некоторых других зарубежных исследователей сказки Пушкина³⁸ были достаточные основания для того, чтобы обратиться к проверке утверждений ученых старого времени, полагавших, что к изучению «Сказки о золотом петушке» стоит привлечь основательно забытое всеми произведение Ф. М. Клингера. Становилось вполне ясно, что «Легенда об арабском звездочете» может объяснить не все в сложной структуре пушкинской сказки.

³⁶ См.: Русский фольклор. Л., 1974, с. 720. — Цитата (о царе, захотевшем жениться и пришедшем к петушку просить «золотые сапожки») приводится здесь по кн.: Сказки и предания Северного края. Запись, вступительная статья и комментарий И. В. Карнаухова. М.; JL, 1934, № 105. — С нашей точки зрения, эта запись не имеет ничего общего с «Золотым петушком» Пушкина.

³⁷ Русинов Н. Д. Угличское Петухово и «Сказка о золотом петушке». — Русская речь, 1981, № 2, с. 132—134.

³⁸ В последние годы сказка Пушкина неоднократно привлекала к себе внимание зарубежных ученых. Кроме тех работ, которые цитируются ниже, назовем здесь: К о д ж а к А. Сказка Пушкина «Золотой петушок». — В кн.: American contributions to the 8th International Congress of Slavists (Zagreb—Ljubljana, 1978), vol. 2. Literature. Columbus (Ohio), 1978, p. 332—374; Pauli Ruth. Das russische Vermärchen von Puschkin bis Zwetajewa. Zur Geschichte und Analyse des Genres. Wien, 1978.

Повесть Клингера «История о Золотом Петухе» — и в самом деле произведение давно и основательно забытое. То обстоятельство, что оно плохо известно сейчас даже специалистам по немецкой литературе XVIII в., отчасти обусловлено тем, что все три издания этой повести — два на немецком языке и одно на французском — давно уже стали большими библиографическими раритетами и не находимы даже в крупнейших библиотеках Европы. Кроме того — и это особенно важно здесь подчеркнуть, — все три указанных издания повести существенно и заметно отличаются друг от друга по своим текстам, а немецкие — даже и по своим заглавиям. Благодаря малой доступности этих редких книг теперь их никто не подвергал сравнению, что создавало затруднения для их исследователей, поскольку приводившиеся ими цитаты из «Истории о Золотом Петухе» зачастую не совпадали; некоторые эпизоды повести находились в одном издании, но исчезали из других по непонятным причинам, которые никто не пытался объяснить. Отсюда следует, что, прежде чем привести здесь сопоставление повести Клингера со сказкой Пушкина, нам необходимо предварительно остановиться на некоторых вопросах, не получивших еще надлежащего решения ни в исследованиях о Клингере, ни в литературе о Пушкине: необходимо попытаться в первую очередь установить, как возникла повесть Клингера и с каким из ее трех текстов и когда мог ознакомиться Пушкин.

Фридрих Максимилиан (или Федор Иванович, как его обычно называли в России) Клингер (1752—1831) — видный немецкий писатель последней четверти XVIII в. Ранний друг Гете, близко знавший также многих других писателей своего времени, немецких и швейцарских, Клингер прожил долгую жизнь, большую часть которой он провел вне родины; благодаря этому многие события и перемены в его судьбе оставили зловещий и трагический отблеск и на его личности и на литературном творчестве, особенно зрелой поры. Клингер много странствовал по немецким землям; живший во Франкфурте-на-Майне, Страсбурге, Берлине, Веймаре и других городах, везде имевший широкие связи и знакомства с литераторами и деятелями искусства, Клингер рано выдвинулся в немецкой литературе как драматург и романист (напомним, в частности, что он является автором драмы «Sturm und Drang» — «Буря и натиск», заглавие которой стало общепринятым обозначением важного периода в истории немецкой литературы). Клингер был автором многочисленных произведений в различных жанрах, и среди них есть немало таких, которые заняли прочное место среди классических произведений немецкой литературы.³⁹

³⁹ Наиболее полный перечень литературы о Ф. М. Клингере приведен в известном указателе: Goedeke Karl. Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen, 3. Auflage, bearb. von Edmund Goetze, Bd IV, 1. Abt., S. 804—811; дополнения в кн. Геринга: Hering Christoph. Friedrich Maximilian Klinger. Ein Weltmann als Dichter. Berlin, 1966, S. 377—381 (далее: Hering). — Наиболее полной и документированной монографией о Клингере является труд Ригера: Rieger M. F. M. Klinger. Darmstadt, 1880—1896 (каждый из составляющих его трех томов известен также под своим особым заглавием: Bd I. Klinger in der Sturm- und Drangperiode; Bd II. Klinger in seiner Reife; Bd III. Briefbuch. — Далее: Rieger I, II, III).

В Россию Клинггер приехал в конце сентября 1780 г.⁴⁰ и остался здесь навсегда, покидая ее редко и на самое короткое время. Он прожил в России несколько десятилетий, умер в Петербурге и здесь же похоронен.⁴¹ Хотя жизнь Клинггера известна теперь довольно полно и подробно, а основные ее события проверены по документальным источникам, но в ее истории до сих пор существует множество загадок и неточностей, настоятельно требующих разъяснения. К их числу безусловно относится начальный период его пребывания в России, при дворе наследника русского престола, сына Екатерины II, цесаревича Павла Петровича.

Известно, что Клинггера послал в Петербург принц Фридрих Евгений Вюртембергский (1732—1797); он направил Клинггера в свиту к своей старшей дочери, принцессе Софии Доротее (1759—1828), приходившейся внучкой прусскому королю Фридриху II. В 1776 г. принцесса София вступила в брак с Павлом Петровичем и после принятия православия приобрела в России новый титул и имя — великой княгини Марии Федоровны. У себя на родине она получила хорошее образование и продолжала свои занятия в России. Вокруг нее сложился небольшой кружок, в котором и очутился Клинггер, вскоре получивший должность чтеца царственной четы, а затем библиотекаря Павла Петровича. Они жили в новом дворце на участке, который находился в нескольких верстах от Царского Села и назывался первоначально Паулуслуст, а затем стал именоваться Павловском. Здесь, в отдалении от императорского двора, шла их собственная жизнь среди сельской тишины и цветников вновь разбитого парка. По многочисленным свидетельствам современников, идиллическая жизнь, которую вели Павел и его супруга, ничем не напоминала и не предвещала тот период, когда, после смерти матери, Павел стал императором-тираном. Они много читали в новой прекрасной дворцовой библиотеке, которой заведовал Клинггер, охотно внимали его рассказам, чтениям вслух и декламациям. Мария Федоровна усердно изучала русский язык и историю русского государства, которыми она интересовалась еще до своего замужества, слушала лекции по географии и статистике, которые читал ей С. И. Плещеев, моряк и бывалый путешественник, долго служивший в английском флоте, один из образованнейших русских людей своего времени и друг кн. Д. В. Дашковой, когда в период своей опалы она жила за границей.

Между сентябрем 1781 и декабрем следующего, 1782 г. в свите великокняжеской четы Клинггер совершил большое путешествие по Западной Европе. Он сопровождал «графа и графиню Северных» (von Norden), как официально именовались Павел и его супруга, хотя это прозрачное «ин-

⁴⁰ См.: Rieger II, S. 1—2.

⁴¹ См. статью «Клинггер, Федор Иванович» в кн.: Русский биографический словарь, ч. III (от Ибак до Ключарев). СПб., 1817, с. 738—740. — Существенные дополнения к ней на основании книжных и архивных разысканий представила статья: Смолян Ольга. Клинггер в России. — В кн.: Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. Л., 1958, т. XXXII, вып. 2, с. 31—77 (далее: Смолян). К сожалению, в этом ценном и во многих отношениях новаторском исследовании немало фактических ошибок, неточностей и досадных опечаток, механически воспроизведенных и в немецком, расширенном варианте этой работы.

когнито» ни в какой стране и ни для кого, с кем они встречались, не являлось загадкой; в этом «инкогнито», однако, было и свое удобство: приемы великокняжеской четы были менее официальные и не исключали встреч высоких гостей, ставших более доступными, с писателями, артистами, художниками, простыми людьми.

Путешественники выехали за границу из Петербурга, следуя через Псков и Могилев, Чернигов и Киев,⁴² сначала в Польшу и Австрию, а затем в Италию, Францию и Голландские штаты, вернулись же обратно через немецкие земли. Это длительное путешествие, задуманное Екатериной II с тайными целями отдаления своего сына от петербургского императорского двора и неотступного наблюдения за поведением Павла, в особенности при встречах и беседах его с правителями тех государств, которые он проезжал со своими многочисленными спутниками, известно нам довольно хорошо из официальных и неофициальных источников: оно описано много раз на разных языках историками и мемуаристами; позже оно стало известно также из подробных донесений тайных агентов Екатерины II, прикомандированных ею к путешественникам, о чем Павел долгое время не догадывался, не стесняя себя ни во встречах с разными людьми, ни в откровенных с ними разговорах.⁴³ К сожалению, из многих и разнообразных источников о заграничном путешествии «графа и графини Северных» всего труднее узнать о Клингере и о том, что извлек он из своих странствований с ними. Тем не менее кое-какие прямые и косвенные дан-

⁴² См.: Ш и л ь д е р Н. К. Император Павел I. СПб., 1901, с. 165. — Подробнее о заграничном путешествии «графа и графини Северных» см. в кн.: К о б е к о Д. Цесаревич Павел Петрович (1754—1796). Историческое исследование. Изд. 2-е. СПб., 1883, с. 199—242.

⁴³ Высокие путешественники из России не только появлялись на праздниках, которые давались в их честь в королевских дворцах и аристократических салонах, но сами посещали академии, ученые общества, музеи, библиотеки, благотворительные учреждения, даже больницы; ученые, писатели, художники постоянно бывали у них и вели с ними весьма откровенные беседы. Так, например, будучи во Франции, они не раз приглашали к себе Лагарпа, бывшего ранее литературным корреспондентом Павла Петровича, а однажды по настоянию Марии Федоровны и несмотря на сопротивление Лагарпа к ним на вечер был приглашен Бомарше, читавший им по рукописи еще не напечатанную и не игранную на сцене «Свадьбу Фигаро» (см.: L o m e n i e. Beaumarchais et son temps. Paris, 1856, t. II, p. 300). Баронесса Оберкирх, близкая приятельница Марии Федоровны с юных лет, сопровождавшая великую княгиню во время пребывания ее во Франции, подробно рассказывает о посещении Бомарше «графа и графини Северных» и о других встречах с ним — в театре, при первой постановке на сцене «Свадьбы Фигаро», разрешенной к представлению едва ли не по ходатайству Марии Федоровны и с помощью находившегося в ее свите во время путешествия кн. Н. Б. Юсупова, бывшего приятелем Бомарше еще в предшествующий приезд в Париж. Об их дружбе нам известно из стихотворения Пушкина, но подробные свидетельства баронессы Оберкирх о знакомстве Бомарше с русской великокняжеской четой весною 1782 г. и чтении им «Свадьбы Фигаро» в литературе о Пушкине, если не ошибаемся, еще не приводились. (О встречах с Бомарше см.: Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Paris, 1853, t. I, p. 222—223; t. II, p. 47—49, 316—317, 380). Неизвестно, познакомился ли в это время с Бомарше Клингер благодаря своей покровительнице Марии Федоровне, однако мы имеем сведения о встречах Клингера с Дидро.

ные об этой его поездке сохранились; хотя они не очень многочисленны, но представляют несомненный интерес для воссоздания творческой истории тех произведений Клингера, которые были написаны им вскоре после возвращения его в Россию.

Путешествия в то время были долгими и трудными. Совершая путь в каретах, со сменой лошадей, с остановками в пути на отдых и ночлег в придорожных трактирах, Клингер впервые увидел подлинную Россию с ее провинциальным и сельским населением — вместо того узкого аристократического кружка, в котором он был замкнут до тех пор. Известно также, что на отдельных этапах многомесячной дороги длинный кортеж карет путешественников иногда менял свой порядок и представители свиты «графов Северных» то отставали от них, то их обгоняли. Это случалось и с Клингером, чем он и пользовался охотно в собственных целях, пытаясь, в частности, обновить свои литературные и артистические знакомства. Так, например, если весь кортеж с главными путешественниками прибыл в Вену 21 ноября 1781 г., то Клингер приехал туда на несколько недель раньше. Здесь он возобновил свое знакомство с Шредером (F. L. Schröder; 1744—1816), который имел близкое отношение к администрации венского «Придворного и национального театра». Клингер виделся с Шредером ежедневно, часто по вечерам посещал этот театр, а однажды вручил Шредеру рукопись своей пьесы «Игроки-обманщики» («Die falschen Spieler»), написанной им во время пребывания в Праге.⁴⁴ Тогда же, живя в Вене, Клингер испытал сильное любовное увлечение, окончившееся трагически, но кто была женщина, вызвавшая его страстное чувство, — этого мы не знаем;⁴⁵ 4 января 1782 г. Клингер отбыл из Вены в Венецию.

В том же году, находясь в Риме, Клингер встретился со своим старым приятелем Вильгельмом Гейнзе, писателем, близким к нему по своему типичному «штюрмерскому» духу; Гейнзе, общаясь с Клингером, открыл для него античный мир, научил увлеченности им, римскими писателями, совершенством итальянских живописцев; Клингер же в свою очередь, наблюдая за житейской неустроенностью и трудностями быта своего друга, настойчиво предлагал ему перебраться в Петербург и обещал содействовать ему в получении должности библиотекаря великого князя. Однако свободолюбивый Гейнзе с негодованием отказался от этого совета, предполагая, что от «штюрмерства» самого изобретателя этого термина не осталось и следа, когда он получил место придворного, обеспечившее ему спокойную, безмятежную жизнь филистера, против которой он и сам бурно восставал раньше. Вот ответ Гейнзе, воспроизведенный им в письме к Якоби (16 марта 1782 г.): «Я предпочел бы на одном из островов архипелага нянчить детей какого-нибудь турка, чем, живя в Петербурге, восемь месяцев видеть вокруг себя зиму и деревья без листвы и три месяца дрожать от ноябрьской и мартовской стужи. А главное, кто даже свободным входит в дом деспота, остается там рабом: вдали от двора — вдали от ада».⁴⁶ На-

⁴⁴ Rieger II, S. 10; Hering, S. 167—171.

⁴⁵ Rieger II, S. 19.

⁴⁶ См.: Петровский М. «Ардингелло» и его автор. — В кн.: Гейнзе Вильгельм. Ардингелло. М.; Л., 1935, с. 36.

счет перемен в мировоззрении Клингера, будто бы совершившихся в его сознании благодаря достигнутой им обеспеченности, Гейнзе явно ошибался: литературные заработки были столь ничтожны, что жить на них было невозможно; большинство литераторов мечтало о том, чтобы получить должность «гофмейстера» или, в крайнем случае, учителя в каком-нибудь богатом доме или при мелком княжеском дворе. Предложение, сделанное Клингером Вильгельму Гейнзе, напоминает об аналогичных его хлопотах о другом собрате — немецком поэте того же «штюрмерского» направления, жившем в России и находившемся в нужде, — Якобе Ленце;⁴⁷ они были бескорыстны и не свидетельствовали о том, что Клингер примирился с действительностью и перестал бороться с социальным злом и неравенством сословий. Скорее напротив: еще до воцарения Павла I Клингер насмотрелся на царившие в его доме порядки, нравы и заслушался рассказов и сплетен о российском императорском дворе, которые получали соответствующую окраску в кругах, приближенных к будущему императору. Идиллическое отношение к семье великого князя, которое он прежде испытывал как соотечественник и доверенное лицо будущей государыни Марии Федоровны, также быстро изменилось, а сам цесаревич все ярче обретал черты будущего тирана. Все это переполняло сердце Клингера горечью и злостью, отразившимися в его литературных произведениях и творческих замыслах этой поры.

Мы почти ничего не знаем о том, как сложилась жизнь Клингера между 1783 и 1785 гг., после возвращения его из заграничного путешествия, и почему он оставил свою должность при великокняжеском дворе. Все биографы Клингера отмечают, что по случаю ожидавшейся в то время войны с Турцией он получил назначение в действующую армию. Хотя эта справка никак не объясняет нам, почему при подготовке России к войне с Турцией на передовых позициях русской армии внезапно появился Клингер — библиотекарь великокняжеской четы (притом в пехотном полку, тогда как за три года перед тем, впервые оказавшись в Петербурге, он был зачислен в флот), но факт остается фактом: существуют неоспоримые доказательства того, что в мае 1783 г. Клингер находился в русском военном лагере на южной границе страны.⁴⁸ Находясь здесь, в этом лагере на границе с Молдавией, Клингер в свободное от военных маневров и эскерциций время и написал

⁴⁷ От биографов Клингера ускользнули интересные страницы, написанные на основе рукописных архивных источников М. Н. Розановым в его известной монографии «Поэт периода „бурных стремлений“ Якоб Ленц. Его жизнь и произведения» (М., 1901, с. 453—456), где идет речь о знакомстве Клингера с Я. Ленцом в Петербурге, в доме немецкого литератора Л. Г. Николаи (Nicolay), в то время занимавшего должность секретаря и библиотекаря вел. кн. Павла Петровича. В начале ноября 1780 г. Николаи писал в Берлин одному из своих тамошних друзей, что он принимал у себя одного за другим двух немецких писателей, до того между собой не знакомых, сначала Ленца из Дрпта, а затем Клингера из Франкфурта. «Юность и модное направление сбивали их немного с истинного пути, однако в сущности оба они кажутся мне очень хорошими, честными и добросовестными немцами». Первым Николаи удалось пристроить Клингера, но Ленцу не повезло: его не удалось определить на государственную службу, несмотря на его славословия Екатерине II и наследнику престола и на хлопоты по этому поводу того же Клингера.

⁴⁸ См.: Смоленян, с. 32—33.

«Историю о Золотом Петухе»; это был один из его первых опытов в повествовательной художественной прозе.

В предисловии к первому немецкому изданию сделана следующая помета: «В августе, в лагере у В***» (Im August im Lager bei В***). Из этого указания следует, что этот лагерь находился на берегу реки Западный Буг; из более позднего письма Клингера (от 20 декабря 1795 г.) можно извлечь свидетельство, что в этом лагере Кlinger находился в 1783 г. Два года спустя вышло в свет первое издание этого небольшого произведения, принадлежащее к числу раритетов немецкой книжности, — «Die Geschichte vom goldnen Hahn. Ein Beitrag zur Kirchen-Historie» (малая 8°, XIV+176 страниц) — без имен автора и издателя и без места издания, т. е. «История о Золотом Петухе. Добавление к истории церкви».

Историки немецкой литературы дознались, что книга была издана в 1785 г. Турнайзеном в Базеле.⁴⁹

⁴⁹ Rieger II, S. 61. — Hering (S. 61, 249), однако, утверждает, что книга Клингера вышла у издателя Эттингера в г. Готе. Вопрос о том, где именно выпускались издания произведений Клингера и как следует понимать обозначенные на их титульных листах города, например Tiflis, Bagdad, St. Petersburg и т. д., давно уже затрагивался библиографами. А. А. Морозов в статье «Западные писатели в царской цензуре» (Западный сборник. Л., 1937, с. 321), называя Клингера «одним из самых гордых и независимых умов в Европе», с полным основанием утверждал: «Независимость в политических и религиозных суждениях, близость к идеям французской революции, владевшие им, делали большинство его книг совершенно недопустимыми в России и не во всем дозволительными в Германии». Это заставляло Клингера тщательно маскировать свои издания, чтобы запутать поиски их издателей и печатавших эти книги типографий. На титульных листах некоторых книг был указан Иоганн Христиан Криль (в некоторых: Иоганн Фридрих Криле) как якобы петербургский издатель; на самом деле эти книги были изданы в Лейпциге, а имя издателя вымышлено; А. А. Морозов ссылается на справочник, в котором эта фикция была раскрыта: *Bibliographie der Originalausgaben der deutschen Dichtung im Zeitalter Goethes*. München; Leipzig, 1913, Bd I, S. 196—197. — В русской литературе заблуждение о многих издателях и вымышленных местах выпуска сочинений Клингера было очень распространено и встречается еще и поныне, несмотря на предупреждение об этом в работах А. Морозова и О. Смоляна. Приведем здесь один характерный пример. До начала 1790-х гг. некоторые произведения Клингера (в частности, драматические) печатались с именем автора, но после этого он прибегал к различным уловкам, чтобы обмануть цензурные или таможенные инстанции. Так, его известный и не раз цитировавшийся у нас в связи с Пушкиным роман о Фаусте («Fausts Leben, Taten und Höllenfahrt») ошибочно считали изданным в Петербурге в 1791 г., придавая этому даже особое значение и пытаясь объяснить популярность его среди русских читателей. Такую ошибку мы находим, например, в статье: Глебов Гл. Пушкин и Гете. — В кн.: Звенья. М.; Л., 1933, т. II, с. 52. — Это же утверждает П. Загорский (Пушкин и театр. М.; Л., 1940, с. 204) и многие другие. Романы Клингера «Путешествие перед потопом» (1798) и «Фауст восточных стран» обозначаются как вышедшие в Багдаде, «Захир, первенец Евы» (1798) — в Тифлисе; на самом деле эти книги были изданы Харткнохом в Риге. В письмах Клингера, отмечает О. Смоляна, много раз звучит тревога по поводу того, что станет известно его авторство. То он писал издателю: «Я должен поставить условием, чтобы ни один город России не был указан как место издания», — то просил Шлейермахера не называть его имени, когда тот будет писать об его новой книге. «Инокниго при этом лучше, чтобы ввести в заблуждение тех господ, которые тотчас вынюхивают автора», — таково было его мнение.

Эта небольшая книжка, неизвестно кем написанная, кем и где напечатанная, вероятно благодаря своему интригующему подзаголовку — «Добавление к истории церкви», — сразу после выхода ее в свет привлекла к себе настороженное и даже осудительное внимание критики, спешившей заранее предупредить легковых читателей, что вопреки своему титульному листу книга отнюдь не имеет богословского характера, а, напротив, является ярким антицерковным, атеистическим памфлетом.

В журнале «Allgemeine deutsche Bibliothek» (Bd 66, S. 90) появилась рецензия на «Историю о Золотом Петухе» некоего гессенского профессора Жаур, в которой он отзывался об этом сочинении как о книге возмутительной и преступной. Критик даже высказывал подозрение, не является ли она переводом с французского и не соблазнился ли переводчик творением какого-либо нескладного подражателя, Вольтеровой обезьяны (irgend eines Affen von Voltaire)? Рецензент другого немецкого журнала («Tübinger gelehrte Anzeigen», 1785, S. 400) в свою очередь отзывался об «Истории о Золотом Петухе» как о «кометообразном явлении на церковном небосклоне» и утверждал, что автор этой «Истории» «проповедует в самом языческом стиле» и подражает манере Кребийона-сына. «Как могла пропустить такое произведение цензура?» — удивлялся критик в заключении своей статьи.⁵⁰

Приведенные отзывы подтверждают, что Клингер недаром прибегал ко всевозможным способам маскировки в своих произведениях. Многие из его книг, имевшие бесспорно вызывающий сатирический колорит, явно в такой маскировке нуждались. В противном случае автору, находившемуся на российской государственной службе, грозили бы крупные неприятности. Клингер хорошо понимал, что он не может выступать перед читателями с открытым забралом; поэтому различные приемы сокрытия авторства и даже истинных намерений повествователя стали для Клингера привычной и постоянной практикой; формы же, которые принимала для Клингера возможность говорить эзоповским языком, были очень разнообразны и постоянно варьировались.⁵¹

⁵⁰ См.: Rieger II, S. 60.

⁵¹ В 1790 г. Клингер анонимно выпустил в свет трагедию «Ориент» («Orientes. Eine Tragödie». Frankfurt und Leipzig). Свое авторство он тщательно скрывал даже от наиболее близких своих друзей. При жизни Клингера она не перепечатывалась и не вошла ни в одно собрание его сочинений. Авторство Клингера было окончательно установлено только после того как этой трагедии была посвящена диссертация французского германиста Л. Брёна (Brun Louis. «L'Orientes» de Klinger. Diss. Paris, 1964). В приложении к этому исследованию полностью перепечатана трагедия (с. 83 след.). Л. Брэн установил, что трагедия Клингера посвящена истории суда Петра I над царевичем Алексеем и что основными источниками для пьесы были сочинения Вольтера («История Карла XII»), трактаты Руссо и устные рассказы, слышанные Клингером при дворе молодого Павла I. Трагедия поднимала волновавшие Клингера проблемы пределов царской власти, но чтобы скрыть от читателей, что он касается в своей пьесе тайн русской династии, запретных для обсуждения, Клингер перенес действие пьесы в античную Фракию и назвал своих действующих лиц именами, заимствованными из «Истории» Геродота. «Ориент» Клингера обнаруживает его широкую осведомленность в русской истории XVIII в. не только по книжным источникам, но и по сплетням и рассказам, слышанным им в придворных кругах. Русским историкам «Ориент» не известен до сих пор.

LE COQ D'OR;
FRAGMENT HISTORIQUE;

POUR servir de Supplément à l'Histoire
Ecclesiastique.

TRADUIT DE L'ALLEMAND.

*Nemo enim liber vitia ridet,
Nec corrumpere se corrumpi,
Seculum vocatur.*

TACITVS.

M. DCC. LXXXIX.

Титульный лист французского издания повести
Ф. М. Клингера «История о Золотом Петухе».

Ставшую запретной для немецких читателей «Историю о Золотом Петухе» спасла от полного забвения французская революция 1789 г., когда эта книга, осужденная суровыми приговорами немецких протестантских критиков, не без оснований считавших, что она порождена французской просветительской беллетристической предреволюционной поры, и конкретно возводивших «сказку» Клингера к философским повестям Вольтера и Кребийона-сына, неожиданно обрела популярность и новую жизнь у революционных публицистов и переводчиков Франции. В 1789 г. «История о Золотом Петухе» вышла в свет во французском переводе: «Le Coq d'or, fragment historique pour servir de supplement à l'histoire ecclesiastique, traduit de l'Allemand, MDCCLXXXIX (8°, 296 страниц). Это издание принадлежит

к числу таких же библиографических редкостей, как и вышеупомянутое немецкое.⁵²

Стоит подчеркнуть, что этот полный по тексту и хорошо сделанный французский перевод также не содержит в себе никаких указаний на автора немецкого оригинала и в свою очередь не сообщает, где, кем и в каком месте он выпущен в свет. Это издание проникло в Германию, что отмечено было и в немецкой периодической печати. Характерно, однако, что на этот раз о французском издании «Истории о Золотом Петухе» отзывались здесь в совершенно противоположном смысле, чем за пять лет перед тем. Так, в частности, рецензент «Готских ученых ведомостей» писал о книге с явной похвалой: «Хотя „История о Золотом Петухе“ и не слишком правоверное произведение, — писал анонимный критик, — но оно написано с такой живостью и силой воображения, с таким остроумием и с таким лукавством, что оно, конечно, во Франции найдет для себя много читателей».⁵³ Так оно, по-видимому, и произошло. В литературе, во всяком случае, чаще всего встречаются ссылки на это, а не на немецкое издание повести, распространение получило оно и за пределами революционной Франции. Забегая несколько вперед, укажем также, что именно это французское издание повести Клингера было и в руках Пушкина.

«История о Золотом Петухе» была издана на немецком языке еще один раз — в X томе собрания сочинений Клингера (*Werke, Bd I—XII. Königsberg, 1809—1816*). На этот раз Клингер решился открыть свое авторство только потому, что он коренным образом переработал свою повесть, изъял из нее наиболее «опасные» в цензурном отношении эпизоды, резко изменил ее идейную направленность, изъял ее подзаголовок, так как повесть перестала служить «Добавлением к истории церкви» и лишилась каких-либо намеков на атеистический образ мыслей. После этих переделок повесть получила и новое заглавие — «Захир, первенец Евы в раю» («*Sahir, Evas Erstgeborener im Paradiese*»); из текста исчезло и символическое главное действующее лицо первой редакции повести — Золотой Петух. В этом виде повесть перестала вызывать к себе внимание читателей.⁵⁴ Поэтому в нижеследующем изложении мы будем ссылаться на два первых ее издания, указанных выше, — немецкое (1785) и французское (1789).

⁵² А. Мазон в упомянутой выше статье указал, что он пользовался экземпляром «*Le Coq d'or*», хранящимся в Национальной библиотеке в Париже (шифр: Z. 34.913). Я пользовался этим же изданием, принадлежащим Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде; здесь же имеется и немецкий оригинал. Кем выполнен французский перевод, остается неизвестным.

⁵³ *Gothische gelehrte Anzeigen*, 1790 (*Ausländische Literatur*, S. 155). Цитируется, как и приведенные у нас выше отзывы немецкой печати, по кн.: *Rieger II*, S. 61—62.

⁵⁴ См.: *Rieger II*, S. 379—386; *Hering*, S. 319—327. — Основная переработка «Истории о Золотом Петухе» для издания, по-видимому, выполнена была Клингером уже в 1798 г. В новой редакции этого произведения, откуда удалены остросатирические инвективы против церкви и церковников, господствует добродушно-иронический тон, текст разделен на главы и принял более архаический вид, но действие по-прежнему локализовано в условной Черкесии; Петуха, заколдованного принца, заменил другой персонаж — абстрактный образ Духа Просвещения (*Geist der Aufklärung*).

Историки немецкой литературы XVIII в. и биографы Клингера были очень разноречивы в своих попытках определить тот литературный жанр, к коему следует относить «Историю о Золотом Петухе» и ряд других прозаических произведений Клингера, написанных в ту же пору. Некоторые исследователи называли их сказками (*contes*), другие относили к романам. Ригер считает «Историю о Золотом Петухе» сказкой или фантастико-сатирическим романом,⁵⁵ Геринг — новеллистической обработкой пародийной сказки.⁵⁶ В последнее время всю беллетристическую прозу Клингера, несмотря на существенные различия отдельных произведений, выстраивающихся в длинный ряд, отчетливо демонстрирующий эволюцию его манеры и стиля, принято относить просто к романам.⁵⁷ Нельзя, однако, забывать, что в XVIII в. термин «роман» понимался гораздо уже, чем в последующее столетие, и даже противопоставлялся «конту» (*conte*), сказочному жанру, более насыщенному в идейно-философском смысле и более типичному для эпохи Просвещения.⁵⁸ На этом основании мы в данной статье отказались от наименования «Истории о Золотом Петухе» романом и предпочли называть ее сатирико-философской повестью в том же смысле, в каком у нас так называют произведения Вольтера или Дидро.

Два первых издания «Истории о Золотом Петухе» — немецкое (1785) и французское (1789) — в основном соответствуют друг другу; если они имеют незначительные различия в тех случаях, когда переводчик затруднялся при переводе отдельных слов или фраз, то это им оговаривается особо. Некоторые текстовые различия имеются лишь в «Предупреждении» к повести (*Vorrede; Avertissement*), что, впрочем, и естественно, поскольку каждый раз предисловие обращалось к другой читательской аудитории и предупреждало, что следовало искать в книге.⁵⁹

⁵⁵ Rieger II, S. 50.

⁵⁶ Hering, S. 240.

⁵⁷ Рейман П. Романы Клингера. — В кн.: Рейман П. Основные течения в немецкой литературе. 1756—1848. М., 1959, с. 231—243.

⁵⁸ В вопросах размежевания и определения терминов «роман» и «конт» (*conte*) неоднократно пытались разобраться историки литературы XVIII в. Ср.: Дементьев Э. Г. Роман Великой французской революции. Владивосток, 1969, с. 6—7. Пытаясь разобраться в данном запутанном терминологическом вопросе, автор этого исторического обзора французской беллетристики 90-х гг. XVIII в. пишет: «Идейная насыщенность „конта“ была значительно выше, чем романа, который зачастую служил только для развлечения. В руках просветителей „конт“ стал специфическим просветительским жанром, тесно связанным с рационалистическим мировоззрением и соответствующими литературными традициями. Белинский назвал его „истинным романом XVIII века“ (с. 7).

⁵⁹ «Предупреждение» к «Истории о Золотом Петухе» играет роль «обрамления» повествования и своего рода посвящения его некоей Аспазии. Ей посылает автор свою повесть, о которой он узнал из «арабской рукописи, написанной золотыми буквами» по повелению короля Орансии после событий, случившихся при нем в Черкесии. Хотя литературный мотив — находки и публикации некоей рукописи — не был нов и во времена Клингера, как и письмо, адресованное воображаемому лицу, — в данном случае к Аспазии, полное нежных воспоминаний о совместных прогулках с нею по Италии, — биографы Клингера не без оснований усматривают

На титульных листах обоих изданий красуется тот же латинский эпиграф, существенный для понимания задачи, которую поставил перед собою Клиндгер, создавая эту свою фантастическую повесть. Эпиграф гласит:

Nemo enim ibbic vitia ridet,
Nec corrumpere et corrumpi
Seculum vocatur.

Tacitus.

(Перевод: Ибо пороки там ни для кого не смешны, и соблазнять и быть соблазняемой не называется у них идти в ногу с веком. Тацит).

Эта цитата заимствована Клиндгером из XIX главы трактата римского историка Корнелия Тацита о Германии⁶⁰ и имеет касательство к проблеме соотношений и конфликтов двух цивилизаций, различно по своему уровню, о которых рассказывается в повести о Золотом Петухе. Знаменательно, что сочинения Тацита Клиндгер хорошо знал, тщательно изучал и постоянно перечитывал, живя в России, не раз размышлял при этом о себе самом и о своем отношении к России той поры. Тацит, бывший римским сенатором, описывал современных ему германцев с чувством превосходства над полудикими варварами, одетыми в звериные шкуры и еще не знающими городов. Тем не менее Тацит, в других своих сочинениях выступавший как обличитель императорского абсолютизма, находил у варваров германцев то же стремление к свободе, которое было, по его мнению, присуще древним римлянам, изгнавшим своих царей и установившим республику. Отсюда несколько парадоксальная для Тацита некоторая идеализация народов, живущих родовым бытом, в данном случае древних германцев, в частности их семейного быта; чистота германцев здесь прямо противопоставлена развращенности римлян.⁶¹ К этому следует прибавить, что

здесь подражание Клиндгера повести его друга В. Гейнзе «Лайдиона, или Элевсинские тайнства» («Laidion oder die Eleusinischen Geheimnisse», 1774). В этой повести Гейнзе греческая гетера Лайдиона (уменьшительное от Лайды — Lais) в письме из загробного мира к еще живому другу, Аристиппу Киренскому, рассказывает, как она умерла, достигла Елисейских Полей и как предстала перед судом Орфея, Солона и Аспазии и поведала им о своей земной жизни. Клиндгер воспользовался также некоторыми эротическими мотивами «Лайдионы» Гейнзе, восходящими в свою очередь к переведенному Гейнзе на немецкий язык «Сатирикону» Петрония.

⁶⁰ Tacitus. De origine et situ Germanorum (О происхождении германцев и местоположении Германии, 98 г. н. э.).

⁶¹ Ссылки на Тацита и цитаты из его сочинений постоянно встречаются и в более поздних произведениях Клиндгера; они подтверждают, что, читая римского историка, он все время сопоставлял его повествования с примерами, которые Клиндгеру представляла современная ему русская действительность. Так, в своих «Мыслях и замечаниях о различных явлениях жизни и литературы» (Gedanken und Betrachtungen über verschiedene Gegenstände der Welt und Literatur, Bd I—III, 1803—1805), изданных уже после пережитого им дикого произвола и тирании царствования Павла I, Клиндгер писал: «Раньше я подозревал Тацита в том, что он несколько преувеличивает из чувства ненависти к некоторым вещам, что очень легко могло бы случиться с умом, подобным его уму, и, конечно, было бы прощательно. Но с тех пор как судьба устроила так, что перед моими глазами стали происходить в лицах живые комментарии к его произведениям, мне его мрачные краски временами кажутся даже еще недостаточно мрачными.

в период написания «Истории о Золотом Петухе» Клинггер несомненно находился под воздействием идей Руссо о нравственном превосходстве патриархального быта над развитой европейской цивилизацией.

Действие «Истории о Золотом Петухе» происходит в Черкесии, во владениях короля Орансии (Orancia). Но Черкесия (Circassie) повести — не реальная кавказская территория, а страна сказочная, условная, фантастическая. Клинггер прибегал к вымыслу с явным намерением скрыть от своих читателей, что некоторые события, о которых он повествует, случились не в этом небывалом и несуществующем королевстве, а в другой стране, которую он не смел назвать, — в России времен Екатерины II, хотя описанные происшествия в повести преобразены и очень приукрашены фантазией автора.

Такой прием был обычным и очень популярным для «философских повестей» XVIII в., в частности той их разновидности, которая именуется «восточными сказками» или «восточными повестями» и которая была распространена тогда во всех литературах: французской, английской, немецкой, а также и русской.⁶² При этом везде, во всех странах псевдоэкзотический колорит, с помощью которого скрывалась какая-либо конкретная приуроченность сюжетной ситуации или схемы, никак не был связан с географическими или этнографическими приметями. Выше мы уже приво-

Счастливы тот, кто только читает об этих вещах и комментирует римлянина как филолог и антикварий» (§ 591). Десятилетие спустя о том же Клинггер писал Гете (26 мая 1814 г.): «Я стал очевидцем вещей, по поводу которых раньше не хотел и не мог поверить Тацит» (цит. по кн.: Смолян, с. 33, 35).

⁶² О сатирических тенденциях во французских псевдоориентальных повестях конца XVIII в. см.: Dufrenoy M. L'Orlent romanesque. Montréal, 1946; Pike Conant Martha. The oriental tale in England in the eighteenth century. New York, 1908. — Из немецкой литературы того же времени можно напомнить здесь в качестве аналогии изданную Я. Лендом пьесу «Новый Меноса, или История кумбанского принца Теуди» (1774). Герой ее был «принцем Кумбы», страны, которую, по словам самого автора, «не отыщешь ни на одной географической карте»; в тексте этого произведения он именуется то принцем «индейским», то даже «калмыцким» (см.: Розанов М. Н. Указ. соч., с. 240—241). Напомним, однако, что Клинггер создавал свою повесть о событиях в «Черкесии», находясь на юге тогдашней России в ожидании русско-турецкой войны и, естественно, думая о Черном море и о народах, живущих на его берегах; но эти народы были еще плохо описаны путешественниками, а кроме того, известны Клинггеру преимущественно из греко-римских источников. Позднее Клинггер создал пьесу о героине античных преданий Медее («Medea auf dem Kaukasus», 1791). Действие пьесы происходит «где-то на вершинах Кавказских гор». О фантастических представлениях о Кавказе см. в кн.: Орловская Н. К. Грузия в литературах Западной Европы в XVII—XVIII вв. Тбилиси, 1965 (из произведений Клинггера здесь названа лишь упомянутая пьеса). Что касается «Черкесии», то о популярности этого географического названия можно судить по той справке, которая дается о нем во второй половине XIX в. (I) в широко распространенном энциклопедическом словаре П. Ларусса, где читаем: «Черкесия — местность в европейской России, расположенная на северном склоне Кавказа, между Черным морем на востоке и Каспийским на западе <...> Название ее происходит от Черкесов (Tcherkesses ou Circassiens), наиболее значительном (important) народе, здесь обитающем» (Larousse P. Dictionnaire universel du XIX siècle, t. IV, p. 321).

дили примеры того, как условным псевдоэзотическим (в том числе и кавказским) покровом Клингер в своих драматических произведениях учился отвлекать внимание читателей от сюжетов, имевших непосредственное отношение к русской истории. Тем же приемом воспользовался Клингер в данном случае.

О короле Орансии в повести рассказывается, что своей Черкесией он правил бездумно и лениво и что во всех случаях жизни, вплоть до очень драматических, главным его занятием была любимая игра в шахматы с его пажом, которой он предавался с утра до вечера (что не раз заставляет нас вспомнить стих пушкинской сказки о Дадоне «царствуй, лежа на боку!») и намерение поэта ввести игру в шахматы в текст своей сказки); королевством же собственно управляли придворные — интриганы и сплетники, среди них и дамы-фрейлины, во главе с королевой, требовательной и властной, являвшейся фактической правительницей страны (во второй редакции этой повести Клингера она сохранена как действующее лицо, но именуется «султаншей» Тифлиса).

Однако Черкесия процветала, так как имела своего символического защитника — Золотого Петуха. О нем было известно, что фея Моргана, покровительница этого государства, в незапамятные времена отдала эту птицу в собственность одному из ранних владельцев страны и предупредила: «До тех пор пока эта птица останется невредимой и никто ее не тронет, покой и благоденствие короля и всего его государства останутся нерушимыми». В повести дано и довольно подробное описание птицы, давшей заглавие этому произведению. «Петух, — говорится здесь, — был самой красивой в мире птицей (bête): перья его были золотые, гребешок красный, лапки маленькие, пепельно-серебряные. Он не принимал никакой пищи, погруженный в свои грустные философские мысли и любовные мечтания, но все же (du reste) он пел в привычное время как обычный петух. Лишь один недостаток уродовал милостивую птичку, к огорчению всех, кто ее видел. Противное перо мышинного цвета спускалось с гребешка на самый клюв, подобно бараньему рогу; оно было огромного размера; с трудом можно было разглядеть петуха. Оно покрывало всю птицу и сжимало всю его голову. Было заметно, что в его глазах отражалась вся скорбь мрачной меланхолии. И от этого-то пера зависело все благополучие Черкесии».⁶³

Таким образом, Золотой Петух — реальная птица, для которой в королевском дворце Черкесии отведены особые покои, охраняемые стражами, не допускающими появления в этих дворцовых комнатах никого из посторонних, прежде всего женщин. Вместе с тем Петух — это и символ государства, талисман династии, которого никто не видит, но о котором все знают, в который все жители верят как в покровителя, поручителя спокойствия и мира страны, защитника государства от внешних и внутренних врагов, именем которого клянутся и сам король Черкесии и все его подданные («клянусь Петухом моих предков» — *par le Coq de mes pères*). Поэтому, с нашей точки зрения, А. Мазон был вполне прав, догадываясь, что в данном случае Петух как талисман и символ династии является

⁶³ Le Coq d'or, p. 6.

своего рода пародией на российский государственный герб — двуглавый орел как символ могущества и власти империи.⁶⁴

Между тем блаженная Черкесия, счастливые обитатели которой жили беззаботно и весело, в чистоте и невинности, ничего не зная о пороках жителей соседних стран, находилась накануне катастрофы, некогда пророчески предсказанной ее покровительницей, феей Морганой. И это несчастье в конце концов разразилось внезапно, когда его никто не ожидал. Дочь Орансии, юная принцесса Роза, и влюбленный в нее паж Фанно, не чувствуя беды и не думая о последствиях своего поступка, проникают в заветные покои Золотого Петуха и похищают его перо мышиного цвета, т. е. совершают именно то, чего фея Моргана, заботясь о благоденствии Черкесии, требовала остерегаться предков Орансии. Как и следовало ожидать, это преступление не остается безнаказанным: согласно предсказанию, оно открывает дорогу в Черкесию иноземным завоевателям во главе с воинствующими фанатиками — христианскими церковниками. Под их непосредственным воздействием в Черкесии происходит полное и всеобщее повреждение нравов. Наивная и доверчивая Черкесия, соприкоснувшись с неизвестными ей до тех пор уродливыми признаками и явлениями иноземных западных цивилизаций, подпадает под их влияние и становится развращенной сверху донизу, чему дурной пример подает сама королева. Объясняется и загадка Золотого Петуха: оказывается, что под его золотыми перьями скрывался заколдованный в стародавние времена «принц всех рогоносцев», объявляющий себя отцом... Иисуса Христа!

Заключительные происшествия, о которых идет речь на последних страницах повести Клингера, А. Мазон в упомянутой выше статье пересказывает слишком кратко, в обобщенном виде и редко сверяясь с подлинным текстом,⁶⁵ предполагая, по-видимому, что слишком подробное изложение повести в этой ее части не столь существенно для цели его исследования — сопоставления повести Клингера со сказкой Пушкина. «Не будем ожидать большего от сделанного нами сближения», — пишет А. Мазон в конце своей статьи и прибавляет: «Сказка Клингера развивается далее в совершенно другом направлении, чем сказка Пушкина».⁶⁶ Безусловно, исследователь был прав в том отношении, что конец повести, где рассказывается история Золотого Петуха и его предыстория, мало напоминает сказку Пушкина. «Конечно, Пушкин не мог следовать за своим образцом таким рискованным путем и должен был остановиться вовремя, благодаря присущему ему чувству меры, а также из-за двух цензурных инстанций (политической и церковной). Достаточно было и того, что он удержал в своей памяти заглавие и основную мысль „Золотого Петуха“ Клингера».⁶⁷

Таким образом, по мнению А. Мазона, в творческом сознании Пушкина — читателя новеллы Ирвинга и повести Клингера — воздействия, шедшие к русскому поэту с двух сторон (со страниц этих произведений, читанных им, конечно, в разное время), должны были сплетаться вместе и образо-

⁶⁴ М а з о н, р. 7.

⁶⁵ Le Coq d'or, p. 265—273; М а з о н, р. 6—7.

⁶⁶ М а з о н, р. 7.

⁶⁷ Там же.

вать некое целостное единство: «Птица-талисман должна была слиться с ирвинговским всадником-предвестником, для того чтобы заместить его и придать повествованию ту сатирическую остроту, которая это повествование обновляет и трансформирует».⁶⁸

С нашей точки зрения, с данным утверждением французского ученого можно согласиться только отчасти. Бесспорно в нем лишь то, что обнаружение воздействия одного из двух указанных им произведений на сказку Пушкина не исключает другого воздействия, а как бы одно наслаивается на другое. Однако из сопоставлений, сделанных А. Мазоном, как будто бы следует, что в хронологии обсуждаемых им данных воздействий на Пушкина на первом месте стоит новелла Ирвинга, а за нею следует повесть Клингера. Нам представляется более правдоподобным их обратное соотношение: первоначально Пушкин познакомился с повестью Клингера, а лишь более десятилетия спустя — с новеллой Ирвинга. Именно поэтому на заключительную часть «Истории о Золотом Петухе» стоило обратить большее внимание комментаторов Пушкина. Ведь эта часть оправдывает подзаголовок повести Клингера «Добавление к истории церкви», являясь как бы идейным центром повести в целом. Именно она подала повод реакционной критике обвинить Клингера в якобинизме и пропаганде атеистических идей. Автобиографическая исповедь расколдованного Золотого Петуха являлась в повести главной сенсационной приманкой для читателя в пушкинскую пору. Если Пушкин действительно знакомился с «Историей о Золотом Петухе» до того времени, как у него возникла творческая мысль о создании собственной сказки со сходным заглавием, то повесть Клингера могла оказать воздействие и на другие, более ранние произведения Пушкина. Во всяком случае, указанная выше статья А. Мазона поставленную им проблему решает не до конца.

Напомним, что расколдованный Золотой Петух, как рассказывается в повести, является во дворец короля Орансиа и обращается к нему со словами: «Милосердный и великодушный монарх! Я — принц рогоносцев, скрытый некогда под перьями Золотого Петуха, которого вы стерегли столь усердно и заботливо! Я воздаю должное прекрасному пажу Фанно, которому обязан своим освобождением. Несколько столетий томился я, чтобы дожидаться освобождения от своего зловещего превращения. Без влияния прекрасной принцессы, вашей дочери, на отважное сердце лучшего из молодых людей я бы страдал еще сегодня под подавляющим бременем пера мышиного цветка!».⁶⁹

Изумленный этим признанием, король Орансия, естественно, спрашивает «принца рогоносцев», как и почему совершилась с ним пагубная метаморфоза. На это «принц рогоносцев» отвечает длинным рассказом, заставляющим читателя вспомнить многие подробности античной мифологии. «Отец мой — нежный и могущественный бог любви, одушевляющий и дающий жизнь всему, что его окружает», — рассказывает принц. По его словам, люди жили счастливо, пока находились под властью бога любви и пока они не ограничили ее, теснее связав себя с богом брака Гименеем, родившимся

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Le Coq d'or, p. 263.

от злого гения. Дальнейшие признания принца многословны и растянуты. Они были понятны первым читателям повести Клингера, сколько-нибудь знакомым с античной мифологией. Речь шла об Эроте греческой мифологии (или Амуре — римской) и божестве брака Гименее, об их вражде. Клингер сам ссылается на свой источник — картину ученика Рафаэля Джулио Романо «Скованный Амур» («Der gefesselte Amor»), на которой итальянский художник изобразил тот момент мифологического предания, когда Гименей связывает Амура, уснувшего на ложе из роз, и, похитив его колчан, сжигает находящиеся в нем стрелы. Этот сюжет был очень популярен в западноевропейской поэзии и искусстве XVI—XVIII вв. — в живописных копиях и гравюрах были известны картины и гравированные изображения Гвидо Рени («Гименей, связывающий Амура и сжигающий его стрелы»), Буше, Ванлоо и др. Но, может быть, наиболее примечательно то, что в «Истории о Золотом Петухе» этот рассказ точно воспроизводит тот его текст, который находился уже в одной из ранних комедий Клингера.⁷⁰ Далее принц рассказывает, что он был воспитан отцом и соблазненной им нимфой, «самой веселой, самой увлекающейся и лукавой нимфой Греции», в духе ненависти к Гименее и что родители постепенно приготавливали его к мести обидчику. И мать, и отец учили его всем «уловкам любви» и радовались, когда он назвал Гименеем научилась наставлять рога мужьям королев и пастушек, «возвращая их всех под могущественную власть моего божественного отца. Одним словом, где только я ни показывался, там опрометчивость приводила к отчаянию».

«Тут принц рогоносцев остановился, — читаем мы далее. — На его лице появились знаки глубокой скорби. Он вздохнул... Добрый король Орансия также вздохнул вместе с ним и наконец спросил его о причинах этой внезапной печали.

— Увы! — ответил тот. — Никогда не смогу я думать об этом без ужаса... Однажды, усталый от побед, которые я одерживал над королевами и принцессами, я шел по отвратительному местечку, следуя за молодой крестьянкой, которая мнила себя счастливой как в узах Гименей, так и под властью моего отца.

Случай привел меня к дверям дома старого плотника, огрубевшего на своей работе, у которого была молодая прелестная жена. Это была свеженькая и очаровательная брюнетка, а ее супруг — человек очень хмурый, прескучный и самый глупый во всем околотке. Недостаток счастья молодая женщина возмещала тем, что доставляет любовь, отдаваясь ей со своего рода благоговейным восторгом, и это приносило мне удовольствие. Женщина эта очень содействовала моему торжеству. Я приветствовал ее как святую. Она же находилась тогда в состоянии пророческого опьянения (*ivresse prophétique*). Я воспользовался восторженностью (*exaltation*) ее души, чтобы воспламенить ее сердце. В таком фанатическом настроении (*disposition fanatique*) мы дали жизнь молодому человеку, который, направляемый благочестивыми мечтаниями своей матери и собственными склонностями, объявил себя целителем всех людей, образовал новую секту с помощью некоторых фанатиков и был осужден всем народом за неблагоразу-

⁷⁰ См.: Hering, S. 175.

мие, являвшееся результатом неуместного тщеславия. Именно это учение собираются проповедовать у вас иностранцы. Вы находитесь во власти сына рогоносца (*fils d'un cocu*), жена которого была достаточно хитрой (*assez rusée*), чтобы заставить своего старого супруга поверить, что боги разделили с нею ее ложе». ⁷¹

В цитированной исповеди принца перед черкесским королем находится, конечно, главный идейный центр клингеровской «Истории о Золотом Петухе» в целом, давший автору основание для подзаголовка повести — «Добавление к истории церкви». Мы уже отмечали негодование, с каким повесть эта была встречена в поэтических кругах Германии, и, напротив, сочувственное внимание со стороны французских атеистов 1789 г. Истинный смысл этой сатирической профанации христианской легенды никого не мог ввести в заблуждение: она лишь слегка завуалирована ссылками и намеками на античную мифологию вперемежку с мотивами из западноевропейского фольклора (сказки о феях), но в основном представляет собою прозрачный антихристианский памфлет, что и обеспечило Клингеру репутацию безбожника и якобинца, от которой он не избавился до конца своей жизни. Уже в 1798 г., как мы видели, Клингер принялся за полную переработку повести, уничтожив не только подзаголовок, но и заголовок; выброшенной оказалась и вся приведенная исповедь «принца рогоносцев», поскольку действие относится не к ранним временам христианства, а к жизни Адама и Евы в раю. Исследователи Клингера указывают на вероятный источник рассказа «принца рогоносцев» в многочисленных упоминаниях у Вольтера древних легенд ⁷² или в анекдотах, восходящих к писаниям гностиков первых веков христианства либо иудействующих египтян, в особенности же в анекдотах древнееврейского происхождения («*Sepher Toldos Jeschu*»), изданных в латинском переводе в 1681 г. К этому можно прибавить, что эротические мотивы повести Клингера в значительной мере внушены ему хорошим знакомством с романами Кребийона-сына. Пародия Клингера на евангельскую притчу включена в сатирическую повесть, направленную на разоблачение не воображаемой «Черкесии», а России Екатерины II и воинствующих православных церковников и миссионеров, которых она рьяно поддерживала. Но, конечно, самым для нас примечательным в рассказе «принца рогоносцев» является то, что в этом повествовании мы можем видеть один из возможных источников «Гавриилиады» Пушкина. ⁷³ Если бы это удалось доказать, то подобное утверждение подтвердило бы факт раннего знакомства Пушкина с повестью Клингера — в период южной ссылки поэта, в Кишиневе или в Одессе.

Развязка «Истории о Золотом Петухе» искусственна, плохо мотивирована и представляет для нас малый интерес. Клингер пытается еще раз связать окончание своего произведения с действующими лицами и мотивами сказок о феях, но делает это второпях, кратко, как бы только для

⁷¹ *Le Coq d'or*, p. 269—271.

⁷² *Rieger II*, S. 59.

⁷³ См.: Алексеев М. П. К источникам «Гавриилиады». — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 318. — Среди других источников повесть Клингера здесь, однако, не указана.

того, чтобы завершить затянувшееся повествование. На последних страницах повести можно отметить лишь несколько аллюзий и сатирических намеков, не лишенных интереса для оценки общих ее тенденций. Свою исповедь принц кончает рассказом о том, как его сын, наделенный «в значительной мере надменностью и самолюбием», став фанатиком, возбудил против себя общие враждебные чувства: «Вся природа была воодушевлена против меня и моего сына. Однажды один из могущественных Гениев, которые тяжело трудятся в необъятных мастерских Вселенной, схватил меня, а его слепая ненависть ко мне дошла до того, что, обращая ко мне ужасные проклятия, он превратил меня в Золотого Петуха с роковым пером мышинного цвета. После этого он подарил меня фее, своей сестре; она пожалела меня, но, не умея разрушить тяготевшие надо мною чары, отдала меня одному из ваших славных предков на условиях, известных всем черкесам». Теперь, когда месть его оскорбителю Гименею совершилась и он свободен, находя многочисленных подражателей, он намерен «учредить свой трон в столице Франции. Мое владычество простирается с одного конца Европы до другого, и я наполняю рогоносцами дворцы и хижины до такой степени, что их неисчислимое множество привлекает ко мне все знамена. Это восстанавливает любовь ко мне моего отца, раздраженного моим длительным бездействием».⁷⁴

В эпилоге «Истории о Золотом Петухе» автор не забыл уделить несколько весьма ядовитых строк судьбе супруги короля черкесов: «Королева бросилась в объятия монахов, потом перешла к французскому кавалеру, оставшемуся в Черкесии, но, не будучи в силах превозмочь свою склонность к принцам-рогоносцам, она, в конце концов, убежала со своим кавалером в столицу Франции на поиски принцев».⁷⁵

5

Статья А. Мазона о Пушкине, Клингере и Ирвинге, цитированная нами выше, вызвала еще одну реплику в зарубежной печати; однако она осталась столь же неизвестной исследователям пушкинской «Сказки о золотом петушке», как и статья А. Мазона, и о ней ни разу не упоминалось в литературе о Пушкине. Я имею в виду статью профессора Гамбургского университета Дитриха Герхардта, посвященную малоизученному вопросу национального своеобразия междометий, опубликованную еще в 1968 г.

В этой статье избыточно цитируется также русский материал, в частности междометия в текстах Пушкина; на нескольких страницах этой прекрасной работы идет речь и о сказке Пушкина.⁷⁶

Сославшись на исследование А. Мазона и считая его доводы о зависимости пушкинской сказки от повестей Ирвинга и Клингера вполне убедительными, Д. Герхардт пытается установить текстологическую зависимость

⁷⁴ Le Coq d'or, p. 272—273.

⁷⁵ Ibid., p. 293—294.

⁷⁶ Gerhardt D. Ei, Ei, Ei! (Über die Nationalität einer Interjektion). In: L'Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, Bruxelles, 1968, t. XVIII (1966—1967), p. 139—170.

нескольких строк «Сказки о золотом петушке» от одного диалога повести Клингера. По мнению Герхардта, замеченное им сходство указанных текстов «может подтвердить зависимость Пушкина от Клингера». Речь идет о той беседе, которую королева Черкесии (Д. Герхардт пользовался немецким текстом второй редакции повести, где она именуется Тифлисской султаншей) ведет с испанским монахом доном Педро, ловким и хитрым пройдохой и совратителем женщин, о только что похищенном Золотом Петухе. Цитата, приводимая Д. Герхардтом, в немецком тексте второй редакции звучит так:

Don Pedro. Madam! Madam! In Hahn... Hahnreye?

Sultanin. In Hahnreye, mein Herr.

Don Pedro. Ha! Ha! Ha! Das gute, einfältige Volk.

Sultanin. Hi! Hi! Hi! — Aber ich bitte Sie, warum lachen Sie und machen, daß ich wider Willen mitlachen muß? ⁷⁷

В этой цитате Д. Герхардта интересует прежде всего необычная форма восклицательного междометия смеющегося человека «Хи! Хи! Хи!» (Hi! Hi! Hi!), относительно которой он утверждает, что в русской печати она впервые употреблена Пушкиным. В связи с этим он обращает внимание на заметку Пушкина, написанную в сентябре—октябре 1830 г.: «Вот истинный анекдот: в Лицее один из младших наших товарищей, и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему Лицею:

Ха ха ха, хи хи хи,
Де(льви)г пишет стихи!

Каково же было нам, Де(льви)гу и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке В.естника» Евр.(опы) найти следующую шутку: Альманах С.еверные» Ц.веты» разделяется на прозу и стихи — хи, хи! Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке!» (XI, 150; впервые опубликовано в 1841 г.).

С этими строками Пушкина Д. Герхардт сопоставляет стихи из заключительной сцены «Сказки о золотом петушке», где говорится о гибели звездочета после спора с Дадоном:

Царь хватил его железом
По лбу; тот упал ничком
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась; а девица —
Хи, хи, хи! да ха, ха, ха!
Не боится знать греха.

Сопоставив два этих пушкинских текста — прозаический и поэтический, — близких по времени своего возникновения, Д. Герхардт пытается доказать, что Пушкину текст повести Клингера был известен еще в Лицее. С этой целью Д. Герхардт приводит в своей статье десятки цитат из русско-иноязычных словарей и русских литературных текстов XVIII—XX вв. для подтверждения своего наблюдения, будто бы восклицание «хи-хи-хи!» (с двухчленным или трехчленным повторением того же звукоподражательного слога), отличное от общеупотребительного «ха-ха-ха!», введено в оборот в русском языке именно Пушкиным, к тому же

⁷⁷ Ibid., S. 150—151.

в подражание Клингера, так как в русской печати не встречается ранее. Между тем, судя по материалам, приведенным Д. Герхардтом, *после* Пушкина восклицание «хи-хи-хи!» (иногда в противопоставлении к «ха-ха-ха!») встречается в изобилии с приданным ему особым экспрессивным оттенком.⁷⁸ Впрочем, с моей точки зрения, все эти утверждения не могут считаться доказанными: у нас нет никаких документальных данных о распространении среди лицейстов произведений Клингера, тем более сугубо нецензурных; с другой стороны, невозможно предположить, что Пушкин ознакомился с повестью Клингера по немецкому оригиналу.

Необходимо также отметить, что цитированный Д. Герхардтом немецкий текст несколько отличается от текста французского перевода повести Клингера 1789 г.; кроме того, в обоих имеются трудности для перевода на русский язык благодаря содержащейся в них лишь приблизительно передаваемой игре слов. Приводим интересующее нас место диалога в русском переводе с французского:

Дон Педро. Осмелюсь ли спросить ваше величество, что такое Золотой Петух?

Королева. Как? Вы ничего не знаете о Золотом Петухе, этой чудесной птице? Клянусь солнцем! Мы тоже ничего не знаем об этом. Наши мужья всегда берегли его как зеницу ока и постоянно скрывали его от нас (...). Наши мужья опасаются, что может что-то случиться после его пропажи. Это должно оказать у нас чрезвычайное влияние на браки... Беседой об этом Петухе я могла бы занять вас в течение целого дня.

Дон Педро. Но каково могло бы быть его влияние?

⁷⁸ Форма «хи-хи-хи» становится у нас распространенной со второй половины 1830-х и начала 1840 гг. Возможно, что под влиянием Пушкина Лермонтов в 1841 г. вписал в альбом С. Н. Карамзиной свой шуточный экспромт «Любил и я в былые годы...», заканчивающийся строфой:

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха! и хи-хи-хи!
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи... .

Д. Г. Гинзбург (О русском стихосложении. Опыт исследования ритмического строя стихотворения Лермонтова. Пг., 1915, с. 63) дает такой комментарий к этому экспромту: «Особенно интересен второй стих: раскаты широкого, звонкого, непринужденного смеха слышатся в „ха-ха-ха“ с расстоянкою в начале и до яркой вспышки в конце, между тем как „хи-хи-хи“ отлично передает невольный переход ясной улыбки в еле слышное хихиканье». Такое толкование указанных стихов явно субъективно и неубедительно. Между тем в новейших толковых словарях русского языка трехчленное междометие «хи-хи-хи» (нередко сопровождаемое единственным примером из сказки Пушкина) получает следующее истолкование: «обозначает тихий, сдержанный смех»; производное от него существительное «хихиканье» и глагол «хихикать» объясняются так: «подсмеиваться, смеяться тихо или исподтишка и со злорадством» (см.: Толковый словарь русского языка/ Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940, т. IV, с. 1148). Добавим к этому, что междометие «хи-хи» почти во всех славянских языках (кроме русского) является единственной формой данного восклицания: украинском, болгарском, сербохорватском (хи хи), словенском (hi hi), чешском и польском (chu chu). См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973, т. IV, с. 240.

Королева. Мой супруг король сказал мне однажды, что если Петух не найдется, все черкесские мужья будут превращены в страшные чудовища, станут роконосами (en monstres affreux сосис...).
Дон Педро. Ха! Ха! Ха!
Королева. Ха! Ха! Ха!
Дон Педро. Хи! Хи! Хи!
Королева. Хи! Хи! Хи! Однако почему вы смеетесь, скажите мне пожалуйста!

Дон Педро. И Петух еще не найден?

Королева. Нет еще...⁷⁹

Таким образом, первым злорадно хихикает здесь испанский монах, а не королева черкесов («султанша» — во второй редакции повести), что и понятно в данной ситуации, но противоречит той, в которой злоеющее восклицание «хи-хи!» произносит у Пушкина шамаханская царица! У Клингера королева представлена далеко не в идеальном свете, но в этой сцене она является еще наивной простушкой, не понимающей метафорического значения слова «роконосец» и воспринимающей его в буквальном смысле; к тому же не она изображена здесь как представительница inferнальных сил, а скорее ее соблазнитель — монах. Все это значительно ослабляет доказательность выводов Д. Герхардта о текстуальном сходстве приведенных им параллельных цитат из Клингера и Пушкина.

Тем не менее исследователь был вполне прав, считая необходимым допустить, что знакомство Пушкина с «Историей о Золотом Петухе» предшествовало его знакомству с новеллой Ирвинга. Прав был Д. Герхардт и тогда, когда он возразил немецким исследователям, не догадывавшимся, что воображаемая Черкесия клингеровской повести названа лишь для отвода глаз и маскировки: писатель безусловно имеет в виду Россию начала 80-х гг. XVIII в., изображая в приспособленном для сатирических целей виде кое-какие события при дворе Екатерины II или, вернее, при дворе наследника российского престола, будущего императора Павла I. Это — очерченная сатирическим пером картина русской придворной жизни последней четверти XVIII в. в условиях обращения протестантских принцев в православную веру и т. д. Все это Клингер хорошо знал из многих впечатлений и от ближайших к нему лиц из той же окружавшей его дворцовой среды, которую он вскоре несколько изменил, возглавив кадетский и пажецкий корпуса в Петербурге, а затем став попечителем Дерптского университета.⁸⁰

⁷⁹ Французский перевод повести Клингера не переплетает игры слов в немецком оригинале, где слово *Nahn* (соврем. *Nahnrei*) — роконосец — производное от слова *Nahn* — петух, а во французском языке слова *соф* — петух и *соси* — роконосец имеют различные корни, что могло быть известно и Пушкину. По мнению В. И. Даля, русские слова «рог» и «рогач» в значении неверности, измены жены взяты с Запада, «а у нас рога всегда означали <...> могуту или гордыню, киченье, упорство». Слово же «роконосец» возникло позднее (см.: Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. IV, с. 99—100). Характерно, что Пушкин употреблял обе формы: «рогач» и «роконосец» (см.: Словарь языка Пушкина. М., 1959, т. III, с. 1028).

⁸⁰ Все аллюзии Клингера на современную ему русскую действительность стояло бы изучить особо; однако, не будем отвлекать читателя

В 1808 г., уже в Петербурге, Клингера посетил Этьен Дюмон — женевец, долго живший в Англии и близкий к кругу И. Бентама. Дюмон пишет в своем дневнике: «Вчера я посетил в кадетском корпусе генерала Клингера. Это немец, человек умный, известный в Германии некоторыми сочинениями о Фаусте. В философии он близок к Дидро, направления несколько антирелигиозного. Он славится как человек честный и пользуется милостью императора (речь идет об Александре I, только что восшедшем на престол, — М. А.)». Характерно, что Дюмон, мало известный биографам Клингера, среди всех описавших его жизнь мемуаристов откровеннее и подробнее рассказал о воззрениях Клингера и на религию и на православных церковников. Вот что писал Дюмон по этому поводу: «По мнению Клингера, отличительной чертой русской истории является то, что в ней нет ни религиозных войн, ни борьбы из-за политических идей. Религия лишена созерцательных догматов, русские не имеют о том никакого понятия. Все ограничивается почитанием иконы святой и крестным знаменем. Священники не имеют никакого имущества, но пользуются влиянием. Народ их чтит, общество их презирает. Им целуют руку, но сажают за стол в людских. Нужно исключать тех, которые занимают первые места. Есть, однако, секта, о которой следует собрать более подробные сведения. Павел их преследовал; это — раскольники».⁸¹

Приведенное свидетельство интересно для нас не по существу. Конечно, Клингер ничего не понимал в делах православной церкви ни XVIII в., ни тем более всех предшествующих эпох, он не имел никаких сведений ни о реформах Никона, ни о тяжелой и яростной борьбе различных общественных слоев допетровской эпохи именно по проблемам догматики, вызывавшей и литературные диспуты с католиками и протестантами, и церковные соборы. Да ему и неоткуда было знать об этом, ибо он вращался в узкой придворной полуиноземной среде, состоявшей преимущественно из иноверцев. Слова Дюмона ценны для нас прежде всего потому, что принадлежат компетентному собеседнику Клингера, сумевшему запечатлеть в немногих словах своего иттимного дневника то, что думал о русской религии Клингер в годы своей творческой лите-

этой статьи от ее главной цели. Попутно укажем здесь на то, что в 1790 г. Клингер женился на Елизавете (Григорьевне) Алексеевой (1769—1847), официальной дочери полковника Алексея, на самом же деле — побочной дочери графа Г. Г. Орлова и сестры графа Ф. Ф. Буксгевдена и, следовательно, принадлежавшей к высшему кругу петербургской знати. Она пережила мужа на 13 лет и умерла в Петербурге, неукошительно выполнив требование покойного мужа — полностью сожгла все оставшиеся от него бумаги. См.: Dalton Hermann. Johannes Muralt. Eine Pädagogen- und Pastorengestalt der Schweiz und Rußlands aus der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1876, S. 205; Кобек Дм. Цесаревич Павел Петрович. Изд. 2-е. СПб., 1883, с. 162. — Круг знакомых Клингера в период его жизни в России до сих пор очерчен плохо его биографами; существует множество данных, вышедших из поля зрения О. Смолян, автора не раз цитированной выше новейшей русской монографии о Клингере, нуждающейся в поправках и дополнениях.

⁸¹ Дневник Этьена Дюмона. — Голос минувшего, 1913, № 3, с. 82—83.

ратурной активности в конце XVIII в. Пытаясь отчетливее понять круг представлений Клингера о русских церковниках этого времени, мы яснее пойдем замысел его повести о Золотом Петухе и, в частности, значение ее подзаголовка.

Заявление же Дюмона о том, что «убеждения Клингера, склонившиеся в пользу французской революции, были очень известны», подтверждается множеством документальных свидетельств. Граф Ланжерон, знавший его еще до восшествия Павла I на престол, например, утверждал, что «генерал-лейтенант Клингер, директор пажеского корпуса <...> отличался опасными принципами для воспитания подданных неограниченной монархии. Он был наглый порицатель правительств и заклятый якобинец».⁸² В начале 1811 г. попечитель Московского учебного округа П. И. Голенищев-Кутузов представил министру просвещения графу Разумовскому клеветнический донос, что «в Дерпте профессеры явно проповедуют безбожие и пока Клингер будет там попечителем, не будет никакой доверенности к университету, ибо Клингера вся Лифляндия ненавидит яко человека дурных правил, злобного и безбожного».⁸³ В том же духе были написаны «всеподданнейшие письма» М. Л. Магницкого, этого «неутомимого поборника обскурантизма и ревностного гонителя всякой свободы мысли и слова в нашем отечестве», как его справедливо характеризует его биограф Е. Феокистов. Магницкий оценил Клингера — уже после его смерти — в своих мемуарах как «одного из важнейших и самых известных безбожностью своих сочинений умов, вроде Вольтера».

6

Знал ли Пушкин действительно произведения Ф. М. Клингера? Этот вопрос интересовал многих исследователей, хотя большинство из них считало его бесспорным. Гл. Глебов еще в 1933 г. в упоминавшейся выше статье писал: «Трудно допустить, что Пушкин не знал этого выдающегося писателя, жившего в России с 1770 г. (следовало сказать: с 1780 г., — М. А.) по 1831 г.»⁸⁴ — и напоминает, что у нас хорошо знали его «Фауста». О нем пишет, например, А. О. Смирнова.⁸⁵ Добавим, что экземпляр этого романа Клингера сохранился в библиотеке П. Я. Чаадаева⁸⁶ и что его высоко ценил Н. М. Языков.⁸⁷ Д. Герхардт в указанной статье полагает, что «История о Золотом Петухе» была известна Пушкину уже в Лицее, но о личном знакомстве с Клингером одного из лицейских друзей, Кюхельбекера, известно

⁸² Русская старина, 1895, № 4, с. 171.

⁸³ Цит. по кн.: Смолян, с. 34.

⁸⁴ Глебов Гл. Пушкин и Гете. — В кн.: Звенья. М.; Л., 1933, т. II, с. 52.

⁸⁵ Смирнова-Россет А. О. Автобиография. (Неизданные материалы). М., 1931, с. 15.

⁸⁶ См.: Государственная библиотека СССР им. Ленина. М., 1980, с. 72, № 386 (изд.: Klinger Werke. Königsberg, 1819, Bd 3).

⁸⁷ См.: Языковский архив. СПб., 1913, вып. I, с. 373, 493 (письма Н. М. Языкова, 1828 г.).

лишь из альманаха «Мнемозина» (1824), где Кюхельбекер сообщает, что в 1820 г. он привез в Веймар письмо от Клингера к Гете.⁸⁸

О личном знакомстве и встречах с Клингером старших друзей Пушкина существуют многочисленные свидетельства. С Клингером неоднократно встречались Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский и, несомненно, многие другие.⁸⁹ Однако и приведенные данные свидетельствуют о том, что было бы почти невероятно, если бы стало известно, что Пушкин ничего не знал о Клингере и что он не читал ни одного из его произведений. С нашей точки зрения, о непосредственном знакомстве Пушкина с «Историей о Золотом Петухе» Клингера, скорее всего по французскому переводу 1789 г., помимо указанных выше данных наглядно свидетельствует отчетливо запомнившийся поэту образ злоеющей птицы, оставивший след во многих произведениях Пушкина задолго до создания им «Сказки о золотом петушке». Эти реминисценции встречаются в творчестве Пушкина в различные годы в произведениях разных жанров и еще недостаточно проанализированы исследователями. Так, например, с большой дозой вероятности можно предположить, что образ чудовищного петуха inferнального происхождения упомянут в описаниях сна Татьяны в «Евгении Онегине» (в пятой главе, написанной в 1826 г.):

Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой...

В вариантах «Сказки о рыбаке и рыбке» (1831) мы снова находим хотя и не петуха, но злоеющую птицу мифологического происхождения, притом находится она в том же положении, что и золотой петушок: когда старик возвращается к своей старухе, пожелавшей быть «римскою папой», он застает ее в непривычном виде, предвещающем конечную катастрофу ее дерзостных требований:

Перед ним вавилонская башня
На самой на верхней на макушке
Сидит его старая старуха.
На старухе *сорочинская* шапка
На шапке венец латынский

⁸⁸ См.: Кюхельбекер В. Путешествия. Дневники. Статьи. Л., 1979, с. 27 и 655.

⁸⁹ Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву 27 июня 1816 г. о встрече с Клингером в Павловске: «Тут мы сошлись с Клингером. Он расспрашивал о тебе». В другом письме к Дмитриеву Карамзин писал: «Отныне кураторами будут люди известного благочестия. Клингер уволен: мне сказывали, что он считается вольномыслящим. Не мудро, если в наше время умножится число лицемеров» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 190, 204). Весьма расположен был к Клингеру В. А. Жуковский, бывавший у него дома в 1820-х гг. и находившийся с ним в переписке. См.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 190; Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872, с. 105; Остафьевский архив, СПб., 1899, т. I, с. 123, 128 (переписка о Клингере П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1818 г.); Веселовский А. Н. В. А. Жуковский и А. И. Тургенев в литературных кружках Дрездена 1826—1829 гг. — Журнал Министерства народного просвещения, 1905, № 5, с. 169—180, и др.

На венце тонкая <?> спица
На спице Строфилюс <?> птица

(III, 1087—1088)

На такой именно спице изображен петушок на известном рисунке Пушкина — проекте титульного листа к «Сказке о золотом петушке».⁹⁰ Весь этот вариант сказки, посвященный желанию старухи стать «римскою папой», имеет источник в зарубежной книжной или лубочной литературе.⁹¹

⁹⁰ Этот рисунок воспроизводился неоднократно, в последний раз в посмертном издании труда Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина» (М., 1980, с. 111), в котором дается следующее описание этого графического титульного листа: «Голова Дадона и комическая голова скопца, щит с копьём и кольчуга с шлемом, крепость со сторожевой вышкой и корабль на воде, а в центре в большем масштабе — фигура золотого петушка [на спице], объединяющая лист» (с. 110). В изданном Ю. И. Левиной альбоме «Болдинские рисунки Пушкина 1830 г.» (Горький, 1976, с. 30—31) воспроизведены рисунки, изображающие, в частности, кошку и петуха, обычных обитателей деревенского жилища, «сделанные с достоверностью, идущей от живого и непосредственного наблюдения». Однако эти рисунки расположены на той же странице бумаги, где ниже можно прочесть строки стихотворного текста не оконченной Пушкиным «Сказки о медведихе»; имеют ли указанные два рисунка какое-либо отношение друг к другу, неясно; заметим, однако, что рисунки петуха здесь и на проекте титульного листа «Сказки о золотом петушке» очень похожи и сделаны в сходной графической манере.

⁹¹ Об этом подробнее идет речь в статье А. Мазона «Le livre populaire et la tradition populaire d'après un conte en vers de Pouchkine» в книге «Melanges dédiés à la memoire de Prokop M. Haškovec» (Brno, 1936). В этой статье французский ученый высказал правдоподобную гипотезу, что стих о старухе, желающей быть «римскою папой», имеет прямое отношение к преданию о «папессе Иоанне». Эта статья А. Мазона требует особого разбора, так как она также мало известна советским пушкинистам. То обстоятельство, что петух и птица Строфилюс в обеих сказках помещены на спицах, могло быть внушено обычаем помещать петухов на крышах иноземных церквей, что Пушкин мог неоднократно наблюдать и сам. Ср. ст.: Стефанович А. Петух на готическом соборе. — В кн.: Средневековый быт. Л., 1925, с. 273—275. — Что же касается птицы Строфилюса, которую упоминает Пушкин, то она давно объяснена комментаторами. «Голубиная книга» называет ее «всем птицам матери» и дает ей такую характеристику:

Она
Живет посреди моря,
Она ест и пьет на самом море,
Она плод плодит на синем море...

Когда она

.. вострепенется,
Океан море всколыхнется;
Топит она корабли гостиные
Со товарами драгоценны
и т. д.

Ср.: Мочульский М. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887, с. 140 след. Ср. также: Кирпичникова К. К вопросу о птице Страфиль. — Журнал Министерства народного просвещения, 1890, № 7, с. 98—108. — В этой работе помимо указания на греческое название страуса исследователь называет ряд аналогий удивительной птице в ан-

Р. Якобсон в своей книге «Пушкин и его скульптурный миф» сопоставляет «Сказку о золотом петушке» с рядом других произведений поэта, в которых действуют оживающие и мстящие статуи, в частности с «Медным всадником», «Каменным гостем» и др., и в связи с этим довольно подробно анализирует отношение Пушкина к скульптурным памятникам и изображениям.⁹² Все указанные наблюдения и установленные исследователем соотношения между произведениями Пушкина безусловно заслуживают внимания и дальнейшего объяснения. Нам представляется, однако, что в установленный ряд «оживающих и мстящих статуй» наряду с «золотым петушком» может быть включен оживающий расколдованный Петух из повести Клингера: он также мститель, хотя и особого рода. Зловещий и мистический петух, имеющий глубокие корни в мусульманской и древнерусской литературах, был довольно популярным образом в романтических литературах. Люсьенна Портье в своей интересной работе о теме «дикого петуха» у Леопарди привела большое количество цитат о петухе из мировой литературы XIII—XIX вв. — между Данте и Джакомо Леопарди.⁹³ Последний в 1822 г. написал свою «Песнь дикого петуха» («Cantico del gallo silvestre») — нечто вроде стихотворения в прозе. «Песнь» Леопарди, вошедшая позднее в его «Opere morali», начинается следующими строками: «Некоторые древнееврейские ученые и писатели утверждают, что между небом и землей, или лучше сказать наполовину там, наполовину здесь, живет некий дикий петух; ногами он стоит на земле, гребешком же и клювом касается неба. Этот гигантский петух помимо различных особенностей, о которых можно прочесть у вышеназванных авторов, владеет разумом, или, может быть, как попугай, был выучен неизвестно кем говорить словами наподобие людей. Так как найден древний пергамент (написанный еврейским алфавитом на языке не то халдейском, не то арамейском), в котором приводится „Утренняя песнь дикого петуха“, то я, не без больших затруднений, с помощью многих еврейских раввинов, каббалистов, теологов, юриконсультов и философов пришел, наконец, к пониманию манускрипта и перевел его на итальянский разговорный язык». Далее Леопарди приводит самую «Песнь», которая начинается следующими «человеческими» словами петуха: «Смертные, проснитесь! День рождается вновь. Правда возвращается на землю, исчезают образы суетности. Встаньте! Возьмите заново бремя жизни!..». Так взывает к людям гигантский петух, обращающийся к солнцу, к его всепроникающим лучам, которые не дают счастья людям. «Проснитесь, пока вы живы! — кричит петух людям. — Ведь наступит день, когда солнца не станет, и покой и тишина засвидетельствуют всеобщую смерть и ги-

тичной и средневековых литературах Европы и Азии. Вещный характер названной Пушкиным птицы был для него несомненно вполне ясен и бесспорен.

⁹² См.: Jacobson R. Puškin and his sculptural myth. The Hague; Paris, 1975, p. 9—10.

⁹³ См.: Portier L. Le thème du Coq sauvage et son aboutissement à Leopardi. — Cahiers algériens de littérature comparée, 1967, N 2, p. 102—120. — Источником «Песни дикого петуха» Леопарди, как установила Л. Портье (p. 115), была книга: Buxtorff Joh. Lexicon haldaicum, talmudicum et rabbinicum (1639).

бель».⁹⁴ Это произведение итальянского поэта-пессимиста становится аналогией стихотворений современных ему поэтов — английского (Байрон, «Тьма») и русского (Баратынский, «Последний поэт»). Об этом стихотворении в прозе Leopardi не раз упоминали в западноевропейской прессе, и, может быть, о нем знал и Пушкин, хотя оно было ему чуждо по своей философской направленности; зато образ гигантского дикого петуха, обладающего человеческой речью и пророческим даром, запоминался, сливаясь с образами других петухов в мировой литературе.

О возможном внимании Пушкина к изображенному Клинггером Петуху как к пародическому символу династии в добавление к сказанному выше следует заметить: удержанию этого образа в творческой памяти поэта могло содействовать и то, что «Галльский петух» (*Coq gaulois* или просто *Coq*) был одной из национальных эмблем революционной Франции, о чем Пушкин не мог не знать.⁹⁵ Не меньший интерес для него мог иметь и титул «принца рогоносцев», который носит Петух у Клингера. Очень вероятно, что «Историю о Золотом Петухе» Пушкин знал от Александра Раевского, не только поощрявшего в поэте богохульство, к которому оба были склонны, в период их близости в Каменке, Кишиневе и Одессе, но и бывшего его «демоном» и предателем и искусно, со злостью создававшего такие ситуации в их отношениях с замужними женщинами, когда они становились соперниками в наставлении рогов мужьям этих женщин (вспомним хотя бы К. А. Собаньскую или Е. К. Воронцову).⁹⁶ Слово «сосу» было у Раевского и Пушкина популярным и безусловно являлось предметом обсуждения, горечи и душевных мучений. Трудно отделаться от вызывающего очень горестное чувство подозрения, что клингеровской пародией воспользовались анонимные издатели грязного и подлого подметного пасквиля, несколько экземпляров которого Пушкин получил в ноябре 1836 г. Оно написано по-французски и даже по стилю напоминает признания «принца рогоносцев» у Клингера.⁹⁷ Неужели Пушкину пришлось опять невольно вспомнить «Историю о Золотом Петухе» накануне своей трагической гибели?

⁹⁴ *Opere di Giacomo Leopardi. Firenze, 1889, vol. II, p. 20—25* (цикл «Opere morali»).

⁹⁵ Петух изображался на знаменах восставших во время французской революции 1789 г. Во время июльской революции 1830 г. петух появился вновь в качестве эмблемы на знаменах нации, где он заменил прежнюю королевскую лилию (*fleur de lis*) и где сохранялся до 1852 г., замененный затем гербом с императорским орлом. См.: *Lagousse P. Grand dictionnaire universel, t. 5, p. 75*. — В этом же справочнике (р. 77) дается подробный перечень гербов французских городов и территорий, а также медалей, на которых часто изображен золотой петух на лазоревом поле.

⁹⁶ См.: Лакшин В. «Спутник странный». (Александр Раевский в судьбе Пушкина и роман «Евгений Онегин»). — В кн.: Лакшин В. Биография книги. Статьи, исследования, эссе. М., 1979, с. 72—223. — Напомним также, что строки о «рогоносце величавом» из XII строфы первой главы «Евгения Онегина» имеют в виду одного из владельцев Каменки — А. Л. Давыдова. См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 118.

⁹⁷ Французский текст пасквиля см. в кн.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.; Л., 1928, с. 436—437.

III. ЗАМЕТКИ

К ИСТОРИИ РЕМАРКИ «НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ» В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»

В сложной творческой истории пушкинской трагедии «Борис Годунов» ремарка «Народ безмолвствует» занимает особое место. Напомним, что оба сохранившихся до нашего времени автографа трагедии завершаются не этой канонической ремаркой, а возгласом народа: «Да здравствует царь Дмитрий Иванович!». Ремарка появилась лишь в первом издании «Бориса Годунова» на рубеже 1830—1831 гг. Соотношениям обоих рукописных и первого печатного текста посвящены многочисленные комментарии, из которых работы Г. О. Винокура и М. П. Алексеева являются самыми полными.¹ Историю ремарки затрагивают многие литературоведческие и исторические исследования, посвященные творчеству Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина; в них прослежены глубокие внутренние связи между «Историей государства Российского» и трагедией «Борис Годунов».²

Для большинства писавших на эту тему история ремарки является одним из важных моментов исследования: ведь выражение «народ безмолвствует» встречается в карамзинской «Истории» несколько раз, где повествуется о главнейших, переломных моментах русской истории. Народ безмолвствует у историографа при крещении Руси и свержении языческих идолов (X в.), при снятии вечевого колокола во вчерашнем Новгороде (XV в.), в «смутное время», когда Лжедмитрий I посылает на казнь Василия Шуйского (XVII в.). С постоянством формулы знаменитая фраза переходит у Карамзина из тома в том, появляется в разных контекстах и постепенно начинает ощущаться носителем основного смысла, квинтэссенцией истории русского средневековья.

Именно это свойство делает ремарку «Народ безмолвствует» абсолютно необходимой и в пушкинском тексте. А ее значимость можно считать одной из главных причин тех общеизвестных трудностей, которые преследуют пуб-

¹ См. комментарий Г. О. Винокура к «Борису Годунову» в кн.: Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII. Изд. АН СССР (1935) (первоначальный комментированный вариант тома); Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 208—239.

² Из работ последних лет назовем: Вацуро В. Э. Подвиг честного человека. — В кн.: Прометей, М., 1968, т. 5, с. 8—51; Лузянина Л. Н. Об особенностях изображения народа в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. — В кн.: Русская литература XIX—XX вв. Л., 1971, с. 3—17.

ликаторов «Бориса Годунова». Если текст первого издания считать основным и каноническим, то нужно отказаться от народных сцен, исключенных Пушкиным при публикации трагедии. Если же печатать «Бориса Годунова» по одному из автографов, то придется завершить текст не ремаркой, а выражением народного восторга по поводу воцарения Лжедмитрия.

Эта трудность обычно преодолевается просто: контаминация всех трех текстов дает четвертый, включающий и народные сцены, и ремарку.³ Традиционна и аргументация такого соединения: Пушкин, стесненный условиями цензуры, исключает народные сцены и жалеет об этом в письме к Вяземскому (XIV, 139). Иное решение проблемы мы находим в статье чешского исследователя В. Сватона «Заключительная сцена в „Борисе Годунове“ Пушкина».⁴ Для нас важно одно его наблюдение: текст трагедии корректируется Пушкиным не только по внешним причинам (отношения с правительством, цензура и т. д.), но и по причинам внутренним, важным для самого автора. Время между 1825 и 1830 гг. существенно меняет представление Пушкина и о русской истории, и о роли в ней народных масс.

Мы не пойдем за Сватонем в его исследовании концепции народа у Пушкина в последекабрьский период. Это предмет отдельной работы. Для нас важна только догадка о том, что сама жизнь, само течение времени заставляли Пушкина переделывать трагедию, в частности переосмысливать ее концовку.

Один из примеров тому лежит буквально на поверхности. В 1829 г. осенью выходит в свет роман Ф. Булгарина «Дмитрий Самозванец», в котором Пушкин не без оснований усматривает прямые заимствования из своего «Бориса Годунова», к тому времени еще не опубликованного.⁵ Последовал резкий обмен мнениями между Пушкиным и Булгариным. Ярость Пушкина, кроме всего прочего, была вызвана и тем, что теперь при публикации «Бориса Годунова» он неизбежно должен был считаться с булгаринским текстом, напечатанным раньше. К судьбе заключительной сцены трагедии это относится прямо и непосредственно. Дело в том, что Булгарин в своем романе дважды заставляет народ кричать: «Да здравствует царь Дмитрий Иванович!» — один раз на площади, другой раз в корчме.⁶

³ Так печатают «Бориса Годунова» в академическом собрании сочинений Пушкина и вслед за ним — во многих других изданиях.

⁴ Svaton Vladimir. Заклучительная сцена в «Борисе Годунове» Пушкина. — *Ceskoslovenska rusistika*, XIII (1968), I (*Ustav jazyku a literatur Ceskoslovenske akademie ved v Praze*), s. 58—70.

⁵ О взаимоотношениях Пушкина и Булгарина времен выхода в свет романа «Дмитрий Самозванец» см., например, ст.: Г о з е н п у д А. А. Из истории литературно-общественной борьбы 20—30-х годов XIX века («Борис Годунов» и «Дмитрий Самозванец»). — В кн.: Пушкин. Материалы и исследования. Л., 1969, т. VI.

⁶ Булгарин Ф. Полн. собр. соч. в 7 т. СПб., 1842, т. 2, с. 279, 281. — Конечно, счеты с Булгариным не стоит преувеличивать. В ряду причин, приведших к изменению концовки «Бориса Годунова», «Дмитрий Самозванец» занимает третьестепенное место. Вспомним хотя бы пушкинское письмо к Плетневу о разрешении печатать трагедию, где автор подчеркивает, что неприлично ему, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», считаться с каким-то Булгариным (XIV, 89).

Неизмеримо важнее и значительнее влияние Карамзина на изменение концовки трагедии.

Пушкин завершает свою трагедию осенью 1825 г. К этому времени одиннадцать томов «Истории государства Российского» прочитаны им тщательно и, по-видимому, не однажды. Значит, карамзинский рефрен «народ безмолвствует», идущий у историографа через все века и томы, Пушкину хорошо известен. А на концовке трагедии тогда это никак не отражается. Почему?

По многим причинам, к которым, нам кажется, относится и та, что, живя в Михайловском, Пушкин еще не знает, какой смысл вкладывает Карамзин в рефрен о народном безмолвии. А пять лет спустя, в 1830 г., Пушкин это, несомненно, знает.

Весной 1829 г. выходит из печати не законченный Карамзиным XII том «Истории государства Российского». Именно в нем Карамзин дает свое истолкование безмолвия народного. Под 1606 г. историограф рассказывает о крахе Лжедмитрия и о воцарении Василия Шуйского. О самосознании нового царя Карамзин судит так:

«Василий как опытный наблюдатель тридцатилетнего гнусного тиранства не хотел ужасом произвести безмолвие, которое бывает знаком тайной, всегда опасной ненависти к жестоким властителям».⁷

Важность суждения Карамзина очевидна.

Прежде всего оно доказывает, что историк вовсе не толкует безмолвие как знак народной покорности, смирения и непротивления. Как видим, значение формулы совершенно иное. Народное безмолвие становится характерным признаком тридцатилетнего тиранства и, следовательно, захватывает годы правления Ивана Грозного. Нетрудно догадаться, что словосочетание «народ безмолвствует» и в предшествующих томах «Истории государства Российского» нередко наполнено тем же смыслом — это знак «тайной, всегда опасной ненависти к жестоким властителям».

Можно предположить, что именно Пушкин первым догадался о том, что Карамзин подошел к материалу русской истории с нравственными представлениями, и в этом поэт увидел знаменитый «подвиг честного человека». Объясняя народное безмолвие как угрозу тирану, Карамзин несомненно находился в русле своих этических критериев.

Не только своих, но и пушкинских, добавим мы. Ведь большинство современных комментаторов Пушкина толкует заключительную ремарку «Бориса Годунова» примерно в таких же выражениях: молчание народа как угроза тиранической власти. Такое толкование пушкинской ремарки надо признать бесспорным. Важно только подчеркнуть, что Пушкин наполняет ремарку этим значением вовсе не в полемике с Карамзиным, а в согласии с ним.

Если принять, что Пушкин изменяет конец трагедии под влиянием посмертного карамзинского тома или в прямой связи с ним, то можно заново поставить старую проблему: как, когда, при каких обстоятельствах Пушкин вводит в текст «Бориса Годунова» заключительную ремарку?

⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского, СПб., 1829, т. XII, с. 8—9.

Еще за год до своего приезда в Петербург, т. е. в июле 1826 г., Пушкин знает о существовании неопубликованного XII тома «Истории». Вот что он пишет Вяземскому из Михайловского: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество вправе от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том Русской Истории <...>» (XIII, 286).

Предельно поздняя дата знакомства поэта с XII томом — 1829 год; весною он выходит из печати. Нетрудно предположить и более раннее чтение автографа: привилегия людей, близких семье Карамзина. Вот строки письма Е. А. Карамзиной, адресованные А. И. Тургеневу в апреле 1830 г. из Петербурга в Париж: «Мы провели лето в Ревеле. Там я ждала ответа на мое письмо и на выписку, которую я Вам сделала через Жуковского из 12 тома; увы, год прошел, но я не имею ни одного слова».⁸

2 июня А. И. Тургенев из Парижа пишет Вяземскому об Иване Киреевском, которого ждут за границей: «Я прочту ему и переписку нашу о двенадцатом томе „Истории Государства Российского“, которой сообщить не могу».⁹

Таким образом, братья Тургеневы, будучи за границей, знают и обсуждают карамзинское сочинение до его выхода в свет. Может ли Пушкин его не знать, живя в 1827—1828 гг. в Петербурге? Вряд ли.

Условимся о самой широкой хронологической рамке — Пушкин читает незаконченный том Карамзина между 1827 и 1829 гг.

Теперь нам предстоит соотнести это чтение с работой над рукописью «Бориса Годунова».

Известно, что, покидая Петербург для Москвы и Кавказа в марте 1829 г., Пушкин оставляет друзьям — Плетневу и Жуковскому — экземпляр своей трагедии. Он надеется, что через Бенкендорфа рукопись попадет к царю, будет одобрена и тогда можно будет начать ее печатание. Детали борьбы Пушкина за издание «Бориса Годунова» хорошо известны, не стоит их повторять; для нас существенно только то, что в автографе, оставленном весной 1829 г. в Петербурге, трагедия завершается не ремаркой, а по-старому: «Да здравствует царь Дмитрий Иванович!». Это означает, что чтение XII тома Карамзина пока не оставило следов в тексте трагедии. Тут нет ничего удивительного. Было бы наивным думать, что Пушкин, наткнувшись у историкографа на объяснение народного безмолвия, немедленно берет за перо, чтобы переделать концовку трагедии. Ибо действиями Пушкина движет здесь не простая последовательность внешних событий, а сложная внутренняя логика совершенствования вещи, написанной три года назад.¹⁰

В дорожной коляске и на кавказских военных биваках Пушкин вряд ли поправлял свою трагедию. Нет даже полной уверенности в том, что рукопись «Бориса Годунова» сопровождала его в путешествии, хотя, конечно, глубокая умственная работа, приведшая в конце концов к новому завершению трагедии, не прерывается и здесь.

⁸ Остафьевский архив, т. 3, с. 195 (подлинник по-французски).

⁹ Там же, т. 4, с. 203.

¹⁰ Заметим попутно, что мотив перемены концовки, связанный с «Дмитрием Самозванцем», еще впереди: Пушкин пока не читал романа Булгарина.

В ноябре 1829 г. поэт возвращается в Петербург и вновь приобщается к литературной жизни столицы. Из Петербурга он уезжал более полугода назад, в марте. А карамзинский XII том появился в петербургских книжных лавках чуть позже — в апреле. Из Москвы на Кавказ поэт уехал 2 мая, а посмертный том Карамзина поступил в книжные лавки старой столицы несколько дней спустя: 11 мая «Московские ведомости» анонсировали полученный с последней почтой из Санкт-Петербурга XII том «Истории государства Российского», соч. Н. Карамзина, ценою 15 рублей в лучшем переплете.¹¹ Значит, в своем путешествии Пушкин все время обгоняет книгу и скорее всего приобретает ее уже по возвращении.

Само сочинение для него, по-видимому, не новинка. Новинка для него книга, издание. Оно же — повод еще раз обратиться к тексту, хотя бы перелистать том. Уже сама возможность обращения Пушкина к XII тому Карамзина — хотя бы и по такому поводу — должна быть отмечена.

Но на рубеже 1829 и 1830 гг. у Пушкина была и более серьезная надобность в XII томе.

В конце 1829 г. выходит из печати первый том «Истории русского народа» Полевого; вокруг него немедленно разгорается острая литературная полемика. «Сатурналы нашей литературы, — пишет Вяземский Пушкину 2 января 1830 г., — дошли до того, что нельзя, по крайней мере отрицательно, если не действительно, не протестовать против этих исступлений бесчинства. Читал ли ты предисловие Полевого к Истории: „Когда же думал историк?“ — говорит он о Карамзине, и в чем же находит он свидетельства недумания? В том, что первые четыре главы 12-го тома были уже переписаны, а 5-ая глава еще не дописана. Во-первых, вся жизнь Карамзина была обдуманием истории его, он не выкидывал, как Полевой, он рожал после беременности здоровой, исполнившей законный срок свой; во-вторых, если переписка начисто отрывков отдельных до написания тома целого и есть свидетельство чего-то такого, которого не понимаю, то и тут есть другое объяснение: Карамзин давал обыкновенно государю, цензору своему, тетради на дорогу, потому что в дороге он имел более свободного времени, и эти четыре главы были переписаны к отъезду в Таганрог. Сделай милость, сообщив эти замечания в редакцию „Литературной Газеты“» (XIV, 55).

Пушкин выполняет просьбу.

В «Литературной газете» от 16 января 1830 г. появляется его рецензия на первый том «Истории русского народа» Полевого. Свою статью Пушкин заключает несколькими переработанными соображениями из письма Вяземского:

«Г-н Полевой замечает, что 5-я глава XII-го тома была еще не дописана Карамзиным, а начало ее вместе с первыми четырьмя главами было уже переписано и готово к печати, и делает вопрос: „Когда же думал историк?“.

На сие отвечаем:

Когда первые труды Карамзина были с жадностью принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание. Вероятно, что XII том не

¹¹ См.: Московские ведомости, 1829, № 38, 11 мая, с. 1783—1784.

был им еще начат, а уже историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его мысль» (XI, 121).

Внимательное сличение письма Вяземского и рецензии Пушкина убеждает, что поэт здесь не просто пересказывает своего друга. Маленькое, но очень важное для нас различие: Вяземский говорит о четырех главах XII тома, переписанных для Александра I, а Пушкин отмечает, что начало пятой главы было переписано для государя вместе с четырьмя предыдущими. Точно так же история этой рукописи изложена в печатном предисловии «От издателей» к XII тому «Истории государства Российского»: «Первые четыре главы, даже и начало пятой, за исключением лишь немногих последних страниц, были еще при жизни Автора переписаны набело, пересмотрены им и приготовлены к печати. По странному, достойному замечанию стечению обстоятельств, сие последнее произведение Карамзина было, как можно полагать, последним чтением императора Александра: манускрипт оного, присланный из Таганрога после кончины сего государя, возвращен покойному Историографу в то время, когда он сам быстро склонился к гробу».¹²

Пушкин либо помнит, что Карамзин переписал набело и начало пятой главы, либо (это вероятнее) сверяется с предисловием «От издателей», т. е. обращается к недавно вышедшему тому. Да и вся вторая половина его рецензии, написанной в защиту Карамзина, предполагает простую рабочую необходимость снять с книжной полки тома «Истории государства Российского» — двенадцатый прежде всего.¹³

Неизвестно, останавливался ли взгляд Пушкина именно на той странице, где Карамзин объясняет смысл народного безмолвия. Пока важнее общее соображение: в начале 1830 г. сознание Пушкина захвачено историей «смутного времени». Его размышления по необходимости должны быть продолжением мыслей, связанных с «Борисом Годуновым», — ведь трагедия как раз и посвящена «настоящей беде Московскому государству».

И вот тут-то происходит именно то, что лучше всего характеризуется словами из предисловия к XII тому — «странное, достойное замечание стечение обстоятельств». 21 января Бенкендорф адресует Пушкину письмо: «Возвращая при сем два рукописные экземпляра Комедии Вашей о царе Борисе, покорнейше прошу Вас, м. г., переменить в оной еще некоторые, слишком тривиальные места; тогда я вменю себе в приятнейшую обязанность снова представить сие стихотворение государю императору» (XIV, 59).

Необходимость поправок к трагедии точно приходится на время, когда мысли Пушкина заняты Карамзиным, и прежде всего его XII томом. Такое переплетение обстоятельств и дает случай для внесения поправок, в том числе и финальной ремарки. Разумеется, нам не удастся назвать день и час, когда Пушкин зачеркнул здравницу Самозванцу и поставил в ру-

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского, с. VI.

¹³ Напомним, что конец 1829—начало 1830 г. — разгар литературной полемики вокруг романов М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» и Ф. В. Булгарина «Дмитрий Самозванец», в которой Пушкин принял участие, а это еще один повод обратиться к сочинению Карамзина.

кописи грозное карамзинское «Народ безмолвствует». Но у нас, по-видимому, достаточно оснований, чтобы предположить: эта поправка сделана не ранее первых месяцев, а может быть, и недель 1830 г.

Дальнейшее известно. В апреле 1830 г. Пушкин получит разрешение печатать «Бориса Годунова» в его «первобытной красоте» и «под свою ответственность». В июле он направит своему издателю Плетневу правленный экземпляр — итог пятилетних раздумий и переживаний.

Карамзин включен в них накрепко.

«Борис Годунов» первым своим изданием выходит с посвящением: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд гением его вдохновенный с благоговением и благодарностию посвящает А. Пушкин».

Только теперь трагедия завершена. И один из признаков этой завершенности — дань Карамзину; его именем в посвящении трагедия открывается, его философической ремаркой «Народ безмолвствует» она заканчивается.

В. С. Листов, Н. А. Тархова

КОГДА ПУШКИН УНИЧТОЖИЛ СВОИ ЗАПИСКИ?

Приступая к работе над записками в 1833 г., Пушкин писал: «В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я был вынужден сжечь сии записки. Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства» (XII, 310).

Б. В. Томашевский подверг сомнению одну из дат, засвидетельствованных Пушкиным. В комментариях к десятитомному академическому изданию указывается, что записки Пушкин уничтожил в 1826 г.

Обоснования датировки в комментарии нет.¹ И. Л. Фейнберг, полемизируя с Томашевским, связывает указание на 1826 г. со свидетельством П. В. Нащокина, который рассказывал П. И. Бартеневу об обстоятельствах возвращения Пушкина из ссылки следующее: «Послан был нарочный сперва к псковскому губернатору с приказом отпустить Пушкина. С письмом губернатора этот нарочный прискакал к Пушкину. Он в это время сидел перед печкою, подбрасывал дров, грелся. Ему сказывают о приезде фельдъегеря. Встревоженный этим и никак не ожидавший чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь: тут погибли его записки (см. XI т.) и некоторые стихотворные пьесы, между прочим, стихотворение „Пророк“, где предсказывались совершившиеся уже события 14 декабря».²

¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. М.; Л., 1956, т. VIII, с. 76.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 187. — В тексте приводится указание на т. XI так называемого посмертного изда-

Однако со слов М. И. Осиповой, младшей дочери владелицы Тригорского, известно, что в момент приезда фельдгегера Пушкин находился в Тригорском. На этом основании Фейнберг делает вывод, что Пушкин «не мог, услышав о приезде фельдгегера, „тотчас схватить свои бумаги и бросить их в печь“».³ Сам Фейнберг считает свидетельство Пушкина о 1825 г. надежным. Но можно ли доверять, казалось бы, четко сформулированному свидетельству самого поэта? Мы знаем немало случаев, когда Пушкин, печатая какое-либо стихотворение, нарочито (по политическим или личным мотивам) изменял его дату. Кто же прав, Фейнберг или Томашевский?

Косвенные свидетельства в пользу 1826 г. можно найти в переписке Пушкина. Уже узнав об «открытии несчастного заговора», Пушкин надеется на освобождение из ссылки, 14 декабря для него связывается не только с восстанием, но и с переменой царствования. Александр I его сослал, а новый царь может освободить. Все январские и февральские письма к друзьям наполнены надеждами на освобождение. Это не случайные, необоснованные, наивные надежды. Известно, что сами декабристы поверили лживым либеральным обещаниям Николая; и в личных «беседах» с царем во время следствия, и в письмах из крепости они считали возможной и плодотворной критику существующих порядков и предлагали свои проекты преобразования экономической и политической жизни России. Слухи о допросах и письмах к царю доходили, несомненно, и в Михайловское. Из Михайловского в Петербург шли письма по оказии — с вопросами об осужденных, об их положении и судьбах. Из Петербурга шли, также по оказии, ответы, и ответы часто обнадеживающие. В 20-х числах января 1826 г. Пушкин спрашивает Дельвига и Жуковского о судьбе братьев Раевских; отвечает ему Дельвиг в начале февраля. «Милый мой Пушкин, — пишет он, — до тебя дошли ложные слухи о Раевском. Правда, они оба в Петербурге, но на совершенной свободе. Государь говорил с ними, уверился в их невинности и, говорят, пожал им руку и поцеловал их» (XIII, 260).

Что же именно пишет Пушкин о себе в эти месяцы? Вот отрывки из его писем:

Вторая половина января (не позднее 25-го). П. А. Плетневу: «Верно, вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую. Кстати: не может ли Жуковский узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я 6 лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки не-религиозные — других художеств за собою не знаю» (XIII, 256).

20-е числа января. Дельвигу: «Вы обо мне беспокоитесь и напрасно. Я человек мирный» (XIII, 256).

ния сочинений Пушкина (СПб., 1841), где имеется раздел «Отрывки из записок Пушкина». См. об этом в нашей статье: Незавершенный замысел Пушкина. — Русская литература, 1981, № 1, с. 123—136.

³ Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 7-е. М., 1979, с. 191.

Тогда же. Жуковскому: «Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел — но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем?». Правда, в этом письме Пушкин пишет слова, которые часто цитируют (цитирует их и Фейнберг для подтверждения своей датировки): «Все-таки я от жандарма еще не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных». Но дальше, из следующих строк, видно, что он вполне спокоен за свою судьбу и, заключая мир с правительством, намерен даже диктовать условия: «Теперь, положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, я с ним готов уговариваться (буде условия необходимы)...» (XIII, 257). Таким образом, беседы на политические темы, даже с заговорщиками, Пушкин не считает основанием ни для ареста, ни даже для подозрений. Именно поэтому боязнь «замешать многих», как пишет он, объясняя обстоятельства, вынудившие его сжечь записки, еще не могла его тревожить.

Начало февраля. Дельвигу: «...никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив <...> я желал бы *вполне* и *искренно* помириться с правительством, и, конечно, это ни от кого, кроме его, не зависит» (XIII, 259).

20 февраля. Дельвигу: «Мне сказали, что 20, т. е. сегодня, участь их должна решиться — сердце не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую» (XIII, 246).

3 марта. Плетневу: «...пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское» (XIII, 265).

Наконец, 7 марта Пушкин посылает Жуковскому письмо «в треугольной шляпе и в башмаках» (XIII, 266), т. е. написанное специально для показа царю, в котором излагает историю своей опалы и пишет, что «вступление на престол государя Николая Павловича» подает ему «радостную надежду» (XIII, 265). И только в середине апреля, получив ответ от Жуковского, он впервые сознает опасность своего положения. Жуковский пишет: «Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством»; и дальше: «Наши отроки <...> познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать» (XIII, 271).

Вполне возможно, что так оно и было — после письма Жуковского Пушкин начал «трепетать», стал всерьез опасаться если не ареста, то вызова в Петербург.

1 июня был подписан манифест об учреждении Верховного уголовного суда над декабристами, 9 июля суд закончил свою работу. 13 июля состоялась казнь, потрясая всю Россию. После казни стало ясно, что милости к осужденным не будет. В августе стали распространяться слухи, что по требованию русского правительства Англия выдала Николая Тургенева (он уехал в Англию в 1824 г.) и что его везут в Петербург, т. е. Пушкин осознал, что, хотя суд совершился, правительство не успокоилось и преследование причастных к делу 14 декабря может быть продолжено. Первое

упоминание о сожженных записках («Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешло их тебе, только для тебя») содержится в том же письме к Вяземскому от 14 августа, где задан вопрос: «Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург?» (XIII, 291).

Какие «листы» имел в виду Пушкин, мы знаем из сообщения его сестры. 31 июля, посылая Пушкину свое стихотворение «Море», Вяземский пишет: «Сестра твоя сказывала, что ты хотел прислать мне извлечения из записок своих относительно до Карамзина» (XIII, 289). Это известие Ольга Сергеевна получила, очевидно, в письме Пушкина, которое до нас не дошло (она отвечает на него в приписке к тому же письму Вяземского от 31 июля). Таким образом, в июле «листы» о Карамзине называются еще «извлечениями», а не остатками записок. Очевидно, что, уничтожая записки, Пушкин оставил отрывок о Карамзине потому, что в этот момент видел ему конкретное применение. Сама мысль о таком конкретном применении могла появиться только после смерти Карамзина. Карамзин умер 22 мая 1826 г. 10 июля, отвечая Вяземскому на письмо, в котором тот упрекал Пушкина в сочинении эпиграмм на Карамзина, Пушкин пишет: «Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том Русской истории; Карамзин принадлежит истории» (XIII, 286). И через месяц обещает переслать ему «листы» о Карамзине и пишет, что из своих записок сохранил только их.

В письме к Вяземскому от 10 июля обращают на себя внимание слова: «Карамзин принадлежит истории». Они сочетаются с процитированным выше позднейшим замечанием Пушкина о своих записках: «Я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства». Именно после восстания на Сенатской площади дружеские связи Пушкина стали историческими, а люди, о которых он писал, стали «принадлежать истории» — и сознание этого пришло к Пушкину в Михайловском, когда он решил судьбу своего многолетнего труда.

Без дружеских связей, т. е. без «исторических лиц», «биография» казалась ему немислимой.

В черновых тетрадях Пушкина нет никаких следов записок⁴ — это значит, что он не только уничтожил «опасные» места, но и отказался от замысла записок вообще, иначе нельзя объяснить, почему не сохранились беловые или черновые наброски, связанные с его родословной, с детством, с лицеем. Ведь даже встречу с Державиным мы знаем только по позднейшей, 1835 г., записи.

Мысль сохранить отрывок о Карамзине пришла Пушкину только после смерти писателя. Это значит, что в это время записки (или их часть) еще не были уничтожены. Следует отметить, что именно на сохранных листах о Карамзине упоминаются декабристы Никита Муравьев и Михаил Орлов. В рукописи, как и в «Северных цветах» на 1827 г., где часть этих «листов» была напечатана, эти имена обозначены только инициалами.

Тетради Пушкина свидетельствуют о том, как тщательно он чистил свой архив. Для того чтобы разобрать архив и не выплеснуть вместе

⁴ Отрывок «Вышел из лицез» сохранился, по-видимому, случайно, т. е. был записан на отдельном листе бумаги.

с записками и черновиками «криминальных» писем отрывки и черновики произведений, которые были еще в работе, требовалось время. Возможно, что, начав эту работу во второй половине апреля (после получения письма от Жуковского), Пушкин продолжал ее не торопясь (ведь некоторые черновые записки на оборотах необходимо было сохранить, т. е. переписать их заново). Уничтожение черновигов записок — процесс медленный. А вот уничтожить текст, перебеленный в особую тетрадку, можно сразу, мгновенно, поддавшись отчаянию, слабости, предчувствию. Такая «минута» пришла, судя по письму Пушкина к Вяземскому, когда он получил тревожное известие о Николае Тургеневе.

Таким образом, нам представляется, что уничтожал Пушкин свои записки в период со второй половины апреля, т. е. после получения письма от Жуковского, до середины августа 1826 г.

В цитированном «Начале автобиографии» Пушкина 1825 г. появился не как дата, когда записки были действительно уничтожены, а как свидетельство связи действий поэта (уничтожения записок) с декабрьским восстанием.

И тем не менее нельзя совсем сбрасывать со счета свидетельство П. В. Нащокина. Нащокин, близкий друг Пушкина, свято чтивший его память, мог что-то перепутать, но не выдумать. Когда Пушкин 3 сентября поздно вечером вернулся из Тригорского в Михайловское, где его ждал фельдъегерь, какую-то рукопись он, по-видимому, успел бросить в топившуюся печь. Скорее всего это была черновая тетрадь, которую Пушкин еще не успел «обработать». И, может быть, не случайно Нащокин пишет, что вместе с записками погибли и «некоторые стихотворные пьесы поэта»⁵

Я. Л. Левкович

ОБ ОДНОМ РЕДАКТОРСКОМ ЗАГЛАВИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПУШКИНА

Известно, что некоторые произведения Пушкина появились в печати с заголовками, самому писателю не принадлежавшими. Еще при его жизни, в 1834 г., вышла в свет «История пугачевского бунта», названная так царем (у Пушкина: «История Пугачева»). После смерти поэта по цензурным же причинам В. А. Жуковский вынужден был изменить заглавия еще двух пушкинских произведений; так впоследствии и печатались «История села Горохина» и «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде», с соответствующими конъектурами в самих текстах. По недосмотру первых публикаторов, неточно прочитавших имя пушкинского героя, под заглавием «Галуб» (в тексте: Гасуб) печаталась последняя кавказская поэма

⁵ Здесь мы согласны с мнением С. А. Фомичева, предположившего существование не известной нам и, по-видимому, уничтоженной в Михайловском тетради, где были черновики «Бориса Годунова» и других произведений, написанных в Михайловском.

Пушкина, которая в современных изданиях называется «Тазит». Упомянем в этой связи и неоконченное публицистическое произведение, известное дореволюционному читателю под заголовком «Мысли на дороге», в современных же изданиях получившее новое редакторское название — «Путешествие из Москвы в Петербург».

Казалось бы, в настоящее время восстановлены все подлинные пушкинские заглавия, редакторские же заголовки неоконченных пушкинских произведений («Роман в письмах», «Русалка», «Езерский», «Дубровский», «Сцены из рыцарских времен» и пр.) избраны вполне корректно. Однако, как мне представляется, вопрос о редакторских названиях произведений Пушкина требует в некоторых случаях дальнейшего обсуждения.

Проанализируем одно из них.

В посмертном выпуске пушкинского журнала «Современник» (1837, т. 5) наряду с другими, до тех пор не опубликованными произведениями было напечатано начало исторического романа под редакторским заголовком «Арап Петра Великого».¹ Название это, торжественное, патетическое, чрезвычайно выразительно. Оно в какой-то мере соотносится с начальной фразой, открывающей роман: «В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим» (VIII, 3).

В тексте романа, однако, настойчиво акцентировано несколько иное определение героя: «царский арап».² Ср.:

«Все дамы желали видеть у себя le Nègre du czar <...>» (VIII, 4).

«При виде Ибрагима поднялся между ими общий шепот: арап, арап, царской арап!» (VIII, 16).

«Изо всех молодых людей, воспитанных в чужих краях (прости господи), царской арап всех более на человека походит» (VIII, 22).

«В гостиной, в мундире при шпаге, с шляпою в руках сидел царской арап» (VIII, 30).

«Она с усилием приподняла голову и вдруг узнала царского арапа» (VIII, 31).

Несколькими годами ранее в наброске стихотворения поэт также писал: «Как жениться задумал царский арап» (II, 338).

В заметке «О романах Вальтера Скотта» (1830) Пушкин писал: «Главная прелесть ром.⟨анов⟩ W.⟨alter⟩ Sc.⟨ott⟩ состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем <...> современно, <...> домашним образом <...> Sh.⟨akespeare⟩, Гете, W.⟨alter⟩ S.⟨cott⟩ не имеют холопского пристрастия к королям и героям. Они не походят (как герои фр.⟨анпузские⟩) на холопей, передразнивающих *la dignité et la noblesse*. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières» (XII, 195). (Перевод: ... достоинство и благородство. Они просты в буднях жизни, в их речах нет приподнятости, театраль-

¹ При жизни Пушкина было опубликовано два отрывка из этого произведения в качестве «глав из исторического романа».

² О пушкинском толковании слова «арап» см.: Левашов Е. А. Словарная справка Пушкина (комментарий к комментарию). — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979, с. 110—117.

ности, даже в торжественных случаях, так как величественное для них обычно)».

Авторская установка на изображение истории «домашним образом» несомненна и в пушкинском романе.

По-видимому, это чувствовал и Жуковский, который первоначально предполагал озаглавить произведение Пушкина иначе. В письме от 13 (25) апреля 1837 г. С. Н. Карамзина писала сыну: «На днях Жуковский читал нам роман Пушкина, восхитительный: „Ибрагим, царский Арап“». ³ В примечании к этому сообщению Н. В. Измайлов уточняет: «Приводимое С. Н. Карамзиной заглавие <...> едва ли принадлежит Пушкину; вероятнее думать, что это первоначальный проект заглавия, под которым хотел печатать его Жуковский». ⁴ Но вот что замечательно: в 1848 г. неоконченный пушкинский роман Н. В. Гоголь называл примерно так же: «Царский араб». ⁵

Достаточно уверенно можно указать на ту модель, по которой формулировалось это заглавие: на заглавие трагедии Шекспира «Отелло», которая в постановке Петербургского «Нового Англинского театра» (конец XVIII в.) получила заголовок «Венецианский арап», в переводе И. А. Вельяминова (СПб., 1808) — «Венецианский мавр», в переводе А. де Виньи (1829) — «Maure Venise». ⁶ Подобная ассоциация, конечно же, возникала не только у Жуковского и Гоголя, но и у самого Пушкина, ибо, как справедливо замечает академик М. П. Алексеев, «не подлежит сомнению, что вся история любви Дездемоны и Отелло, как она изображена Шекспиром, во всех тончайших оттенках, служила источником разнообразных мыслей и ощущений автора „Арапа Петра Великого“ (1827—1828)». ⁷

К этому следует добавить, что заглавия пушкинских произведений больших форм (поэмы, романы, повести, драмы) четко разделяются по трем основным категориям:

1) по имени главных героев («Руслан и Людмила», «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Граф Нулин», «Моцарт и Сальери», «Кирджали», «Анджело»);

2) по определению-характеристике героя («Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Цыганы», «Станционный смотритель», «Гробовщик», «Барышня-крестьянка», «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Медный всадник», «Пиковая дама», «Капитанская дочка»);

3) по центральному событию или месту действия («Полтава», «Выстрел», «Метель», «Пир во время чумы», «Египетские ночи», «Бахчисарайский фонтан», «Домик в Коломне»).

³ Пушкин в письмах Карамзиных. М.; Л., 1960, с. 202 (подлинник по-французски).

⁴ Там же, с. 408.

⁵ См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Л., 1952, т. 8, с. 385.

⁶ Ср. также в переведенном А. Клушиным отрывке из «Английских писем» Вольтера: «Известно, что в трагедии „Венецианский Арап“, весьма трогательной пьесе, муж удавляет свою жену на театре» (Савкт-Петербургский Меркурий, 1793, ч. I, с. 70).

⁷ Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965, с. 188. См. также с. 60, 89, 187.

Кроме того, ряд названий включает в себя жанровую характеристику произведения («Сказки», «Истории», «Путешествия»).

Очевидно, что из трех основных категорий пушкинских заглавий вторая наиболее представительна и если включает в себя определение, то обязательно согласованное (обычно прилагательное, реже — существительное в качестве приложения).

Следовательно, заглавие «Царский арап» более соответствует и поэтике пушкинских заглавий, чем принятое дотоле.⁸

Высказанные соображения могут показаться излишне педантичными. Авторитет традиции настолько велик, что рассмотренное выше привычное, общепринятое заглавие кажется само собой разумеющимся. Необходимо, однако, подчеркнуть, что название не только маркирует художественное произведение, но и с самого начала концентрирует читательское восприятие на задушевной авторской мысли, дает «тон», который «делает музыку». В классическом произведении любое произвольно измененное (или вставленное) слово диссонирует с целым. Тем более важно соблюсти точность в заглавных, опорных словах.

С. А. Фомичев

ЗНАКОМСТВО ПУШКИНА С «СЕСТРОЙ ИГРОКА DES EAUX DE RONAN»¹

1

В наброске Пушкина «Участь моя решена. Я женюсь» есть строки, которые и стилем, и содержанием выбиваются из основного тона повествования и тем привлекают к себе особенное внимание. Вот они: «Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края, — и уже воображал себя на пироскафе.² Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся — морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег — My native land, adieu.³ Подле меня молодую женщину начинает тошнить — это придает ее бледному лицу выражение томной нежности. Она просит у меня воды — слава богу, до Кронштата есть для меня занятие». (VIII, 407).

⁸ Общим принципам заглавий пушкинских (только лирических) произведений посвящена статья Э. Бараньского в сб.: О poetuse Aleksandra Puszkina». Roznan, 1975. См. также: Козлов С. Л. К поэтике заглавий в русской лирике первой половины XIX в. (Пушкин и его современники). — В кн.: Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М., 1979, с. 20—29.

¹ Des eaux de Ronan — из Ронанских вод (*фр.*). Имеется в виду роман Вальтера Скотта «Сент-Ронанские воды» (1823). «Сестра игрока» — героиня этого романа Клара Моубрей.

² Пироскаф — пароход; в пушкинскую эпоху так называли главным образом небольшие пароходы, курсировавшие по Неве к Кронштадту и Петергофу.

³ My native land, adieu — прощай, родная сторона! (*англ.*) — цитата из 1-й песни «Чайльд Гарольда» Байрона.

Много лет спустя, в 1952 г., «Литературное наследство» опубликовало несколько фрагментов из неизвестных ранее писем П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской за 1827—1829 гг. Один из фрагментов, датированный 26 мая 1828 г., имеет, по всей видимости, прямое отношение к событию, связанному с приведенным пушкинским текстом: Вяземский описывает морскую прогулку в Кронштадт, которую он и Пушкин совершили накануне в компании Олениных, Шиллинга и других лиц.⁴ Вяземский, в частности, пишет:

«...на возвратном пути, при самых сборах к отплытию, разразилась <...> гроза <...>. Надобно было видеть, как весь народ засуетился, кинулся в каюты, шум, крики, давка <...>. У меня в глазах только одна картина: англичанка молодая, бледная, новобрачная, прибывшая накануне с мужем из Лондона, пострадавшая во все плавание, страдает и на пароходе. Удивительно милое лицо, выразительное. Пушкин нашел, что она похожа на сестру игрока des eaux de Ronan. Они едут в Персию, он советник посольства, недавно проезжал через Москву из Персии...»⁵

На сходство описания Вяземским поездки с текстом Пушкина было обращено внимание уже в комментарии при публикации письма.⁶ Однако комментатор ограничился простым указанием на факт сходства, не попытавшись выяснить возникающие при этом вопросы: кто была молодая англичанка, чье «удивительно милое», «выразительное» лицо произвело на Пушкина столь сильное впечатление, что он тотчас сравнил ее с романтической героиней Вальтера Скотта и вспомнил два года спустя, создавая набросок, навеянный раздумьями о собственной предстоящей женитьбе? Откуда Вяземскому стало известно, что ее супруг — «советник посольства», что он «недавно проезжал через Москву из Персии», куда он и направляется теперь со своей молодой женой, и далее — поскольку такого рода информация предполагает определенную степень знакомства с людьми, — в каких отношениях был с ними Вяземский, а следовательно и Пушкин, который находился на пароходе бок о бок с Вяземским и явно заинтересовался молодой англичанкой?

В дальнейшем к письму Вяземского как к источнику, из которого можно было бы извлечь какие-то пояснения для наброска «Участь моя решена. Я женюсь», никто не обращался.

⁴ Известная запись Пушкина «9 мая 1828 г. Море Оленина. Дау» (III, 2, 651), очевидно, относится к другой прогулке по морю (возможно, и не в Кронштадт) или же к поездке на берег моря (залива). Ср. об этой поездке: Искусство, 1937, № 2, с. 163—169.

⁵ Письмо П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской от 26 мая/7 июня 1828 г. — Литературное наследство. М., 1952, т. 58, с. 80. — Публикация выдержек из писем Вяземского в указанном издании была осуществлена по копиям, принадлежавшим М. С. Боровковой-Майковой. Подлинники писем за 1827—1829 гг. считались в то время утраченными (см. там же, с. 30) и были обнаружены позднее. При сверке с подлинником письма (ЦГАЛИ, фонд Вяземских, № 495, оп. 1, ед. хр. 3267) в текст внесены незначительные поправки. В опубликованном фрагменте письмо оборвано на середине фразы (продолжение см. ниже, с. 112). Ср.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 91—92.

⁶ См.: Литературное наследство, т. 58, с. 81.

Кто же такие английский дипломат, которого Вяземский называет «советником посольства», и его молодая жена?

Об этом позволяют судить следующие факты.

1. В состав английской миссии в Персии (посольства там в то время не было)⁷ входило тогда три дипломата: посланник Джон Макдональд и два секретаря — сорокалетний Генри Уиллок (он служил в Персии с 1808 г., т. е. ко времени, о котором идет речь, уже двадцать лет) и двадцатидевятилетний Джон Кэмпбелл, старший сын председателя совета директоров Ост-Индской компании Роберта Кэмпбелла.

2. В начале февраля, но до подписания Туркманчайского мира (10/22 февраля 1828 г.), Дж. Кэмпбелл выехал из Тебриза в Англию, где 11/23 марта того же года состоялась его свадьба с мисс Грейс Элизабет Бейнбридж (Grace Elisabeth Bainbridge, 1808—1863), дочерью известного в Лондоне Томаса Бейнбриджа, эсквайра, в роду которого были прославленные ученые: физики, астрономы, натуралисты, медики.

3. Из письма Дж. Кэмпбелла к отцу от 20 августа 1829 г. видно, что он и его жена выехали из Англии «в последних числах мая» того же 1828 г., имели в пути длительную остановку в связи с болезнью Грейс Элизабет и «через три месяца и 12 дней со дня выезда» (т. е. в первых числах сентября) прибыли в Тебриз.⁸

4. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1828 г. трижды — 19, 22 и 26 июня — было помещено следующее уведомление: «Отъезжают за границу <...> капитан Кампбель, секретарь Великобританской миссии при Персидском дворе, с супругой и двумя слугами: Фридрих Бейер и Ричард Юм и двумя служанками Елизаветой Плант и Люси Джаксон».⁹

Таким образом, «советник посольства» и его молодая жена, которых Вяземский и Пушкин повстречали на пироскафе, — не кто иные, как мистер и миссис Кэмпбелл, следующие после своего бракосочетания к месту службы мужа.¹⁰

⁷ В то время только две европейские державы — Россия и Англия — имели дипломатические представительства в Персии с постоянным местонахождением не в столице, а при дворе наследного принца Аббаса-мирзы в Тебризе.

⁸ См.: Letter of J. Campbell to R. Campbell, 20 August 1829 — Duke Univ. Library (DUL), Campbell Papers. Цит. по работе: Harden E. J. Griboedov and the Willock Affair. — Slavic Review, 1971, v. 30, p. 84.

⁹ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям», 1828, № 49, 50, 51 (от 19, 22 и 26 июня), с. 703, 715, 729. — Троекратная публикация такого рода извещений за две недели до выезда за границу имела обязательный характер.

¹⁰ Джон Николь Роберт Кэмпбелл (J. N. R. Campbell, 1799—1870) — шотландец из рода Кэмпбеллов из Балишеннона (Ballyshannon) в графстве Донегол, с 1818 г. — офицер колониальных войск (в так называемой Мадрасской армии), с 1826 г. — капитан, с 1824 г. — секретарь английской миссии в Персии, возглавляемой Макдональдом. После смерти Макдональда в 1830 г. и до 1832 г. поверенный в делах. В 1832 г. возведен в рыцарское достоинство; в 1858 г. унаследовал титул баронета, пожалованный его отцу Роберту Кэмпбеллу (1771—1858) в 1831 г. за особые заслуги перед Англией.

Каков же был характер этой встречи? Разговаривали ли Вяземский и Пушкин с Кэмпбеллами или просто наблюдали привлекающую их внимание молодую чету? На этот вопрос позволяет ответить та часть письма Вяземского от 26 мая 1828 г., которая не вошла в публикацию 1952 г.

Приводим текст с начала прерванной фразы: «Они едут в Персию, он советник посольства, недавно проезжал через Москву из Персии, очень знаком с Корсаковым,¹¹ поехал жениться в Англию вследствие любви нескольколетней и теперь опять возвращается. И он красивый мужчина и, по словам Киселева¹² и Грибоедова, знавших его в Персии, очень милый и образованный человек, а жена — живописная мечта».¹³

Упоминание Вяземского А. С. Грибоедова и Н. Д. Киселева существенно проясняет дело: и Грибоедов, и Киселев незадолго перед тем возвратились из Персии, где принимали деятельное участие в подготовке Туркманчайского мирного договора (причем Грибоедов готовился вновь отбыть в Персию — уже в качестве русского посланника), следовательно, они не могли не знать «советника» английского посольства в Персии. На то, что Грибоедов и Киселев знали Кэмпбелла, указывает и Вяземский, особо подчеркивая их доброжелательный, дружеский отзыв об этом знакомстве («очень милый и образованный человек»). Правда, из слов Вяземского не вполне ясно, были ли Грибоедов и Киселев с ним на пароходе или они рассказывали о Кэмпбелле позже — скажем, в тот же вечер или на следующий день, — но этот пробел восполняет еще одно письмо, относящееся к той же поездке в Кронштадт: оно написано почти тридцать лет спустя другим ее участником, вернее участницей — А. А. Олениной, которая к тому времени давно уже сменила свою фамилию на Андро, и адресовано П. А. Вяземскому. «Помните ли вы то счастливое время, — пишет Анна Алексеевна, — где мы были молоды, и веселы, и здоровы! Где Пушкин, Грибоедов и вы сопутствовали нам на Невском пароходе в Кронштадте. Ах, как все тогда было красиво и жизнь текла быстрым шумливым ручьем...»¹⁴

Следовательно, Грибоедов во всяком случае, а Н. Д. Киселев почти наверняка были на пароходе вместе с Вяземским, Пушкиным, Олениными и Шиллингом. А раз так, то молодая английская чета несомненно была представлена компании, в которой находились Грибоедов и Киселев, как того требовал и дипломатический и светский этикет.

Из приведенного выше материала видно, что Кэмпбеллы провели в Петербурге конец мая и весь июнь: дата их приезда в Петербург из Кронштадта (где швартовались иностранные суда) — 25 мая/6 июня — определяется письмом Вяземского, дата отъезда — первые числа июля — извеще-

¹¹ Римский-Корсаков Григорий Александрович (1792—1852) — офицер, близкий знакомый Вяземских и Пушкина. Пушкин бывал в доме его матери в Москве и одно время был увлечен его сестрой Александрой.

¹² Киселев Николай Дмитриевич (1862—1869) — дипломат, знакомый Пушкина, Вяземского, Грибоедова; в 1827—1828 гг. находился на дипломатической службе в Персии.

¹³ Письмо П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской от 26 мая 1828 г. — ЦГАЛИ, фонд Вяземских, № 195, оп. 1, ед. хр. 3267.

¹⁴ Письмо А. А. Андро к П. А. Вяземскому от 18 апреля 1857 г. — Литературное наследство. М., 1946, т. 47—48, с. 237.

ниями в «Санкт-Петербургских ведомостях», которые принято было публиковать за неделю-две до отъезда.

Встречались ли Кэмпбеллы за эти полтора месяца с кем-либо из компании Вяземского—Пушкина—Грибоедова? Имеется по крайней мере одно свидетельство о такого рода встрече, зафиксированное управляющим III отделением собственной е. и. в. канцелярии М. Я. фон Фоком. В обязанности фон Фока входило составление так называемых записок, обобщавших донесения тайных агентов, перлюстрированные письма, материалы досье и т. п. для представления их через Бенкендорфа Николаю. В одной из таких записок, озаглавленной «Разные рассуждения и толки между короткими друзьями Грибоедова» и датированной 22 марта 1829 г. (записка составлялась в связи с получением известия о гибели Грибоедова), читаем: «Один член английского посольства в Персии, выехавший почти в одно время с Грибоедовым из Петербурга, говорил ему в присутствии друга: „Берегитесь! вам не простят Туркманчайского мира!“».¹⁵

«Член английского посольства в Персии, выехавший почти в одно время с Грибоедовым из Петербурга», — несомненно Кэмпбелл (как известно, Грибоедов выехал из Петербурга в Персию 6/18 июня 1828 г.). Разговор, который приводит фон Фок, состоялся не на пароходе, а где-то в другом месте.¹⁶ Следовательно, Кэмпбелл и Грибоедов виделись и во время пребывания английской четы в Петербурге.

Здесь уместно заметить, что Грибоедова и Кэмпбелла связывали весьма тесные отношения, сложившиеся на основе известной общности взглядов, симпатий, антипатий и даже политических установок. Дело в том, что в борьбе английских политических группировок, из которых одна стремилась к обострению отношений с Россией вплоть до военной конфронтации, а другая считала необходимым поддерживать с Россией стабильный мир и решать спорные вопросы путем переговоров, Кэмпбелл вслед за Макдональдом занял четкую и последовательную позицию, активно участвуя в деятельности второй из названных групп. Грибоедов поучествовал в Кэмпбелле союзника еще во время туркманчайских переговоров¹⁷ и впоследствии особо ходатайствовал о награждении его русским орденом.¹⁸ Зная об интригах, которые плели против Макдональда и Кэмпбелла их политические враги бра-

¹⁵ Цит. по ст.: Медведев М. М. Грибоедов под следствием и надзором. — Литературное наследство. М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 491.

¹⁶ Разговор «члена английского посольства» с Грибоедовым происходил в присутствии Ф. В. Булгарина, по материалам которого и составлена записка фон Фока (см.: там же, с. 490, 491), на пароходе же Булгарина не было.

¹⁷ Вот что докладывал своему правительству Макдональд 22 февраля 1828 г. в связи с заключением Туркманчайского мира: «Заключение мира имеет неопценное значение не только для Персии, но и для Англии. Мир спас Персию от нависшей над ней угрозы прекратить свое существование в качестве независимого государства, а нас — от опасности столкновения с петербургским двором, в которое, по мере успехов русского оружия, мы несомненно оказались бы втянуты» (Indian Office Library, Secret Letters and Enclosures from Persia, 42, 1828).

¹⁸ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1881, т. 9, с. 645—646.

тъя Уиллоки,¹⁹ Грибоедов конфиденциально предупредил об этом своих английских союзников.²⁰ Кэмпбелл, как видно из записки фон Фока, в свою очередь предупредил Грибоедова о грозящей ему в Персии опасности. Нам в точности не известно, что именно сказал Грибоедову Кэмпбелл, но его предупреждение нельзя недооценивать. Кэмпбелл прибыл из Лондона, где он и как секретарь английской миссии в Персии, и как сын человека, занимавшего наивысший пост в английской колониальной администрации, имел доступ к самой секретной информации. Судя по письму Вяземского, дружеское расположение Грибоедова к Кэмпбеллу разделял и Н. Д. Киселев, знавший его в Персии.

Разумеется, Грибоедов и Киселев не случайно оказались в Кронштадте в день прибытия туда Кэмпбеллов: они специально встречали своего английского коллегу, с которым, по крайней мере Грибоедову, предстояла длительная совместная работа в Персии.

Все эти обстоятельства позволяют утверждать, что Грибоедов и Киселев виделись с Кэмпбеллами в Петербурге неоднократно, и повышают вероятность того, что Кэмпбеллы встречались в Петербурге также и с лицами, представленными им на невском пароходе, в частности с Пушкиным и Вяземским. Напомним в этой связи, что весной 1828 г. Пушкин, Вяземский, Грибоедов, Н. Д. Киселев и А. А. Оленин (сын А. Н. Оленина) встречались, как об этом свидетельствуют многочисленные источники, почти каждый день.²¹ Особенно это относится к последним числам мая—первым числам июня, непосредственно перед отъездом из Петербурга Грибоедова (6/18 июня), Вяземского (7/19 июня) и Киселева (14/26 июня). Не исключено, что Пушкин и сам искал встреч с романтической англичанкой, которая произвела на него столь сильное впечатление.

Так или иначе рассмотренный материал дает основание включить Джона Николая Кэмпбелла и Грейс Элизабет Кэмпбелл в число лиц, с которыми Пушкин встречался весной—летом 1828 г., а также расширить реальный комментарий к наброску Пушкина «Участь моя решена. Я женюсь» и к письму П. А. Вяземского от 26 мая 1828 г., назвав имя молодой англичанки, похожей на «сестру игрока» из «Сент-Ронанских вод».

3

Роман Вальтера Скотта «Сент-Ронанские воды», с героиней которого, Кларой Моубрей, Пушкин сравнил повстречавшуюся ему на пироскафе прекрасную англичанку, в дальнейшем не раз оказывался в центре его внимания. Напомним в этой связи общие мотивы и сюжетные ситуации «Сент-

¹⁹ Многочисленные документы, освещающие борьбу между группировкой Макдональда—Кэмпбелла, которых поддерживало руководство Ост-Индской компании, заинтересованное в стабильности в районе своей торгово-экономической деятельности, и группой Уиллоков, опиравшихся на поддержку экспансионистских кругов в Лондоне (Веллингтон, Элленборо, Годрич), приведены в работе: *Harden E. J. Op. cit.*, p. 74—92; см. также нашу рецензию на эту работу в журн. «Русская литература» (1981, № 2, с. 227 след.).

²⁰ *Harden E. J. Op. cit.*, p. 85—91.

²¹ Основным источником и в данном случае являются подробные письма

Ронанских вод» и некоторых произведений Пушкина, отмеченные в свое время Н. В. Измайловым.

В «Метели»: тайное венчание молодой девушки (Клара Моубрей, Марья Гавриловна) с любимым человеком (Фрэнк Тиррел, Владимир); обряд должен состояться в деревенской церкви; со священником заранее договорено; невеста приезжает, но случай препятствует жениху вовремя попасть в церковь; в суматохе ее венчают с другим (здесь различия: у Пушкина это чистая случайность, у Вальтера Скотта — преднамеренный обман со стороны «ложного» жениха); подмена жениха обнаруживается лишь после того как обряд совершен. Следствия этой ошибки (исчезновение истинного и «ложного» жениха, тяжелая болезнь новобрачной, перелом характера, многолетняя нелюдимость) определяют дальнейший ход повествования и его финал — трагический у Вальтера Скотта и относительно благополучный у Пушкина.

В «Барышне-крестьянке»: семнадцатилетняя героиня, дочь местного помещика (Клара Моубрей, Лиза Муромская), переодетая крестьянкой, встречается в лесу молодого человека, сына владельца соседнего поместья, идущего на охоту (Фрэнк Тиррел, Алексей Берестов); последний выручает девушку из затруднительного положения (пьяный бродяга, злая собака); они знакомятся, и вскоре молодой человек, все еще полагая, что перед ним крестьянская девушка, влюбляется в нее.²²

Особенно детально Н. В. Измайлов анализирует планы не осуществленного Пушкиным замысла «Романа на Кавказских водах» (связь этого произведения с «Сент-Ронанскими водами» подчеркнута уже в заглавии). «Положение главных героев <...> имеет, — отмечает исследователь, — общие черты: в центре героиня (Клара Моубрей — Алина Корсакова); из-за нее борются два героя: „злодей“, ведущий героиню к гибели (граф Эгерингтон — Якубович), и любовник, стремящийся спасти ее (Фрэнк Тиррел — Гранев); брат героини (Джон Моубрей) толкает ее к герою-злодею на гибель <...> Согласно одному плану мстителем за девушку, убивающим „Якубовича“ на дуэли, является, как и в романе Вальтер Скотта, ее брат». ²³ Отметив далее сходство некоторых второстепенных деталей и персонажей (леди Пенелопа Пенфизер — генеральша Мерли́на; комические характеры врачей), Н. В. Измайлов (в варианте 1928 г.) заключает: «У нас нет прямых указаний на знакомство Пушкина с романом Вальтер Скотта <...>, а имеющиеся планы не дают материала для вполне определенных выводов». ²⁴

Письмо Вяземского дало неоспоримые доказательства того, что Пушкин был знаком с романом «Сент-Ронанские воды» уже в мае 1828 г.²⁵ (не

П. А. Вяземского к жене за апрель—июнь 1828 г. (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. I, ед. хр. 3267), а также его письмо к Пушкину и А. А. Оленину от 21 мая (XIV, 19) и письмо Пушкина к Вяземскому от 1 сентября 1828 г. (XIV, 26).

²² См.: Измайлов Н. В. «Роман на Кавказских водах». Невыполненный замысел Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. 37, Л., 1928, с. 97—98. — В позднем варианте этой работы (в кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина, Л., 1975, с. 174—212) сопоставление с «Барышней-крестьянкой» опущено; сопоставление с «Метелью» — см. с. 209.

²³ Там же, с. 97 (ср.: «Очерки...», с. 208).

²⁴ Там же.

²⁵ Роман «Сент-Ронанские воды» появился в 1823 г., французский и русский переводы — в 1828 г. (см. заметку «„Сент-Ронанские воды“ сира Валь-

могла же англичанка напомнить ему героиню романа, которого он не читал!), подтвердив таким образом наблюдения Н. В. Измайлова.²⁶

Однако если в области сюжетологии Пушкин охотно обращался к литературной традиции, то характеры своих героев он формировал преимущественно на основе собственных наблюдений, порой прямо обозначая в планах тех или иных своих прототипов. Именно так обстоит дело и в планах «Романа на Кавказских водах», где в качестве прототипов названы московская семья Корсаковых, которая действительно находилась на Кавказских минеральных водах с июля 1827 г. по сентябрь 1828 г., А. И. Якубович, генерал Мерлини с женой и др.

Прототипом главной героини, согласно одному из планов, должна была стать Александрина (в плане — Алина) Корсакова, красивая, волевая девушка, которая по тем временам считалась уже немолодой (когда Пушкин с нею познакомился осенью 1826 г., ей было 24 года), но которой поэт тем не менее тогда же увлекся. Однако чем-то этот прототип не вполне отвечал его замыслу (возможно, тем, что его героиня должна была быть моложе и мягче), и в беловом наброске фигурирует уже не Алина, а Маша, «девушка лет 18-ти, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и черными огненными глазами» (VII, 413).

Подобный же образ встречается у Пушкина за год-полтора до того: Машенька из «Романа в письмах» — тоже «стройная, меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе» (VIII, 47). Прототипом ее была Мария Васильевна Борисова, которую Пушкин повстречал осенью 1828 г. в доме П. И. Вульфа в Старице. «...цветок в пустыне, — писал тогда о ней Пушкин, — соловей в дичи лесной <...> я намерен на днях в нее влюбиться» (XIV, 33). Дальнейшим литературным развитием этого образа стала позже Маша Миронова (в плане — «барышня Марья Горисова» — VIII, 950) в «Капитанской дочке», а одним из его ранних вариантов — Марья Гавриловна из «Метели», «стройная, бледная и семнадцатилетняя девица» (VIII, 77), надо думать хорошенькая, поскольку, как сообщает повествователь, соседи «поминутно ездили <...> для того, чтоб поглядеть на нее» (VIII, 77). У нее «романтическое воображение» (VIII, 77), что подчеркивается всем ходом повествования — от эпизода с тайным венчанием до мелочей вроде писем, запечатанных тульской печаткой, «на которой изображены были два пылающих сердца» (VIII, 78).

Как известно, образы, созданные Пушкиным, — особенно это относится к центральным героям, — никогда не сводятся исключительно к одному прототипу, а имеют синтетический характер, вбирая в себя черты многих реальных лиц и литературных героев.²⁷ Определенное место в формировании центрального женского образа «Романа на Кавказских водах» принад-

тера Скотта» в «Московском телеграфе»: 1828, ч. 23, № 18, с. 224—227). Пушкин обычно читал Вальтера Скотта по-французски; так, судя по тому, что в письме Вяземского приведено французское заглавие, было и на этот раз.

²⁶ В позднем варианте работы Н. В. Измайлов прямо ссылается в этом вопросе на письмо Вяземского, скромно умалчивая, что его наблюдения были сделаны до того, как письмо стало известно («Очерки...», с. 206).

²⁷ Ср.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980, с. 26—28.

лежит соотносённому с ним по сюжетной функции литературному образу Клары Моубрей. Во всяком случае характерологическое и портретное сходство героини «Сент-Ронанских вод» с приведенным выше описанием Маши, равно как и с Марьей Гавриловной из «Метели» и Лизой из «Барышни-крестьянки», прослеживается достаточно однозначно. Вальтер Скотт изображает Клару в разные периоды ее жизни. Во время встречи в лесу с Фрэнком Тиррелом и немного позже, во время тайного венчания, она описана как чудесная шестнадцати-, семнадцатилетняя девушка — «воображению трудно представить себе более живую в своей непосредственности и более прекрасную лесную нимфу»²⁸ (ср. описание Лизы в «Барышне-крестьянке»: «Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое очень приятное лицо. <...> Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца...» — VIII, 114).

В дальнейшем, хотя уже прошло несколько лет и Клара тяжело пережила обман, она сохранила привлекательность, лишь лицо ее приобрело бледность, а резвость сменилась резкостью и экстравагантностью. «Из какого дивного мрамора, — читаем мы, — изваяны ее черты! Над глазами — дуги черного агата, нос прямой, а рот и подбородок совершенно греческие. Роскошные длинные гладкие черные волосы и кожа невиданной белизны» (89); или: «...ее локоны <...> пышной темной блестящей волной рассыпались по ее стройному гибкому стану» (328). Романтической «одухотворенности черт» (289) соответствуют поведение и характер Клары: она «одевалась, вела себя и судила по-своему» (107), «она особенная» (126) и т. д.

Поскольку Пушкин совершенно определенно говорит о сходстве Клары Моубрей и англичанки, встреченной на пироскафе, мы вправе полагать, что, обдумывая характер и внешность своих героинь (разумеется, из числа тех, кто соотносится с героиней «Сент-Ронанских вод»), он опирался не только на литературный образ Клары Моубрей, но и на живые черты ее двойника. Об этих чертах нам известно не так уж мало. Вспомним описание Вяземского: «У меня в глазах только одна картина: англичанка молодая, бледная, новобрачная <...> Удивительно милое лицо, выразительное. Пушкин нашел, что она похожа...»; «...живописная мечта». Романтическое восприятие леди Кэмпбелл усилено кратким упоминанием о браке «вследствие любви нескольколетней», связанной с длительной разлукой в течение всего того времени, когда Грейс Элизабет находилась в Англии, а ее жених — в Индии и в Персии.

Реальные черты леди Кэмпбелл, в которых для Пушкина персонифицировался литературный образ Клары Моубрей, делали этот последний особенно жизненным и выразительным, что не могло не играть определенной роли при обдумывании им образов, так или иначе связанных в его сознании с романом Вальтера Скотта. Образ романтической семнадцатилетней девушки, попеременно именуемой Машей, Лизой, иногда Сашей (Алиной), проходит через многие прозаические произведения Пушкина

²⁸ Скотт В. Собр. соч. в 20 томах. М.; Л., 1964, т. 16, с. 348. — В дальнейшем роман «Сент-Ронанские воды» цитируется по этому же изданию (перевод Е. А. Лопыревой и Н. Я. Рыковой); страницы указываются в тексте, в скобках.

от «Романа в письмах» до «Пиковой дамы» и «Капитанской дочки», включая сюда и те три, что были названы выше в связи с сюжетно-характерологическими параллелями к «Сент-Ронанским водам». Этому литературному образу в сознании Пушкина несомненно соответствовал определенный пласт жизненных наблюдений и воспоминаний, опиравшихся на впечатления о молодых деушках, которых он знал лучше других (как Машу Борисову или Александрину Корсакову) и которых принято называть «прототипами». Приведенный материал позволяет заключить, что известное место в этом «пласте воспоминаний», питавших творческое воображение поэта, заняла и молодая англичанка Грейс Элизабет Кэмпбелл, чей реальный образ в значительной степени совместился в сознании Пушкина с литературным образом Клары Моубрей — «сестры игрока» из романа «Сент-Ронанские воды».

4

Перечислим в заключение некоторые наблюдения, которые имеют прямое отношение к нашей теме, но пока не поддаются однозначной интерпретации и потому не могут использоваться в качестве аргументов.

1. В «Барышне-крестянке» (где, как помним, эпизод с переодеванием в крестьянское платье и его последствия имеют прямую параллель в «Сент-Ронанских водах») главную героиню, соответствующую по своей роли в повести героине «Сент-Ронанских вод», зовут Лизой. Отец «звал ее обыкновенно Бетси» (VIII, 111) — уменьшительное от Элизабет. Но Элизабет — одно из имен леди Кэмпбелл (Грейс Элизабет), причем для русского уха более понятное и запоминающееся. В услужении у Лизы состояла англичанка, мисс Жаксон, — нечто среднее между камеристкой и гувернанткой. Но именно так — Люси Джаксон — звали и камеристку леди Кэмпбелл, которая, как об этом сообщалось в приведенном выше извещении в «Санкт-Петербургских ведомостях», сопровождала ее в поездке в Персию.

2. Разрабатывая планы «Романа на Кавказских водах», Пушкин постоянно упоминает хорошо знакомую ему семью Корсаковых. Во время пребывания на Кавказских минеральных водах летом 1828 г. с Корсаковыми приключилась какая-то романтическая история, о которой в Москве рассказывали разное.²⁹ Это те самые Корсаковы, об одном из которых — Григории Александровиче — Вяземский сообщал, что он «очень знаком» с мужем прекрасной англичанки, Джоном Кэмпбеллом. Попытки прояснить характер этого знакомства пока успеха не имели.

3. В одном из планов «Романа на Кавказских водах» есть такая запись: «Якубович» сватается через брата Pelham — отказ — дуэль». Сочетание «брата Пелам» двусмысленно: его можно понимать как «брата [по имени] Пелам» и как «брата [женщины по имени] Пелам». Н. В. Измайлов исходит в своих рассуждениях из первого прочтения, никак, впрочем, не мотивируя такой выбор.³⁰ Между тем, второе прочтение представляется правомернее.

²⁹ Подробнее об этом см.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина, с. 200—201.

³⁰ Там же, с. 181, 202—203.

Во-первых, грамматически: в собственных именах иностранного происхождения с окончанием на согласный нулевая падежная флексия означает употребление имени применительно к женщине (правило Грота — ср.: «через *Дельвига*», но «через *Керн*»). Во-вторых, логически: Якубович сватался к кому-то через ее брата. В этом сообщении существен объект сватовства — можно предположить, что он-то и назван по имени. В-третьих, прагматически: ни в одном из вариантов плана родственники героини не названы по имени; они повсеместно обозначены родственным отношением к ней: отец, мать, брат.

Особое место занимают соображения текстологические. От плана к плану Пушкин менял имя героини. Первоначально *Marie*, затем *Марья*, позже *Алина* (Александр(ра)?, «рина»?)). Местоположение интересующей нас записи: *после* того, как Пушкин отказался от имени *Марья*, но *до* того, как назвал ее *Алина*. В записи вместо имени Пушкин сделал прочерк: «сватался через брата —————» (VIII, 966 — ср.: рукопись ПД, 271), — а затем надписал над прочерком: *Pelham*. Это, разумеется, не имя будущей героини, а заметка для памяти, указывающая на один из возможных ее прототипов; такого рода указания не редкость в пушкинских планах. Что же это за прототип? Имя *Пелам*, а точнее — «леди *Пелам*», у Пушкина до этого случая встречается лишь однажды — в «Романе в письмах» — в следующем контексте: «Ты ошиблась милая *Лиза*. <...> Р — вовсе не замечает твоего отсутствия, он привязался к леди *Пелам*, приезжей англичанке», и от нее не отходит. На его речи отвечает она видом невинного удивления и маленьким восклицанием: *oho!*.. а он в восхищении» (VIII, 48).

Имя «*Пелам*» несомненно связано с названием романа Бульвер-Литтона «*Пелам*» («*Pelham*»), появившегося за полтора года до пушкинского текста, в 1827 г. Но связь эта прослеживается лишь на уровне имени: характерологическое сходство героя романа и «приезжей англичанки» никак не обозначено и едва ли подразумевалось автором. Сомнительно и то, что Пушкин читал этот объемистый роман до появления в 1831 г. французского перевода. Все это наводит на мысль, что под именем «леди *Пелам*» Пушкин подразумевал какое-то реальное лицо. Если соотнести оба случая использования этого имени, то получается, что его носителем должна быть какая-то приезжая англичанка, впечатление о которой у Пушкина было достаточно свежо, когда он писал «Роман в письмах», — т. е. осенью 1829 г. Она, судя по тексту, была молода и недурна собой. Далее она могла послужить прототипом для героини «Романа на Кавказских водах», соответствующей по своей сюжетной роли *Кларе Моубрей* из «Сент-Ронанских вод».

Приведенное сопоставление делает весьма вероятным предположение, что именем *Pelham* (*Пельгám*, как писал и произносил его Пушкин) он называл леди *Кэмпбелл* (*Кампбэль* в произношении и написании того времени). Если считать, что эпизод с приезжей англичанкой и запись в плане «Романа на Кавказских водах» действительно связаны с воспоминанием о леди *Кэмпбелл*, то перед нами характерное для Пушкина изменение фамилии реального лица при превращении его в литературный персонаж: *Камп-бель* → *Бель-Камп* (слишком по-французски и требует англо-

фикации) → Пель-гам (по модели Кочубей → Чуколей — VIII, 974—976 и т. п.).³¹

4. В наброске «Участь моя решена. Я жениюсь» за несколько строк до эпизода, навеянного воспоминанием о поездке в Кронштадт, Пушкин упоминает Вальтера Скотта (VIII, 407). Что это, случайность — ведь Пушкин часто обращался к Вальтеру Скотту, — или же ассоциация, которая возникла у Пушкина на пироскафе (леди Кампбель — героиня «Сент-Ронанских вод» Вальтер Скотта), приобрела в его сознании устойчивый характер?

Как упоминалось выше, наблюдения, приведенные нами в заключение, однозначной интерпретации не поддаются. Однако в каждом отдельном случае одной из наиболее вероятных интерпретаций оказывается установление той или иной формы связи между пушкинским текстом, образом Клары Моубрей и леди Кэмпбелл — т. е. подтверждение вывода, сделанного в конце третьего раздела настоящих заметок. Не учитывать возможности такого рода интерпретаций так же неправомерно, как и слишком категорически на них настаивать.

Л. М. Аринштейн

«ИЗ МОЦАРТА НАМ ЧТО-НИБУДЬ!»

На просьбу Моцарта, процитированную в заголовке этой заметки, слепой скрипач, согласно ремарке, «играет арию из Дон-Жуана» (VII, 125). Возможно, это не единственное сочинение Моцарта в его репертуаре, — ведь «слепой скрипач в трактире Разыгрывал voi che sapete» (VII, 125), т. е. канцону Керубино из оперы «Свадьба Фигаро».

Упоминание канцоны Керубино и неуточненной арии из «Дон Жуана» давно привлекало внимание пушкинистов. Ряд исследователей склонен видеть здесь ошибку Пушкина, будто бы спутавшего две самые известные оперы Моцарта. Например, Б. В. Томашевский, хотя и допускает возможность исполнения слепым скрипачом двух разных арий, все же приходит к выводу: «...согласимся, что Пушкин ошибся <...> возможно, что отдельные арии, хотя и хорошо ему известные, Пушкин относил не к той опере, к которой они принадлежали. Это признак знакомства с музыкой по концертному и домашнему исполнению любимых популярных арий».¹ С известной осторожностью допускает возможность ошибки и М. П. Алексеев: «По-

³¹ Любопытные наблюдения по поводу трансформаций, которые претерпевали в творчестве Пушкина имена знакомых ему лиц (в частности, по поводу превращения фамилии Бельгард в Белькур в том же «Романе в письмах» — VIII, 50) сделаны в работе: Телетова Н. К. К «Немецкой биографии» А. П. Ганнибала. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982, т. X, с. 284—285.

¹ Томашевский Б. В. Комментарии к «Каменному гостю». — В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. VII. Изд. АН СССР <1935> (первоначальный комментированный вариант тома), с. 565—566.

казательно, что Пушкин даже как будто допустил ошибку, свидетельствующую о поверхностном знакомстве с творчеством Моцарта».²

С другой стороны, например, И. Ф. Бэлза категорически исключает такую возможность, утверждая, что «на самом деле Пушкин подчеркнул своей ремаркой широкую распространенность музыки Моцарта в городском быту»;³ предполагали также, что указание на два разных сочинения Моцарта — часть глубинного пушкинского сопоставления образов Керубино и Дон Жуана.

Не пытаясь здесь сколько-нибудь решительно устанавливать правоту той или другой точки зрения, предложим ряд дополнительных соображений к этой теме.

В первую очередь обратим внимание на то, что из всех опер Моцарта только одна прямо называется в пушкинских текстах. Это «Дон Жуан». В «Моцарте и Сальери» упоминается лишь комедия Бомарше «Женитьба Фигаро», но не опера Моцарта на этот сюжет, а между тем не остается упомянутой опера Сальери «Тарар» по пьесе того же автора.⁴ В других пушкинских текстах опера «Свадьба Фигаро» ни прямо, ни косвенно не упоминается. «Voi che sapete» — единственный намек на знакомство Пушкина с моцартовской версией знаменитой комедии. В то же время опера «Дон Жуан» названа в известной заметке ««О Сальери»» (XI, 218), и ее глубокое знание отразилось в «Каменном госте» (см. процитированные выше примечания Б. В. Томашевского).

Как известно, «Дон Жуана» Пушкин имел возможность неоднократно слышать полностью в театре, в то время как, если верить Т. Н. Ливановой,⁵ первое документально подтверждаемое исполнение «Свадьбы Фигаро» в Рос-

² Алексеев М. П. Комментарии к «Моцарту и Сальери». — Там же, с. 534.

³ Бэлза И. Моцарт и Сальери. Трагедия Пушкина. Драматические сцены Римского-Корсакова. М., 1953, с. 12.

⁴ Обратим попутно внимание на то, что часто цитируемый диалог:

Сальери

Бомарше

Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку,
Иль перечти Женитьбу Фигаро».

Моцарт

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него Тарара сочинил,
Весть славную.

(VII, 132—133)

— выглядит несколько странно, если учесть, что оба собеседника превосходно знают о том, что на сюжет «Женитьбы Фигаро» Моцарт написал одну из самых признанных своих опер. Если не усматривать в словах Сальери скрытый комплимент Моцарту, а в ответе Моцарта — подчеркнутую скромность, то можно подумать, что оба композитора и не подозревают о существовании оперы «Свадьба Фигаро».

⁵ См.: Ливанова Т. Моцарт и русская музыкальная культура. М., 1956, с. 12.

сии состоялось лишь в сезоне 1836/37 г. (указания на более ранние спектакли, на которых мог бывать Пушкин, основаны на косвенных данных).

Разумеется, трудно представить себе, что Пушкин, сочиняя «Моцарта и Сальери», не знал о существовании оперы «Свадьба Фигаро» (хотя если считать, что трагедия в основной своей части написана не в Болдине, а в Михайловском, то это вполне вероятно), однако можно с уверенностью сказать, что в сознании поэта «Дон Жуан» и «Свадьба Фигаро» не могли занимать равного положения: первую оперу он знал весьма основательно и высоко ценил, о второй же скорее всего мог иметь лишь смутное представление по отдельным номерам, слышанным в домашних концертах (наиболее вероятно — в доме М. Ю. Виельгорского).

Это обстоятельство делает версию об ошибке Пушкина достаточно правдоподобной. Однако хотелось бы отметить и другое.

Пушкин не указал, какую именно арию из «Дон Жуана» играет слепой скрипач двум композиторам. Прежде чем этот вопрос привлек внимание исследователей, его пришлось практически решать постановщикам и музыкальным оформителям первых театральных представлений трагедии (об их решениях нам ничего не известно), а также Н. А. Римскому-Корсакову в своей опере «Моцарт и Сальери». Как известно, Римский-Корсаков выбрал арию Церлины «Batto, batto...». Т. Н. Ливанова в качестве наиболее возможного объекта пушкинского внимания указывает на центральную арию главного героя моцартовской оперы «Fin c'han dal vino».⁶

Очевидно, что при выборе этих номеров решающую роль играли два критерия: популярность арии и ее исполнимость на скрипке соло. Однако, не нанося никакого ущерба представлениям о высокой музыкальности Пушкина, можно предположить, что, упоминая об арии из «Дон Жуана», он менее всего был озабочен проблемами инструментоведения. Мысль о неисполнимости той или иной арии на скрипке могла просто не приходиться поэту в голову. Что же касается популярности, то и тут, думается, речь должна идти не о вообще популярной арии, но о такой популярной арии, которая чем-либо могла особенно заинтересовать лично его, Пушкина.

Если поставить вопрос в таком плане, то, видимо, из всех арий моцартовского «Дон Жуана» первым претендентом на место, указанное в ремарке, окажется знаменитая ария Лепорелло «Madamina, il catalogo è questo», так называемая «ария списка», как бы ни было трудно представить ее звучание в сольном скрипичном исполнении.

Как известно, след, оставленный этой арией в биографии Пушкина, достаточно заметен: напомним о «донжуанском списке».⁷

Но, пожалуй, самое любопытное — это то, что в коде «арии списка» звучат слова, весьма близкие к арии Керубино «Voi che sapete» (дословно: «Вы, что знаете...») — начало фразы «Вы, знающие, что такое любовь»). Представив доне Эльвире список побед своего хозяина и исчерпывающе осветив универсальность его вкусов, Лепорелло не без издевательского сочувствия заключает: «Voi sapete quel che fà» (дословно: «Вы знаете то, что [он] делает»).

⁶ См.: там же, с. 22.

⁷ См., например: Благой Д. Д. Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. Изд. 2-е. М., 1979, с. 403.

Есть ряд оснований полагать, что из всей арии Лепорелло именно эти слова могли остаться в памяти Пушкина. Слова «Voi sapete quel che fà» на коротком отрезке звучания (24 такта) повторяются шесть раз. Подчеркнем, что речь идет о конце арии и о кадансирующих построениях, т. е. о моментах, которые, по данным исследований музыкального восприятия, наиболее прочно, даже по сравнению с начальными фрагментами, удерживаются слуховой памятью. К тому же есть возможность сослаться и на особенности запоминания музыки самим Пушкиным. Заключительные слова арии Лепорелло интонируются, в основном, *речитативом*, что заставляет вспомнить:

Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы режем речитатив.

(VI, 205)

По нашему убеждению, здесь имеются в виду не речитативы-сессо, связывающие отдельные номера оперы⁸ (в них просто нечего запоминать и напевать), но именно речитативные кадансы арий — изблюбленные объекты любительского «постинтонирования» (термин Е. Ручьевской), т. е. напевания вслух или про себя только что услышанной музыки. Легко предположить, что после прослушивания арии Лепорелло Пушкин мог «постинтонировать» не трудный для воспроизведения «мотив игривый» ее начала, но как раз речитативное окончание на слова: «Voi sapete quel che fà».

Если Пушкин, вписывая ремарку об арии из «Дон Жуана», действительно имел в виду арию Лепорелло, то не исключено, что причиной ошибки в указании на «voi che sapete» явилась близость текстов двух известных ему арий. Итак, если допущена ошибка, то это скорее смешение не двух разных опер, но двух разных арий. В этом случае становится ясным, почему Пушкин не уточнил, какую именно арию из «Дон Жуана» играет слепой скрипач. Написав «voi che sapete» вместо «voi sapete quel che fà», он мог думать, что ария уже указана.⁹

⁸ Ср.: Эйгес И. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937, с. 155—156.

⁹ Заметим, что Пушкин часто обозначает вокальную пьесу не начальными словами текста, а любимыми, ему запомнившимися. Например, в «Евгении Онегине» упоминается некая вокальная пьеса «Idol mio» (VI, 184). В качестве возможных объектов указывают на популярное в пушкинское время дуэтино В. Габусси (см.: Лернер Н. Пушкинологические этюды. — В кн.: Звенья, 1935, № 5, с. 104) и на арию донны Анны из «Дон Жуана» (см.: Эйгес И. Указ. соч., с. 207; Глумов А. Музыкальный мир Пушкина. М.; Л., 1953, с. 103). Однако ни в том, ни в другом случае слова Idol mio не являются начальными словами. Даже упоминая вокальное сочинение на собственные слова, Пушкин не приводит начального текста: «Радуюсь участи моей песни *Режь меня*» (XIII, 231). Примеры можно было бы умножить. Характерно также и то, что слова voi che sapete начинаются со строчной буквы. Если Пушкин имел в виду начало арии Керубино, то прописная буква была бы уместнее. Впрочем, не исключена и описка. К тому же приведенные выше примеры упоминания вокальных пьес с помощью слов из середины текста начинаются с прописных букв.

Если же ошибки не было и пушкинский Моцарт слушал в трактире мелодию из «Свадьбы Фигаро», то также не исключено, что близость текстов начала канцоны Керубино и конца арии Лепорелло могла быть подсознательным стимулом к выбору именно этих номеров.

Поэтому, повторим, мы не собираемся давать окончательный ответ на вопрос о возможной ошибке Пушкина. Из приведенных рассуждений, как кажется, можно сделать пока лишь следующие выводы.

Во-первых, исследователю стоит остерегаться далеко идущих концепций, строящихся на утверждении об упоминании в «Моцарте и Сальери» двух, а не одной оперы Моцарта.

Во-вторых, как бы ни было интересно решение вопроса о пушкинской ошибке, гораздо существеннее то, что данная неясность проливает свет на восприятие Пушкиным творчества Моцарта в целом. Известная небрежность Пушкина в упоминании моцартовских текстов (какую арию из «Дон Жуана» играет скрипач, какой отрывок из «Реквиема» и какую фортепьянную пьесу играет Моцарт?) говорит, на наш взгляд, не о поверхностности, но об отношении к моцартовскому творчеству как к целостному, не дифференцирующемуся внутри себя явлению. Пушкину важна прежде всего совокупность эстетических признаков, которая определяется именем *Моцарт*. Творчество Моцарта для Пушкина — не столько корпус текстов, сколько единый текст, фрагменты которого — в принципе — равнозначны. Любопытно, что именно таким отношением к собственному творчеству наделяет Пушкин самого Моцарта, заставляя того воскликнуть: «Из Моцарта нам *что-нибудь!*». Вряд ли Моцарт желает при этом похвастаться перед Сальери многочисленностью своих сочинений в репертуаре уличных музыкантов. Скорее здесь зафиксировано восприятие автором своего творчества как некоего пусть разнообразного, но — в принципе — одного и того же, все время развертываемого текста.

Учитывая неоднократно отмечавшиеся в литературе автопортретные черты образа Моцарта, можно надеяться, что приведенные соображения имеют шанс быть учтенными при изучении творческого самосознания Пушкина.

Б. А. Кац

К ЛИТЕРАТУРНЫМ ИСТОЧНИКАМ «ДУБРОВСКОГО» (ДРАМА КАЛЬДЕРОНА «ПОКЛОНЕНИЕ КРЕСТУ»)

В основу романа «Дубровский», как известно, была положена история, рассказанная Пушкину П. В. Нащокиным. Пушкин мог также знать дело Псковской канцелярии о крестьянах помещика Дубровского и некоторые другие факты судебных разбирательств и протеста крестьян против властей.¹ Однако, по словам Б. В. Томашевского, «если Пушкин проявил пол-

¹ См., например: Соболева Т. П. Повесть А. С. Пушкина «Дубровский». М., 1963, с. 7—10.

ную самостоятельность в основном замысле, в выборе материала, в изображении и подборе характеров, то в деталях и разработке отдельных сцен, в сцеплении событий он не избежал традиционных сцен и романтических положений».² Более того, оригинальный замысел «Дубровского» при работе над ним Пушкина «развивался и обогащался уже не за счет освоения новых пластов действительности, а за счет „подключения“ исходного „истинного происхождения“ к сложной литературной традиции, связанной с разработкой определенного идейного комплекса и с рядом сюжетных мотивов, которые давали возможность со всей полнотой выразить этот комплекс».³ Среди произведений европейской литературы, в той или иной мере причислявшихся к литературным источникам «Дубровского», — «Ламмермурская невеста», — «Роб Рой» В. Скотта, «Жан Сбогар» Ш. Нодье, «Валентина» Жорж Санд, «Новая Элоиза» Ж. Ж. Руссо и некоторые другие.⁴ Нам представляется возможным присоединить к этому ряду произведений, которые были в поле зрения Пушкина во время работы над романом «Дубровский», драму Педро Кальдерона «Поклонение кресту».

История воздействия творчества Кальдерона на русских писателей до сих пор систематически не исследована. Однако восприятие его драматургии в пушкинскую эпоху благодаря усилиям прежде всего М. П. Алексеева изучено достаточно углубленно.⁵

Как и многие его современники, такие, как Кюхельбекер, Языков, Катенин, Пушкин впервые заинтересовался творчеством великого испанского драматурга в середине 1820-х гг., в частности благодаря трудам А. В. Шлегеля «Чтения о драматическом искусстве и литературе» и Симонди «О литературе Южной Европы».⁶ Любопытная рекомендация по

² Томашевский Б. В. «Дубровский» и социальный роман Жорж Санд. — В кн.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 410.

³ Петрунина Н. Н. Пушкин на пути к роману в прозе. «Дубровский». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979, т. IX, с. 150.

⁴ См.: Томашевский Б. В. «Дубровский» и социальный роман Жорж Санд; Розова З. Г. «Дубровский» Пушкина и «Новая Элоиза» Руссо. — В кн.: Вопросы русской литературы. Львов, 1971, вып. 3 (18), с. 64—69; Зборовед И. В. «Дубровский» и «Гай Мэннеринг» В. Скотта. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977, с. 131—136. — Наиболее полно источники «Дубровского» представлены и подвергнуты критическому функциональному анализу в работах Н. Н. Петруниной последних лет: К творческой истории романа «Дубровский». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 15—23; Пушкин на пути к роману в прозе. «Дубровский».

⁵ См.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964, с. 142—161. — Очерк, в котором приведены сведения о романтическом культе Кальдерона в России, был впервые напечатан в сб.: Культура Испании. [М.], 1940, с. 353—425. — Недавно очерки М. П. Алексеева были переведены на испанский язык и опубликованы отдельной книгой издательством «Нора Н» (Aleksëev Mijail. Rusia y España: una respuesta cultural. Madrid, 1975). См. также: Turkevich L. B. Calderón en Rusia. — Revista de filología hispánica. Buenos Aires, 1939, № 2, p. 139—158; Weiner J. Mantillas in Moscow. The Spanish Golden Age Theater in Tsarist Russia, 1672—1917. Lawrence, 1970.

⁶ В письме от 14 марта 1825 г. Пушкин просил брата прислать ему французский перевод «Чтений» А. Шлегеля (XIII, 151). Знаменательно, что в этом французском издании (Schlegel A. W. Cours de littérature drama-

звоянию заложенных в драматургии Кальдерона богатств давалась в книге Ф. Шлегеля «История древней и новой литературы»: «... высокое превосходство, которое стяжала христианская трагедия и драма чрез сего великого и божественного поэта, блистая в лучезарной дали, должно служить путеводным фаросом, как образец почти достижимый для каждого, кто решился бы на смелое предприятие извлечь драматическую сцену из нынешнего ее позорного упадка. Не в равной степени можно у нас применять внешнюю драматическую форму испанцев, которую надлежит тщательно различать от формы внутренней, ибо сия последняя, по господствующему в ней развитию более лирическому, бесспорно подходит к нам ближе, чем сжатость Шекспира, более эзико-историческая. Многоцветную полноту образов и картин, рождаемых плодovитoю фантазиею Юга, которая составляет особенную отличительность внешней формы и поэтического языка испанской трагедии, можно признать прекрасною там, где такое изобилие природно; переимчивости же искусства она не дается».⁷ В конце 1820—начале 1830-х гг. появились первые переводы на русский язык и перделки драм и комедий Кальдерона для русской сцены.⁸

tique. Paris, 1814, t. 1—3), находившемся в его библиотеке, страницы разрезаны до конца главы, посвященной испанской драматургии (прежде всего творчеству Кальдерона). Об интересе Пушкина к сочинению Шлегеля см.: Козмин Н. К. Взгляд Пушкина на драму. (Памяти Пушкина. Сборник статей. СПб., 1900, с. 207 след.). Что касается трактата Сисмонди, то в четвертом томе принадлежавшего Пушкину издания этого труда (Simonde de Sismondi J. C. L. De la littérature du Midi de l'Europe. 3-ème édition. Paris, 1829, t. 4), в разделе, посвященном творчеству Кальдерона, страницы также разрезаны. Особой темой является рассмотрение восприятия Пушкиным драматургии Кальдерона в контексте общего его интереса к Испании и ее культуре. Об испанской теме у Пушкина см.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв., с. 143, 149—152, 159—164; Державин К. Н. Занятия Пушкина испанским языком. — Slavia, г. XIII, seš. 1, 1934, s. 114—120; Кржеvский Б. А. Из темы «Пушкин и испанская литература». — В кн.: Кржеvский Б. А. Статьи о зарубежной литературе. М.; Л., 1960, с. 306—308; Балашов Н. И. Пушкин и испанская драма XVII в. на славянские темы. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. Л., 1966, с. 27—38.

⁷ Шлегель Ф. История древней и новой литературы. СПб., 1830, ч. 2, с. 137—138. — Одним из первых откликов на инициативу братьев Шлегелей явилась статья — в основном компилятивного характера — Ф. Булгарина «Взгляд на историю испанской литературы», в которой автор учил своих читателей удивляться в сочинениях Кальдерона «смелости мыслей и великому таланту в изображении иногда великих, большею же частью ужасных характеров» (Сын отечества. СПб., 1824, ч. 73, с. 7).

⁸ Впрочем, первая переделка комедии Кальдерона (через посредство французской версии) была осуществлена еще в XVII столетии. Комедия «Пикельяри, или Жуделет, самый свой торьмовый заключник» (см.: Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725. СПб., 1874, т. 2, с. 105—195) восходит к комедии Кальдерона «El alcaide de sí mismo» (см.: Weiner J. Mantillas in Moscow, p. 12—16). Кроме того, «вольное переложение» фрагмента из комедии Кальдерона «El escondido y la tarada», озаглавленного «Чулан», принадлежит перу Екатерины II (см.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв., с. 80; Weiner J. Mantillas in Moscow, p. 16—18). Однако лишь в 1828 г. в «Московском вестнике», наиболее последовательно пропагандировавшем творчество Кальдерона в ключе немецкой романтиче-

Отзывы Пушкина о Кальдероне были неизменно восторженными. Характерным в этом смысле является его мнение, высказанное в статье «О народной драме и драме „Марфа Посадница“»: «Со всем тем Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недостигаемой — и их произведения составляют вечный предмет изучений и восторгов» (XI, 72). Впрочем, по всей вероятности, сам Пушкин серьезно «изучать» Кальдерона начал не ранее 1830 г. Как известно из его письма 1825 г. к Н. Н. Раевскому, в это время он еще произведений столь чтимого им испанского драматурга не читал.⁹ Однако это знакомство, видимо, состоялось в самом начале 1830-х гг., когда испанская тема начинает звучать в его творчестве особенно отчетливо. К этому времени в пушкинской библиотеке уже имелось четырехтомное лейпцигское издание Кальдерона на испанском языке.¹⁰ Наконец, к 1830—1831 гг. относятся занятия Пушкина испанским языком, который он «понимал настолько, что мог уловить смысл предложения и сделать перевод как с испанского, так и на испанский без словаря».¹¹ «Дубровский», замысел которого возник у Пушкина в сентябре 1832 г., был написан в 1832—1833 гг.; таким образом, сама возможность подобной литературной связи не должна вызывать сомнений.

Драма «Поклонение кресту» («La devoción de la cruz»), одна из самых характерных религиозно-философских драм барокко, пользовалась в России широкой известностью. Большое внимание уделял ей А. В. Шлегель, перу которого принадлежит прекрасный перевод ее на немецкий язык. Драма «Поклонение кресту» — одна из лучших у Кальдерона, с точки зрения Ф. Шлегеля.¹² Пушкину несомненно были известны и некоторые другие отзывы об этом знаменитом произведении Кальдерона в литературной критике. Что касается лейпцигского издания произведений испанского драматурга в его библиотеке, то страницы разрезаны в нем только в драме «Маг-

ской эстетики, появился *перевод* первого действия комедии Кальдерона «Трудно стеречь дом о двух дверях», выполненный с испанского П. В. Киреевским. В примечании к переводу «Московский вестник» оповестил своих читателей о работе Киреевского над переводами других произведений испанского драматурга. 7 января 1831 г. в Большом театре в Петербурге была поставлена в бенефис В. А. Каратыгина драма Кальдерона «Врач своей чести» («El médico de su honra»), переведенная самим Каратыгиным и озаглавленная им «Кровавая рука» (см.: Каратыгин П. А. Записки. Л., 1930, т. 2, с. 412).

⁹ «Je n'ai pas lu Calderon ni Vega» («Я не читал ни Кальдерона, ни Веги») (XIII, 197).

¹⁰ Las comedias de D. Pedro Calderón de la Barca, contejadas con las mejores ediciones hasta ahora publicadas, corregidas y dadas a luz por Juan Jorge Keil. Leipsique, 1827—1828, t. 1—4.

¹¹ Руюко Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 87. — Таким образом, подтвердилось свидетельство С. Л. Пушкина, что его сын «выучился в зрелом возрасте по-испански» (см.: Цявловский М. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1934, с. 376).

¹² С этим мнением современников Пушкина могла познакомиться, например, следующая публикация: Из Шлегелевой Истории Литературы. О Романах и Драматической поэзии Испанцев. — Московский вестник, 1828, ч. 9, с. 292.

чудодей» («El mágico prodigioso»).¹³ Однако характерно, что единственная цитата, встречающаяся в статьях Пушкина, свидетельствующая о «поэтической дерзости» Кальдерона, взята им, возможно, именно из драмы «Поклонение кресту». «Кальдерон, — пишет Пушкин, — называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле» (XI, 61).¹⁴ Ему могло быть известно мнение о драме Кальдерона тех из его знакомых, которые ее несомненно читали. Особого внимания в этой связи заслуживает точка зрения П. А. Катенина, осторожно, однако недвусмысленно выступившего против насаждавшегося немецкой романтической эстетикой одностороннего понимания творчества Кальдерона. Среди прочитанных им произведений испанского драматурга был «Крестом озаменованный разбойник».¹⁵

Сюжет сложной многогранной религиозно-философской драмы Кальдерона в интересующем нас плане сводится к следующему. Побуждаемый законами чести, согласно которым мужья, отцы и братья должны мстить в тех случаях, когда, по их представлению, была затронута честь женщины, Лисардо вызывает на дуэль своего друга Эусебио, осмелившегося писать письма его сестре Хулии, вместо того чтобы просить ее руки у ее отца. Эусебио на дуэли убивает Лисардо. Тем самым он обрекает себя на жизнь преследуемого законом преступника. Лишенный имущества и права видеть свою возлюбленную, он становится в главе шайки разбойников. Курцио, отец Хулии, отправляет ее в монастырь, и под его предводительством крестьяне и солдаты начинают поиски Эусебио и его шайки. Тем временем Эусебио проникает в монастырь и встречается с Хулией. Однако, увидев у нее на груди тот же знак Креста, которым с рождения отмечен он сам, в ужасе убегает. Оскорбленная Хулия покидает монастырь и, переодевшись мужчиной, вступает в его шайку. Во время осады пристанища разбойников один из людей Курцио убивает Эусебио. Перед смертью тот узнает, что Курцио — его отец, а Хулия — его сестра. К драме «Поклонение кресту» вполне приложимы стихи Кальдерона из драмы «Двое возлюбленных неба» («Los dos amantes del cielo»), которые, как считает Н. И. Балашов, такими словами обобщают «самую сущность проблем века»:¹⁶

Males, ¿ pues no basta haber sido males,
Sino males opuestos haber sido? ¹⁷

¹³ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. — Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, с. 183.

¹⁴ ¿ No ves la esfera de fuego
poblada de ardientes rayos?

(Calderón de la Barca P. Comedias religiosas. La devoción de la cruz. El mágico prodigioso. Madrid, 1970, p. 73). Из контекста ясно, что речь идет о молниях, которые герой пьесы Эусебио, стремящийся проникнуть в монастырь, воспринимает как божий глас, как предостережение.

¹⁵ См.: Катенин П. О поэзии испанской и португальской. — Литературная газета, 1830. т. II, № 50, с. 112.

¹⁶ Балашов Н. И. Религиозно-философская драма Кальдерона и идейные основы барокко в Испании. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 178.

¹⁷ Calderón de la Barca P. Obras completas. Madrid, 1966, t. I, p. 1085.

(Путь полный бед. Что полон бед он — мало?
Так бед, еще друг с другом не согласных!)

Следует тут же оговорить, что в драме, помимо всего вышеизложенного, большое значение имеет тема, связанная с идеей креста как неумиряющего и всемогущего символа, мотив кровосмешения и т. д.¹⁸

Естественно, что особой близости между драматическим произведением эпохи барокко, теснейшим образом связанным с традициями испанской литературы, испанским национальным мироощущением, и русским романом 30-х гг. XIX столетия не могло и быть. Резкая противоположность методов и жанровые отличия могут свести на нет любое внешнее проявление литературной связи. Тем более знаменательны те черты близости, которые несомненно между этими произведениями имеются.

«Поклонение кресту» Кальдерона как отдаленный и, возможно, опосредованный литературный источник интересно тем, что в нем в едином сюжете присутствуют сразу несколько из тех мотивов и тем, которые в отдельности были до сих пор выявлены исследователями «Дубровского» и охарактеризованы как в той или иной мере значимые для замысла романа ряды литературной традиции. Прежде всего следует отметить, что конфликт в «Поклонении кресту», как и в «Дубровском», мотивирован социально. Кодекс дворянской чести, важнейшая пружина испанской драматургии Золотого века, не позволяя Курцию, представителю старинного, но обедневшего рода, отдавать дочь замуж за Эусебио, также представлявшего родовую аристократию, но преуспевающую ее часть.¹⁹ Хотя конкретное выражение конфликта абсолютно различно и обусловлено в каждом случае национальными и историческими причинами, возникает он тем не менее и в «Поклонении кресту» и в «Дубровском» как следствие оскорбленной сословной гордости.

Необходимость защищать свои интересы заставляет героев преступить законы общества, которое, лишив их имущества и преследуя, вынуждает их стать разбойниками:²⁰ «Общество, словно я убил Лисардо нечестным путем, обрушило на меня такие преследования, что его ярость и мое отчаяние вынуждают меня в заботе о своей жизни безжалостно отнимать жизнь

¹⁸ О драме «Поклонение кресту» см., в частности: Valbuena Prat A. Prólogo. In: Calderón de la Barca P. La devoción de la cruz. El mágico prodigioso. Madrid, 1970, p. XXVIII—XLVII; Honig E. Calderón and the seizures of honor. Cambridge, 1972, p. 53—80.

¹⁹ Ср., например, следующие два фрагмента.

«Бедный дворянин, у которого благородство и состояние неравноценны, имеющий дочь девицу, дабы не обесцветить кровь, делает убежищем дочери монастырь, ибо бедность — преступление» (Calderón de la Barca P. Op. cit., p. 12).

«Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки» (VIII, 162).

²⁰ К. Д. Бальмонт так характеризует судьбу и одновременно душевное состояние Эусебио: «Однажды преступив черту, он неизбежно делает все новые и новые преступления <...> громоздит злодеяния, чтобы величием их заглушить отчаяние в сердце и создать новый, искаженный, но полный страстей мир в противовес тому миру, который им утрачен» (Кальдерон. Сочинения. Пер. К. Д. Бальмонта. М., 1902, вып. 2., с. 241).

у других. Меня лишили имущества, конфисковали поместья и в своей непреклонности отказывают мне даже в пропитании».²¹

«Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах» (VIII, с. 205).

Подобно Дубровскому Эусебио, как разбойник, проявляет благородство и великодушие, впрочем весьма своеобразное, ибо оно заключается в том, что он заставляет своих людей устанавливать крест над могилкой каждой их жертвы, но иногда он даже отпускает с миром людей, отмеченных, по его мнению, милостью Креста.²²

Став разбойником, Эусебио продолжает любить дочь своего врага, который преследует его с отрядом, состоящим из ненавидящих героя крестьян и солдат. Любопытно, что возможность аналогичного сюжетного хода имеется в «Дубровском»: «Делать нечего, видно, мне вступаться в это дело, да пойти на разбойников с моими домашними» (XIII, 196).

Наконец, сцена осады солдатами земляного укрепления, за которым укрылись Дубровский и его люди, многими деталями напоминает осаду «разбойничьего логова» в последних сценах «Поклонения кресту».

Нет возможности в кратком сообщении останавливаться на оригинальности романа Пушкина, равно как и нет в том нужды, ибо об этом немало написано.²³ Как справедливо отметил Н. Л. Степанов в связи с проблемой литературных источников тех или иных прозаических произведений Пушкина, «дело не в этих общих ситуациях, а в том, как именно они раскрыты, какое идейное содержание в них вложено, какие характеры показаны авторами».²⁴

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что Пушкина в «Поклонении кресту» заинтересовали совсем не те особенности драмы, которые настойчиво акцентировались немецкими романтиками.²⁵ Это подтверждает наблю-

²¹ Calderón de la Barca P. Op. cit., p. 44.

²² Кстати сказать, повествования о герое-разбойнике, широко распространенные в европейских литературах конца XVIII и начала XIX в., в значительной мере восходят к образу благородного разбойника Роке Гинарте из второй части «Дон Кихота» (гл. IX).

²³ Г. А. Гуковский, например, писал: «Пушкин перенес традиционный мотив романтического героя-разбойника из плоскости индивидуального бунтарства в плоскость социально обоснованной борьбы общественных групп, осложнив его к тому же темой классовой борьбы крестьянства» (Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, с. 372).

²⁴ Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М., 1962, с. 187.

²⁵ См., например, следующую характеристику драмы, данную швейцарцем Симонди, испытавшим влияние немецкого романтизма: «Эусебио — это запятнанный кровосмесением разбойник, профессиональный убийца, сохраняющий, однако, при своих злодеяниях, благоговейное отношение к Кресту, у подножья которого он был рожден и знаком которого он отмечен, и устанавливающий крест над могилкой каждой из своих жертв <...> его сестра и одновременно любовница Хулия, еще более отчаянная и жестокая, чем он, относится к Кресту с тем же суеверным трепетом. Он погибает в бою против солдат, приведенных его собственным отцом. Бог оживляет Эусебио, с тем чтобы некий святой отец мог исповедовать его и чтобы позволить ему таким образом войти в рай» (Simonde de Sismondi J. C. L. De la littérature du Midi de l'Europe, t. 4, p. 131). Цитируем (в нашем переводе) по изданию, находившемуся в библиотеке Пушкина.

дение М. П. Алексеева, что испанская тематика в творчестве Пушкина не ведет к немецким источникам, а восходит к французской и английской литературе.²⁶

В. Е. Багно

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ ИСТОКИ ОДНОГО ИЗ МОТИВОВ «СКАЗКИ О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ»

В предыдущей нашей заметке мы указали на арабскую фольклорную основу мотива о золотом петушке в сказке Пушкина и постарались выявить сам арабский источник, который дошел до поэта не непосредственно, а окольным путем.¹ Этим тема восточного воздействия в данном произведении, как нам представляется, не исчерпана. Мы хотим предложить вниманию пушкинистов другую заметку, в которой попытаемся осветить следы такого воздействия в известном наброске поэта к сказке, который не вошел в ее основной текст:

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

(III, 304; Справочный том, 26)

Предпринятое нами исследование этих строк позволило выяснить их арабскую (египетскую) основу, которую Пушкин также воспринял в преломленном виде, на страницах одной из новелл Вашингтона Ирвинга — «Легенды об арабском астрологе». Дальнейшее изучение поразило нас, ибо за фасадом арабской волшебной сказки, о чем речь ниже, угадывается все более и более реальный обычай, восходящий ко времени фараонов, и притом к самым отдаленным периодам этой колоссальной эпохи.

В этнографии хорошо известно свойственное многим народам представление о тождестве изображенного и изображаемого, имени и его носителя, названия вещи и самой вещи.² Этнография знает множество примеров борьбы с врагами на магической основе — путем борьбы с изображе-

²⁶ См.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв., с. 159—163.

¹ См.: Бойко К. А. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 113—120.

² См., например: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Пер. с французского / Под ред. проф. В. К. Никольского и А. В. Кискина. М., 1930; Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980, с. 20—61.

ниями врагов. До самого нового времени в просвещенной Европе доживал свой век обычай казни изображения врага, если он оказывался недоступен юрисдикции данного государства.³

Подобные представления в древнем Египте образуют сложную и стройную систему, требующую специального глубокого изучения, которое лежит вне области наших занятий и не может быть поэтому нашей задачей. Однако в системе этих представлений выделяется определенная структура, которая, насколько мы можем судить, является специфически египетской. Тем интереснее найти контуры этого комплекса представлений, о которых мы сейчас будем говорить, в раннем арабском историческом фольклоре.

Комплекс этих представлений заключается в следующем. Речь идет об отношении в фараоновском Египте к внутренним и внешним врагам. Внутренних врагов, которых государство так или иначе не могло уничтожить лично (*in persona*), старались уничтожить магическим путем.⁴ Создавались надписанные по именам глиняные изображения этих людей, которые можно было разбить или которым можно было причинить какой-либо вред. Каждое такое действие, по представлению древних, давало «отзвук» по ту сторону. Подобные изображения известны нам от второй половины древнего царства (XXIV в. до н. э.) и прослеживаются до Нового царства (XVI—XV вв. до н. э.). Самый же обычай уничтожения врага средствами магии существовал до последних дней египетской государственности и наблюдается еще во времена Птолемеев.⁵

Но сейчас для нас интересен другой момент — магическая защита государства от внешних врагов. Механизм защиты в принципе был тот же самый: порча изображений или их уничтожение, надругательство над именем и тому подобное. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подобный способ защиты был превращен в определенную систему межгосударственных отношений. Магическое обеспечение безопасности приняло хорошо разработанные формы, максимально компактные и действенные, позволяющие описывать всех соседей Египта, сколько бы их ни существовало. Они группировались в специальные каталоги с точным указанием страны, имени ее царя, с обязательной идентификацией его личности путем указания всех ближайших родственников, окружения, союзников, которые делают или замышляют что-либо злое против Египта.

Древнейшие из таких каталогов нам известны от XX в. до н. э. Тексты проклятий (так называемые проскрипции) писались на статуэтках, на

³ См., например: *Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle*. Par P. Larousse. Paris, t. VII, p. 667 («Envoûtement»).

⁴ О практике обряда магической защиты в древнем Египте см.: Lexa F. *La magie dans l'Égypte antique de l'ancien empire jusqu'à l'époque copte*. Paris, 1925, t. 1, p. 44, 75—79, 104—107; Sauneron S. «Magie». — *Dictionnaire de la civilisation égyptienne* par G. Posener en collaboration avec S. Sauneron et J. Yoyotte. Paris, 1959; Posener G. *Philologie et archéologie égyptiennes*. — *Annuaire du Collège de France*, 74-e année. Paris, 1974, p. 397—405; Беркуттер Ж. *Затопленные крепости Нубии*. — *Курьер Юнеско*, 1980, март—апрель, с. 62—65.

⁵ См.: Евгенова В. И. *Магический папирус Salt 825 Британского музея как источник изучения египетских мистерий «защит»*. — *Известия АН СССР. Отделение общественных наук*, Л., 1933, № 6—7, с. 503—538; Матъе М. Э. *Древнеегипетские мифы*. М.; Л., 1956, с. 71—72, 75.

глиняных чашах, сосудах, на всем, что можно разбить. Обнаружены целые серии фигурок людей различных народностей, которые числились среди врагов египетского государства. По времени они покрывают весь период Среднего царства (от XX до XVIII или XVII в. до н. э. включительно) и имеют на себе тексты проклятий; это убедительно показывает, что магическая защита (или магическая расправа) широко практиковалась в храмах и являлась делом абсолютно повседневным на том уровне развития человеческого общества.⁶

Имеющиеся в распоряжении науки данные позволяют считать такую практику, поднятую на уровень государственной политики, явлением чисто египетским. Поэтому так естественно, что именно в легендарной истории фараоновского Египта, созданной местными мусульманскими учеными южноарабского происхождения, сохранилось предание о чудесах древней магии, в котором, по нашему мнению, улавливается несомненное сходство с обрядом «шорчи».

Имеется в виду редкий рассказ о древнеегипетской царице Далуке ибнат Забба и о жрице и чародейке Тадуре. Он известен в передаче арабомусульманского историка из Фустата⁷ Абдаллаха ибн Лахия (714—790), а затем его ученика Усмана ибн Салиха (761—834). Самый ранний дошедший до нас источник, который сохранил в редакции Усмана ибн Салиха рассказ об этих легендарных женских персонажах, — исторический труд «Футух Миср» («Завоевание Египта») Ибн Абд ал-Хакама (ум. 870).⁸

Согласно этому преданию, которое усвоило (как и другой ранний арабский легендарный материал) некоторые библейские идеи и представления, после того как был потоплен фараон с его войском и знатью, в стране остались лишь женщины, рабы и слуги. Знатные женщины единогласно избрали на царство мудрую «старуху» Далуку ибнат Забба. Так как вместе с фараоном погибли и чародеи, которые придавали египтянам силу, Далука, чтобы обезопасить Египет от нападений извне, обнесла его стеной.⁹

В связи с темой заметки нас интересует, однако, вторая часть этой легендарной истории, озаглавленная у Ибн Абд ал-Хакама «Рассказ о строительстве храмов».¹⁰ Ниже следует перевод рассказа.

«Говорит Усман ибн Салих в своем рассказе: И была там старуха-чародейка по имени Тадура. Чародеи возвеличили ее и сделали главной в их знании и ведовстве. Далука ибнат Забба послала к ней: „Мы нуждаемся в твоих чарах и обращаемся к тебе. Мы не уверены, что цари не пожелают захватить нас. Сделай нам что-нибудь такое, чем мы могли бы

⁶ См.: Sethe K. Die Ächtung feindlicher Fürsten. — Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1926; Posener G. 1) Princes et pays d'Asie et de Nubie. Bruxelles, 1940; 2) «Ächtungstexte». — Lexikon der Ägyptologie, herausgegeben von W. Helck und E. Otto. Wiesbaden, 1975, Bd I, S. 67—69.

⁷ Фустат — крупное военное поселение, основанное арабами-завоевателями, на месте которого позже возник Каир.

⁸ The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain known as the Futuh Misr of Ibn Abd al-Hakam. Ed. by Ch. C. Torrey, New Haven, 1922 (далее: Ибн Абд ал-Хакам, Футух Миср), p. 26—28.

⁹ См.: Ибн Абд ал-Хакам, Футух Миср, с. 27.

¹⁰ См.: там же, с. 27—28.

победить того, кто вокруг нас. Ведь раньше и фараон в тебе нуждался, как же! Между тем, самые великие наши исчезли и остались наши самые ничтожные“. Выстроила она храм из камня в середине Мемфиса и сделала в нем четверо ворот, все они в направлении киблы,¹¹ моря, Запада и Востока. Изобразила она на храме фигуры лошадей, мулов, ослов, кораблей и людей, сказав: „Сделала я для вас дело, которое погубит всякого, кто направится к вам с любой стороны, пойдут ли они сушей или морем. А это то, что сделает для вас ненужной крепость и устранил от вас заботу о ней. И если кто-нибудь прибудет к вам с любой стороны, будут ли эти люди на суше, на конях, на мулах, или верблюдах, или на кораблях, или явятся пешими, эти изображения зашевелиятся с той стороны, откуда они выступят. И то, что вы причините изображениям, это же самое постигнет их самих, сообразно с тем, что вы с ними сделаете“. Узнав, что их управление перешло в руки женщин, соседние цари решили победить их и направились к ним. Когда они приблизились к области Египта, то изображения на храме пришли в движение. И принимались они не только трогать эти изображения чем-либо, но и что-то им причинять, и подобное этому же поражало войско, которое к ним направлялось. Если это была конница, то то же самое, что они делали с этими изображенными на храме конями — отрубали им головы или ноги, или выкалывали глаза, или вспарывали им животы, — случалось вслед за этим с конницей, которая двигалась к ним. Если же это были корабли или пехота — то подобное этому. А они — самые знающие люди в ведовстве и самые сильные в нем. Распространилась молва об этом, и их стали остерегаться».

Итак, мы видим, что в этом волшебном рассказе действие происходит в Египте, в столице страны Мемфисе. Повинуясь царице Далуке, жрица Тадура возводит храм и высекает на его стенах со всех сторон изображения пехоты, конницы и кораблей соседних вражеских государств. Нанесение урона изображениям вызывает такой же урон в стане врага, когда он движется к Египту, и опасность устраняется. Нам представляется, что здесь описан магический обряд «порчи», который исполняется по велению свыше, т. е. так, как он практиковался при фараонах в борьбе с внешними врагами. Если это предположение верно, то рассказ из истории Ибн Абд ал-Хакама получает таким образом объяснение и обретает историческую почву. Вне этой практики он выглядит как чистый вымысел.

Но не только у Ибн Абд ал-Хакама встречается описание магического обряда порчи. Рассказ с аналогичным сюжетом, в котором следует на основании вышеуказанного также усматривать отражение подобной практики, содержится во французском переводе анонимного арабского сочинения «Ахбар аз-заман», посвященного чудесам и диковинкам древнего Египта (перевод этого редкого списка арабского сочинения, впоследствии утраченного, был выполнен П. Ватье в 1666 г.).¹²

¹¹ Кибла — сторона, к которой мусульмане обращаются лицом во время молитвы.

¹² См.: L'Egypte du Murtadi fils du Gaphippe, où il est traité des Pyramides, du débordement du Nil, et des autres merveilles de cette Province, selon les opinions et traditions des Arabes. De la traduction de M. Pierre Vattier... Paris, 1666, p. 15—17.

Мы имели уже возможность показать, что один рассказ версии Ватъё послужил источником мотива стерегущего талисмана у двух авторов: В. Ирвинга в его «Легенде об арабском астрологе» (1832) и А. С. Пушкина в его «Сказке о золотом петушке» (1834, опубл. 1835).¹³ В нем повествуется о правительнице и жрице Египта, которая в версии Ватъё фигурирует под именем Борса. Кроме стерегущего талисмана в форме барана и петушка, посаженных на стержень, она возвела много диковинных построек, среди которых — дом из магнита. В нем она поместила фигурки всех соседних царей, а снаружи выставила стражу. Когда какой-нибудь царь отправлялся с войском в поход против Египта, его изображение в доме из магнита начинало шевелиться, что давало возможность определить, с какой стороны исходит угроза. Стражники брали алебарды и шпаги, сделанные магическим способом, и принимались колоть и резать фигуру царя. Тотчас же в стане врага возникала братоубийственная война, воины убивали друг друга, и царь отступал.

Не подлежит сомнению зависимость Ирвинга от этого фрагмента древней арабской легенды в том месте новеллы, где рассказывается о диковинной башне, которую соорудил для гранадского эмира астролог. В верхней части ее «находился круглый зал с окнами, выходящими на все стороны небосклона; у каждого окна стоял стол, на котором было выстроено в боевом порядке, как на шахматной доске, крошечное войско пеших и конных воинов во главе с фигуркою, изображающею того государя, чьи земли простирались в данном направлении. На каждом столе лежало также небольшое копьё, величиною с сапожное шило».¹⁴

Когда вражеское войско выступает с какой-либо стороны, его «дубликат» приходит в движение. Эмир, по указанию астролога, касается копьём этих фигурок, одни он колет, другие ударяет тупым концом копья. В войске неприятеля происходит замешательство: одни воины падают жертвою, другие начинают сражаться друг с другом, наконец оставшиеся в живых отступают в свои пределы.

Эта картина обряда магической защиты государства под пером Ирвинга претерпела, как видим, некоторые изменения и была в свою очередь использована Пушкиным в строках, процитированных выше.

Если у Ирвинга фигурки воинов расставлены астрологом в боевом порядке, на нескольких столах, наподобие шахматных, то у Пушкина в его незавершенном наброске описан один «столик с шахматной доскою», куда царь ставит восковые фигурки воинов.

¹³ См.: Бойко К. Восточные корни мотива о золотом петушке в сказке А. С. Пушкина. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (доклады и сообщения по арабистике). М., 1978, с. 14—20; Бойко К. А. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 113—120; Бойко К. А. Источник сказки А. С. Пушкина о золотом петушке. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР, ч. II (доклады и сообщения по арабистике). М., 1981, с. 58—61.

¹⁴ Ирвинг В. Легенда об арабском астрологе. — В кн.: Ирвинг В. Новеллы. М.; Л., 1947, с. 363.

Безымянный царь здесь — это, конечно, старый Дадон, страдающий от набегов своих соседей. Перед ним фигурки вражеских воинов, над которыми он собирается совершить обряд «порчи», чтобы обезопасить таким образом свои границы от их нападения.

Все имеющиеся в наличии данные позволяют, таким образом, заключить, что пушкинский отрывок доносит до нас отголоски древней действительности — эхо обычаев, восходящих к началу истории человечества. Пушкин объективно отразил обряд времен строительства пирамид, трансформировав его как органическую черту, неотъемлемый элемент русской народной сказки.

К. А. Бойко

О ПУШКИНСКОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА А. И. БИБИКОВА К Д. И. ФОНВИЗИНУ

В ЦГАЛИ СССР, в собрании бумаг Дениса Ивановича Фонвизина (1745—1792), хранится папка с письмами генерала Александра Ильича Бибикова (1729—1774), который в декабре 1773—апреле 1774 г. предводительствовал войсками, посланными на подавление Пугачевского восстания. В конце 1820-х гг. эти письма вместе с другими материалами архива Фонвизина оказались в руках П. А. Вяземского,¹ трудившегося в ту пору над жизнеописанием знаменитого драматурга.² Позднее Вяземский предоставил фонвизинское собрание писем Бибикова Пушкину. Этого военачальника Пушкин относил к числу «замечательнейших лиц» в окружении Екатерины II и «благороднейших характеров того времени». Бибиков, по характеристике Пушкина, был «смел в своих суждениях», его отличали «свобода мыслей» и «всегдашняя оппозиция» к мнениям царедворцев, и потому императрица хотя и «уважала Бибикова и уверена была в его усердии, но никогда его не любила» (IX, 32, 372, 475). То, что этот деятель в то же время играл ведущую роль в подавлении «Пугачевщины», не могло не вызвать глубокого интереса Пушкина к его донесениям и письмам. Они при всей их лаконичности отличались емкостью и выразительностью содержания, откровенностью, меткими характеристиками лиц и событий — теми достоинствами, которые соответствовали литературному вкусу самого Пушкина. При разыскании этих документов поэт целеустремленно использовал любую предоставляющуюся ему возможность: выявлял их в архивных де-

¹ В дневниковой записи от 7 ноября 1824 г. Вяземский отметил: «Составляя биографию Фон-Визина, я нашел в бумагах его письма Бибикова» (Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 203). См. также: Новонайденный автограф Пушкина. Подготовка текста, статья и комментарий В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона. М.; Л., 1968, с. 61—62.

² Завершив работу над рукописью биографии Фонвизина в середине 1830-х гг., Вяземский издал ее в 1848 г. (Вяземский П. Жизнь Фон-Визина. СПб., 1848).

лах Секретной экспедиции Военной коллегии, извлекал из книги А. А. Бибикова «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова» (СПб., 1817). Собранные донесения и письма Бибикова Пушкин ввел цитатами в текст «Истории Пугачева», а некоторые из них опубликовал в составе приложений к этому труду (IX, 39, 43, 44, 45, 49, 106, 107, 110, 111, 161, 198—202). Год спустя после выхода в свет «Истории Пугачева» Пушкин возобновил розыски тех донесений Бибикова периода «Пугачевщины», к которым он не получил доступа в 1833—1834 гг. 19 декабря 1835 г. поэт обратился с письмом к директору инспекторского департамента военного министерства генералу П. А. Клейнмихелю, прося выдать для ознакомления «последние письма и донесения генерала Бибикова (1774 года)» (XV, 63).³

О том, что в начале 1830-х гг. Вяземский передал письма Бибикова к Фонвизину Пушкину, свидетельствует примечание 4 к главе пятой «Истории Пугачева»: «См. в Приложении письмо Бибикова к фон-Визину. Письмо сие, вместе с другими драгоценными бумагами, доставлено было родственниками и наследниками фон-Визина князю Вяземскому, занимавшемуся биографией автора Недоросля» (IX, 110). В полученных Пушкиным от Вяземского бумагах Фонвизина находилось 17 писем Бибикова;⁴ первые 16 из них (с датами от 26 ноября 1771 г. по 7 августа 1773 г.) посланы из Варшавы и освещают деятельность Бибикова на посту командующего русскими войсками в Польше, а последнее, 17-е письмо, отправленное 29 января 1774 г. из Казани, дает обобщенную характеристику состояния юго-восточного края России (Урал, Прикамье и Поволжье), охваченного грандиозным народным движением, во главе которого стоял Емельян Пугачев. Письмо Бибикова от 29 января 1774 г. было для Пушкина ключевым источником, объясняющим социальную природу пугачевского движения. В тексте пятой главы «Истории Пугачева» Пушкин в несколько измененном виде привел «замечательные строки» из письма Бибикова: «Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры, Яицкие казаки: не Пугачев важен; важно общее негодование» (IX, 45)⁵ — строки, содержащие характеристики и оценки, совпадающие с пушкинской концепцией причин пугачевского движения, его размаха, а также положения Пугачева среди яицких казаков — застрельщиков и вожаков восстания 1773—1775 гг.

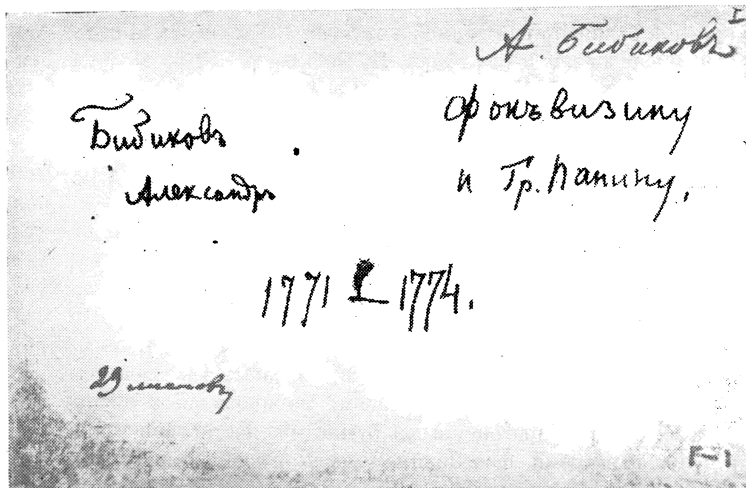
Не ограничившись цитированием письма Бибикова, Пушкин собственноручно снял с него копию,⁶ а позже по этой копии опубликовал его текст в составе приложений к «Истории Пугачева» (IX, 201—202). Следует заметить, что поэт несколько вольно подошел к копированию письма Бибикова: не воспроизвел двух фраз, опустил или неточно передал отдельные слова, подновил орфографию, в отдельных случаях переставил слова и т. п. Однако пушкинская копия при всех ее археографических изъянах верно передает основное содержание письма Бибикова.

³ Подробнее об этом см.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969, с. 178—181.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 517, оп. 1, д. 5, л. 1—19 об.

⁵ В архивном оригинале письма эти строки выглядят так: «Вить не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование. А Пугачев — чучело, которую воры — яицкия казаки играют» (ЦГАЛИ, ф. 517, оп. 1, д. 5, л. 19).

⁶ См. наборную рукопись «Истории Пугачева». ПД, 1223, л. 341.

Конверт, в котором хранились письма А. И. Бибиикова к Д. И. Фонвизину, с пометой Пушкина («А. Бибииков»).

Ниже публикуется архивный оригинал письма Бибиикова к Фонвизину. В подстрочных примечаниях к нему отмечены основные отступления пушкинской публикации от текста подлинника, все же мелкие различия в текстах устанавливаются при сопоставлении оригинала с пушкинской копией в «Истории Пугачева».

Генваря 29 дня 1774 г. Казань.

Благодарю тебя, мой любезный Денис Иванович, за дружеское и приятнейшее письмо от 16 генваря и за все сделанные в нем⁷ уведомления. Лесно слышать полагаемую от всех на меня надежду в успехе моего нынешняго дела. Отвечаю за себя, что употреблю все способы, и забочусь ежечасно, чтоб успеть⁸ истребить на толиком пространстве разлившейся дух мятежа и бунта. Вить мы везде и начали злодеев, да только сей саранчи умножилось до числа невероятного.⁹ Побить их я не отчаеваюсь, да успокоить почти всеобщаго черни волнования великия предстоит трудности. Более ж всего неудобным делает то великая обширность сего зла. Но буди воля господня! делаю и буду делать что могу. Неужели то проклятая сволочь не образумится? Вить не Пугачев важен, да важно всеобщее негодо-

⁷ В публикации Пушкина (далее — п. II.) вместо *в нем* напечатано *вами*.

⁸ Слово *успеть* в п. II. опущено.

⁹ В п. II. слова *числа невероятного* воспроизведены в обратном порядке: *невероятного числа*.

ванне. А Пугачев — чучела, которою воры — яцкия казаки играют. Все спе между нами, и письмо — прочот¹⁰ — предай огню.¹¹

Уведомляй, мой друг, сколь много часто о делах внешних. Неужли-то мы и теперь о мире не думаем?¹² Эй, пора, право, пора! Газеты я получил; надеюсь, что по твоей дружбе и вперед получать буду. Приложенныя письма, также и посылку к барону Ашу¹³ в Варшаву, ежели жена моя¹⁴ пришет, пожалуй, прикажи переслать.¹⁵ J'avais diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles.¹⁶ Mais non, ils les battent comme il faut, et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage.¹⁷ Да то беда, как нарочно все противу нас: и снега, и метели, и бездорожица. Но все однако ж одолевать будем. Прости, мой друг; будь уверен, что я тебя сердцем и душою люблю.

Напомяни, мой друг, графу Никите Ивановичу¹⁸ о бароне Аше. Он обещался ему по крайней мере хотя для сейму что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человеку поможешь.¹⁹

До последнего времени не было вполне ясно, опирался ли Пушкин при копировании письма Бибикова на его архивный оригинал или же на копию, сделанную в свое время Вяземским, который, как известно, скопировал для себя многие бумаги архива Фонвизина.²⁰ Вопрос этот решается при обращении к архивной папке с письмами Бибикова к Фонвизину. В папку вшит старый конверт, в котором со времени Вяземского и Пушкина хранились упомянутые письма. На лицевой стороне конверта имеется несколько помет — «Фон-Визину и гр. Панину», «Бибиков Александр», «1771—1774» и «29 листов», — оставленных неустановленными лицами. В правом верхнем углу конверта есть еще одна надпись карандашом — «А. Биби-ков», — сделанная характерным пушкинским почерком. Это и есть бесспорное свидетельство того, что в руках Пушкина был архивный оригинал письма Бибикова к Фонвизину.

Р. В. Овчинников

¹⁰Прочот дано в значении прочитав или прочитавши.

¹¹Фраза *Все сие — предай огню* в п. П. не воспроизведена; видимо, поэт учитывал возможное цензорское замечание.

¹²Фраза *Неужли-то — не думаем?* в п. П. дана в иной редакции: *Неужели и теперь о мире не думаете?*

¹³Аш Иван Федорович, барон, представитель русской военной администрации в Польше.

¹⁴Бибикова Анастасия Семеновна.

¹⁵Фраза *Приложенныя письма. — прикажи переслать* в п. П. не воспроизведена.

¹⁶Слова *de mettre* и *des rebelles* подчеркнуты А. И. Бибиковым.

¹⁷*Перевод*: Я чертовски боялся за своих солдат, как бы они не поступили так же, как гарнизонные, и не сложили оружия перед мятежниками. Но нет, они их бьют как следует и обходятся с ними как с бунтовщиками. Это придает мне храбрости.

¹⁸Никита Иванович Панин, граф, канцлер, президент коллегии иностранных дел.

¹⁹ЦГАЛИ СССР, ф. 517, оп. 1, д. 5, л. 19 и 19 об.

²⁰См.: Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 180, 365.

ОБ ИСТОЧНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ГРИНЕВА

Цель этой заметки — уточнение печатного источника введенной Пушкиным в «Капитанскую дочку» (гл. IV) «песенки» Гринева «Мысль любовну истребляя...». Согласно примечаниям к наиболее массовым и авторитетным изданиям пушкинского романа,¹ «Пушкин приписал Гриневу стихотворение, заимствованное (в измененном виде) из „Нового и полного собрания российских песен“ (М., 1780, ч. I, с. 41, № 34)»,² изданного Н. И. Новиковым. На один из романсов новиковского песенника как на основу стихотворения Гринева впервые указал еще В. И. Чернышев в своей «Заметке к Пушкину. (Происхождение песенки Гринева «Мысль любовну истребляя»)».³ В 1928 г. в известной статье «Народные песни в „Капитанской дочке“ Пушкина» тот же источник (вероятно, независимо от В. И. Чернышева, работу которого он не упоминает) назвал и академик А. С. Орлов.⁴ Если В. И. Чернышев не учитывал того факта, что песенник Новикова в первых своих частях представляет собой лишь повторение более раннего «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова (ч. I—IV, СПб., 1770—1774) и, следовательно, есть вероятность, что Пушкин обращался именно к чулковскому изданию,⁵ то А. С. Орлов специально рассматривает этот вопрос. Не обнаружив в использованном им экземпляре «Собрания разных песен» романа «Мысль любовну истребляя...», А. С. Орлов пришел к заключению, что в данном случае Пушкин основывался на издании Новикова. В дальнейшем, исходя все из того же факта, исследователь высказал предположение, что и в целом в своей работе над «Капитанской дочкой» поэт «пользовался не чулковским песенником, а новиковским».⁶

Однако, как признается сам А. С. Орлов, не имея возможности ознакомиться с изданием 1770—1774 гг., он обращался в своей работе над статьей не к малодоступному изданию 1770—1774 гг., а к его позднейшей перепечатке.⁷ Здесь действительно интересующий нас текст отсутствует (хотя он и указан в оглавлении). Вместо него под № 34 стоит другой романс («Полно взор ко мне метать...»), повторенный далее и под № 58. Но данной ошибки нет в оригинальном издании «Собрания разных песен». В его первой части (СПб., 1770) под № 34 на с. 45—46 находим песню «Мысль любовну истребляя...». Следовательно, единственный аргумент, лежащий в основе суждений А. С. Орлова, несомнителен.

Более того, при сопоставлении текстов обоих песенников обнаруживается обстоятельство, позволяющее с достаточной определенностью утверж-

¹ См., например: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Изд. 4-е. Л., 1978, т. VI, с. 538; Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., 1964 (серия «Литературные памятники»), с. 250 и др.

² Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1977, с. 110.

³ См.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1904, вып. II, с. 25—26.

⁴ См.: Художественный фольклор. М., 1928, вып. 2, с. 80—95.

⁵ Такая точка зрения изложена в примечаниях И. Н. Медведевой к изд.: Пушкин А. С. Избр. произведения в двух томах. Л., 1961, т. 2, с. 789.

⁶ Художественный фольклор, с. 87.

⁷ Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. СПб., 1913, т. 1.

дать, что, создавая стихотворение Гринева, Пушкин пользовался именно сборником Чулкова. Дело в том, что текст романса «Мысль любовну истребляя...» в том виде, как он дан в «Новом и полном собрании российских песен», содержит одну значительную и очевидную погрешность. Если стихотворение в целом состоит из четверостиший с перекрестной рифмовкой, написано четырехстопным хореем, то его предпоследняя строфа грубо нарушает общий ритмический рисунок:

Ты ж узнав, что я пленен тобой,
Зря меня в жестокой части,
Сжался, сжался надо мной.⁸

В сборнике Чулкова, напротив, отмеченная строфа напечатана в ином, более правильном и близком к пушкинской переработке виде (в остальном тексты обоих песенников совпадают). Приведем стихотворение полностью по редкому изданию 1770 г., сохраняя орфографию и пунктуацию оригинала:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И от взоров убегаю,
Тщуся вольность получить.
Но глаза, что мя пленили,
Всеминутно предо мной,
Те глаза, что дух смутили,
И разрушили покой.

*

Зря тебя всегда страдаю,
Без тебя везде гущу,
И тебя я убегаю,
И тебя везде ищу.
Ах! на толь тебя увидел,
И на толь тебя спознал
Чтобы жизнь возненавидел,
И собой владеть престал.

*

Весь мой нрав переменялся
С горестной минуты той,
С той, в котору я влюбился
И пленен твоей красой.
В ту минуту миновался
Уже мой спокойной век,
Как мой взор с твоим встречался,
В ту минуту он утек.

*

Тыж узнав мои напасти,
И узнав, что я пленен тобой,

⁸ Новое и полное собрание российских песен. М., 1780, ч. I, с. 41, № 34. — Эта шероховатость была в свое время отмечена В. И. Чернышевым, видевшим здесь «ошибку письма или печати», преодоленную Пушкиным при обработке исходного текста (см.: указ. соч., с. 26). Позднейшие исследователи не обращали внимания на данный факт и не комментировали его.

Зря меня в жестокой части,
Сжался, сжался надо мной.
Не жалея вспламенила,
Ты во мне, драгая, кровь,
Против воли заразила
И меня моя любовь.

Приведем для сравнения с предпоследним четверостишием романса заключительную строфу пушкинского текста:

Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой.

Предпринятое сопоставление позволяет не только уточнить печатный источник «песенки» Гринева, но и яснее представить себе размеры и характер пушкинской переработки оригинала.

Известно, что первая часть «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова, включающая заинтересовавший Пушкина текст, выходила трижды (СПб., 1770; СПб., 1776; М., 1783). И все же наиболее вероятным представляется обращение поэта к самой ранней из публикаций: первая часть «Собрания» в издании 1770 г. сохранилась в библиотеке Пушкина, в экземпляре есть ряд дефектов, но страницы с песней «Мысль любовну истребля...», как и с № 125, 153, 176, послужившими источниками эпиграфов к главам VI и V, уцелели.⁹

А. А. Карпов

АНГЛИЧАНИН КНИГОТОРГОВЕЦ, ЕЩЕ ОДИН ЗНАКОМЫЙ ПУШКИНА

Среди сохранившихся книг библиотеки Пушкина есть том сочинений Лабрюйера на французском языке. Это одно из многих выходивших почти одновременно и рассчитанных на широкий спрос изданий популярнейшего в первой трети XIX в. писателя. Убористо и четко напечатанная книга (формат 8°, 416 с.) оказалась почему-то непереплетенной, и ее одели в оставшуюся от какого-то учебника обложку из плотной темно-синей бумаги, вывернутую чистой стороной наружу, а внутри оклеенную макулатурными листками, прикрывшими название учебника, изданного в 1828 г. Печатный

⁹ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. — Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX—X, № 421, с. 114.

В заключение отметим еще одну неточность так называемого «малого академического» издания: источником эпиграфа к главе II «Капитанской дочки» является не № 167 третьей части сборника Чулкова, как указывают примечания (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Изд. 4-е. Л., 1978, т. VI, с. 537), а другой вариант той же песни, также напечатанный в третьей части, но под № 68 (см.: Орлов А. С. Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина, с. 91).

ярлычок на корешке кратко указывал: «Œuvres de La Bruyère et de Theophraste»; на титульном листе стояло: «Œuvres de La Bruyère. A Paris, 1820, chez A. Bélin» («Сочинения Лабрюйера». Париж, 1820, изд. А. Белен). За предисловием следовал внутренний титул: «Les caractères ou les mœurs de ce siècle» («Характеры или нравы нашего века»); на с. 265 — другой: «Caractères» de Theophraste, traduits du grec («Характеры» Теофраста, переведенные с греческого [Лабрюйером]).

На внутренней стороне обложки поверх и между строк макулатурного листка сделана надпись на английском языке (см. ил. на с. 144—145). До сих пор она оставалась целиком не прочитанной,¹ так что неизвестно было, кто подарил Пушкину эту книгу.

Теперь, когда нам удалось прочитать ее целиком, стало возможно пополнить круг знакомцев поэта еще одним человеком и начать поиски сведений об еще одном свидетеле последних лет жизни поэта.

Вот эта надпись:

To Mr. A. Pousckin from his
Paled and affectionate
friend T. Kirton.
February 11.

(Перевод: Г-ну А. Пушкину от его Палемеда и доброго друга Т. Киртона. 11 февраля).

В этих немногих строчках различаются две руки. Сначала ровным аккуратным почерком, видимо приказчика книжной лавки, были написаны слова: «Г-ну А. Пушкину» (причем в фамилии употреблено трехбуквенное сочетание, означающее на немецкий манер звук «ш»); затем h, последняя буква в триграфе sch, переделана в k и крупным размашистым почерком — по всей вероятности, пожилого мужчины — добавлено все остальное, а после даты поставлены отмечающие конец надписи (как принято было в Англии в XVIII и начале XIX в.) две волнистые вертикальные черты.

Скупые данные адресных книг и справочных книг о купцах, а также материалы семейной истории московского книгопродавца В. В. Готье позволяют заключить, что в 1830-х годах некий Киртон владел в Петербурге английской книжной лавкой, которая очень долго оставалась за ним и его потомками, лишь дважды переменяв адрес; что он был значительно (на добрый десяток лет) старше Пушкина, имел несколько детей, приехал в Россию уже взрослым человеком и умер, вероятно, в середине 1850-х гг. Фамилия его созвучна названию нескольких небольших городков в графстве Линкольншир (на востоке Средней Англии, недалеко от залива Уош), — возможно, он был родом из тех мест. Имя, начинающееся с буквы T (а не с сочетания Th, как самые распространенные имена Томас и Теодор — Thomas, Theodore), т. е. Тобайас или Тимоти (Tobias, Timothy), и некоторые косвенные сведения дают возможность предположить, что он был по религиозной принадлежности пресвитерианином или методистом.

¹ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. — Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX—X, № 1056, с. 264.

Когда Т. Киртон открыл свою книжную лавку, установить не удалось. Впервые ее местонахождение упоминается в адресной книге 1844 г.² Она помещалась в доме Лингардта (потом перешедшем к Липранди) на Галерной улице, т. е. лишь несколькими домами отделялась от того, в котором в октябре 1831 г. поселился Пушкин.³ Если лавка тогда уже существовала, знакомство поэта с ее хозяином могло состояться в конце 1831 г. и укрепиться в дальнейшем.

Судя по надписи, с Пушкиным Киртон держался по-приятельски: слова «добрый друг» (*affectionate friend*) указывают на определенную степень и давность дружеской близости. При кратковременном знакомстве и формально-корректных отношениях это выражение не употреблялось.

О дружеских отношениях свидетельствует и шутовское прозвище «Паламед». Оно может восходить к имени одного из персонажей артуровских легенд, что позволяет предположить частые споры и столкновения между носителем прозвища и Пушкиным (сарацинский рыцарь Паломид многократно сталкивался на поединках с Тристрамом, одним из самых знаменитых воителей, собиравшихся за круглым столом легендарного короля Артура, но в конце концов подружился со своим соперником).⁴ Еще с большим вероятием можно возвести это прозвище к довольно известному в те годы, особенно во Франции, имени участника Троянской войны Паламеда, отсутствующему в гомеровских поэмах, но упоминаемому некоторыми древними авторами (в частности, Еврипидом в «Ифигении в Авлиде»), а также встречающемуся в средневековой литературе.⁵ Паламед считался соперником

² См.: Ни стр ем К. М. Адрес-календарь санктпетербургских жителей. СПб., 1844, т. III, с. 295. — Тот же адрес приведен в кн.: Г р е ч А. Н. Весь Петербург в кармане. СПб., 1846, с. 124. — В 1848 г. лавка переехала в д. Бремме на углу Новоисаакиевской улицы, возле Адмиралтейства; ею владел сын Т. Киртона Генри, а после него — Роберт Ваткинс (см.: ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 5130 — Дело Главного управления цензуры по прошению санктпетербургского книгопродавца Роберта Ваткинса, 2 января—5 марта 1860 г.). В 1865 г. лавка числится уже за Луизой Ваткинс (возможно, дочерью Т. Киртона), «вступившей в купеческое звание в 1863 г.». В конце века «Книжный магазин и библиотека Ваткинс и Ко.» находились на Большой Морской и принадлежали Эмили Форрест (см.: Вось Петербург на 1894 г., с. 4011; Вось Петербург на 1896 г., с. 756—757). Помимо Генри Киртона, «купца 3-й гильдии», у Т. Киртона был еще сын, служивший в английском флоте и в 1837 г. приехавший из Англии в Петербург повидаться с родителями (см.: ГВЛ, ф. 83, Готье, картон II, ед. хр. 33, л. 5).

³ Современный адрес: Красная ул., д. 53. Пушкин прожил там до мая 1832 г. См.: Я ц е в и ч А. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 139—142. — Рядом в 1829—1837 гг. размещались английское посольство (наб. Красного Флота, д. 50) и английская церковь (д. 56). Вообще этот район был заселен преимущественно англичанами.

⁴ См.: М а л о р и Т. Смерть Артура. М., 1974 (о Паломиде см. по указателю имен).

⁵ См., например: О в и д и й. Метаморфозы. М., 1977, кн. XIII, ст. 38—61 и 307—312; Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. Л., 1972, комментарий: с. 200, 202—203, 217—218. — Трагическая судьба Паламеда, облыжно обвиненного в предательстве и побитого камнями, послужила темой трагедии классика нидерландской литературы Йоста Вондела (1587—1679), озаглавленной «Паламед, или Умерщвленная невинность».

DU PRÉLIMINAIRE DE CONCILIATION.

53

5°. Enfin, toutes les causes désignées spécialement par la loi (1) : — *V. C. Pr.* 49, 320, 345, 566, 570, 718, 839, 856, 878 et 883; *M. Pigeau, Traité*, t. 1, p. 35 et suiv.

4°. *Devant quel juge de paix doit être portée la conciliation.*

Le défendeur est cité en conciliation :

1°. En matière personnelle et réelle, devant le juge de paix de son domicile (2); s'il y a deux défendeurs, devant le juge de l'un d'eux, au choix du demandeur;

2°. En matière de société autre que celle de commerce, tant qu'elle existe (3) devant le juge du lieu où elle est établie;

3°. En matière de succession, devant le juge de paix du lieu où la succession est ouverte, dans les trois cas suivants :

1° sur les demandes entre héritiers jusqu'au partage inclusivement (4); 2° sur les demandes intentées par les créanciers du défunt, avant le partage; 3° sur les demandes relatives à l'exécution des dispositions à cause de mort (comme celles en matière de conciliation, tout repose sur la confiance. — *V. M. Locté*, p. 126. On doit ajouter que le motif qui a déterminé le législateur à décider que le défendeur serait assigné, en matière réelle, devant le tribunal de l'objet litigieux (C. Pr. 59) n'existe pas dans l'espèce; puisque le juge de paix n'est chargé que de concilier les parties, et qu'il ne peut jamais y avoir lieu à expertise ou descente de lieux.

(3) Et même après, s'il s'agit de demandes en rescision du partage qu'auraient fait les associés; car l'art. 1873 du C. C. rend communes, au partage entre les associés, les règles contenues dans l'art. 822 qui résultent du partage, la connaissance des difficultés qui peuvent en résulter. — *V. Pigeau, Traité*, t. 1er, p. 29.

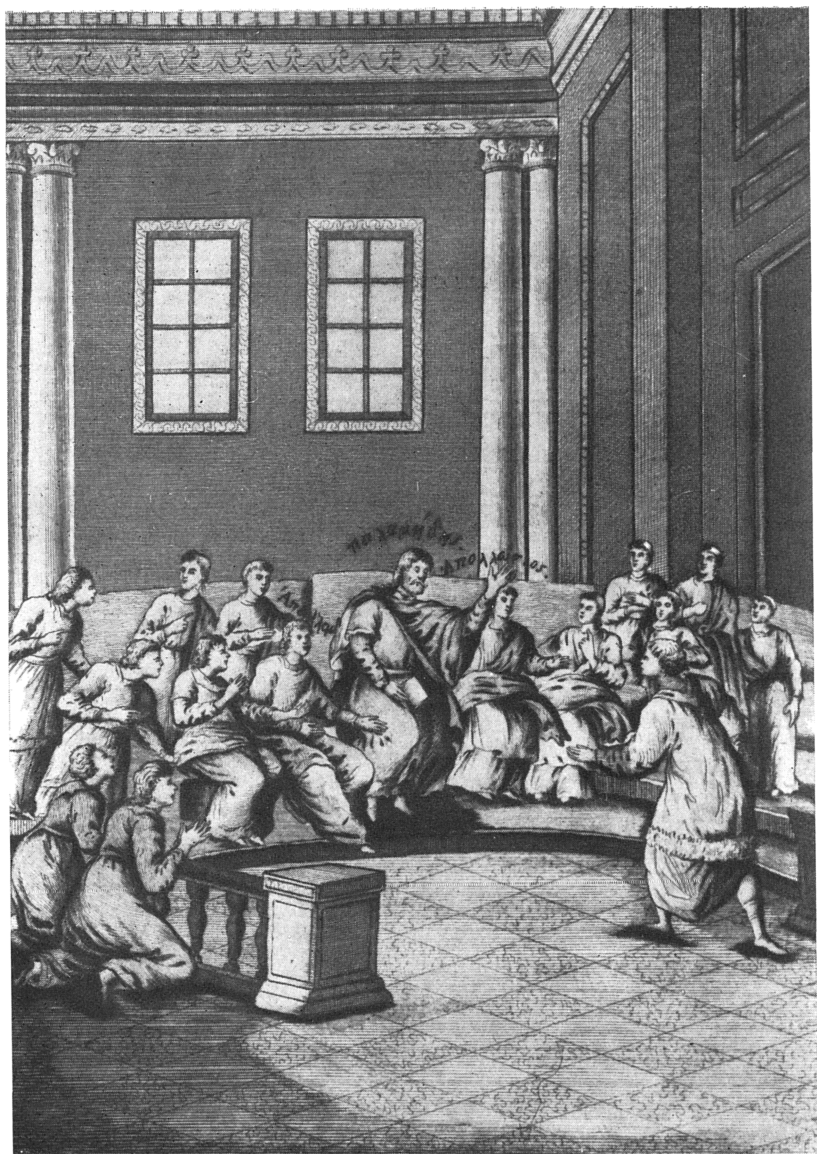
(4) Après le partage, on peut dans les règles ordinaires, les cohéritiers et les donataires-universels sont regardés comme étrangers, à moins qu'il n'y ait un avis de réconciliation, dans ce cas, comme on l'a vu à la note

Co. Mre A. Pouchin Grambus

№. IX. 4.

T. Kirtona Пушкину

Дарственная надпись Т. Киртона Пушкину на книге Жаана де Лабрюйера «Характеры или нравы нашего века».

Паламед объясняет искусство изобретенного им письма. Иллюстрация в книге П. Антоновича «Греческого языка начальное познание», имевшейся в библиотеке Пушкина.

LE
PALAMÈDE,

REVUE MENSUELLE

DES ÉCHECS,

PAR

MM. DE LA BOURDONNAIS ET MÉRY.

TOME PREMIER.

PARIS.

AU BUREAU DE LA REVUE, RUE NEUVE-VIVIANNE, N° 48;

CHEZ MM. { CHATEL, LIBRAIRE, PLACE DU PALAIS-ROYAL,
GAZETTE, LIBRAIRE, RUE DE SAINTE, N° 15.

1856.

Титульный лист парижского шахматного журнала «Паламед», три номера которого сохранились в библиотеке Пушкина.

Одиссея и Агамемнона по влиянию среди греческих царей, осаждавших Трои, а впоследствии — и более хитроумным, чем сам Одиссей. Средневековые поэты приписывали ему самые широкие познания и множество изобретений, в том числе мер и весов, способов предсказания затмения, некоторых букв греческой азбуки, различных игр, в том числе шахмат.

Немолодой англичанин мог быть интересен для Пушкина своими обширными познаниями. Нельзя исключить и предположение, что он учил поэта правильно произносить трудные для иностранцев звуки английского

языка, в том числе межзубные, обозначаемые на письме буквосочетанием th (ведь одной из букв, изобретателем которых считался Паламед, была и «тета»). Среди книг Пушкина имелся учебник греческого языка, украшенный гравюрами, на которых в числе учителей изображен был Паламед, один раз — с доской, на которой начертаны изобретенные им буквы, и вторично — как глава школы.⁶

Чаще всего Паламеда вспоминали в связи с шахматами. Правда, еще в первоапрельском номере «Литературной газеты» за 1831 г. была напечатана переводная статья («из нового французского альманаха») «Игра шахматы», в которой утверждалось, что «игра сия перешла к нам от индейцев (т. е. от индейцев, — М. П.)» и «напрасно Паламеду приписывается честь сего изобретения <...> он и без того богат другими своими выдумками и не нуждается в чужом добре. <...> Мы без зазрения совести можем отнять у него шахматную игру».⁷ Однако в конце 1835 г. стало известно о предстоящем выходе в Париже нового ежемесячного журнала, посвященного шахматам, под названием «Паламед» («Le Palamède»). В библиотеке Пушкина сохранились первые три номера этого журнала (см. ил. на с. 145), причем первый разрезан на треть. Англичанин, если он был хорошим шахматистом, мог получить от Пушкина прозвище Паламеда.

Если принять это последнее толкование прозвища, то можно предположить, что книга была подарена в последний год жизни Пушкина и осталась неразрезанной, как и многие другие иностранные издания 1834—1836 гг., которые поэт, приобретя, не успел прочитать или перечитать: последний год жизни Пушкина был занят и утомительными хлопотами по журналу «Современник», приводившими к всегдашнему недосугу,⁸ и еще более тяжелыми заботами и тревогами.

11 февраля 1836 г. Пушкин вторично писал князю Репнину, принявшему на свой счет стихотворение «На выздоровление Лукулла» (направленное против С. Уварова), а потом, возможно, зашел в книжную лавку, увидел полное издание сочинений французского моралиста⁹ и решил его приобрести. Приказчик, быть может, написал уже на обороте обложки фамилию покупателя, когда подошел сам Киртон и превратил покупку в подарок.

Недостаток сведений о Киртоне не позволяет пока высказать более определенные соображения о его взаимоотношениях с Пушкиным. Как бы то ни было, прочитанная ныне дарственная надпись пополняет круг близких поэту людей еще одним знакомцем, заслужившим его дружеское расположение.

М. И. Пернер

⁶ А н т о н о в и ч Павел. Греческого языка начальное познание. М., 1797 (см. ил. на с. 144—145 наст. изд.).

⁷ Литературная газета, 1831, № 19, т. III, с. 149. — По мнению историка шахмат И. М. Ляндера, перевод или пересказ этой статьи был сделан русским шахматистом А. Д. Петровым, чью книгу «Шахматная игра...» (СПб., 1824) Пушкин приобрел, а затем получил в подарок от автора (сохранились оба экземпляра). См.: Л я н д е р И. М. Шахматная пушкиниана. — 64. Еженедельное приложение к газ. «Советский спорт». 1977, № 6, с. 10—11.

⁸ См. письмо Пушкина к В. Д. Сухорукову от 14 марта 1836 г. (XVI, 90).

⁹ У Пушкина имелась ранее приобретенная книга, включавшая сочинения Лабрюйера. По ней, вероятно, он и приводил цитату в своем «Путешествии из Москвы в Петербург».

О СТИХОТВОРЕНИИ «ИЗ ПИНДЕМОНТИ» (ПУШКИН И ГОРАЦИЙ)

Отсылка к Пиндемонте в заглавии стихотворения «Не дорого цену я громкие права...» (III, 420), как известно, является мистификацией. Именем веронского поэта Пушкин воспользовался, вероятно, как «прикрытием для отвращения цензурных подозрений от своего стихотворения, которое он, очевидно, готовил к печати (оно известно по двум рукописям)».¹ Первоначально стихотворение было озаглавлено: «Из Alfred Musset» (III, 1032).

М. Н. Розанов полагал, что существуют реальные основания для обоих подзаголовков, и видел в одной из «Sermoni» Ипполито Пиндемонте, «Политические мнения», и в стихотворении Мюссе «Посвящение Альфреду Т.» источники этого пушкинского шедевра.² Сходство этих произведений со стихотворением «Не дорого цену я громкие права...» ограничивается, однако. «Общими для поэзии эпохи романтизма мотивами свободолюбия, освобождения личности от гнета общественных условий; но о зависимости Пушкина от Мюссе или Пиндемонте не может быть и речи».³ Впрочем, отмеченные параллели показывают, что Пушкин не случайно выбрал эти два имени, а сослался на поэтов, у которых действительно есть близкие ему мотивы.⁴

Стихотворение «Из Пиндемонти» помечено в автографе цифрой VI и как-то связано со стихотворениями «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Подражание италиянскому» и «Мирская власть», имеющими цифровые обозначения II, III и IV. По предположению Н. В. Измайлова, эти стихи должны были составить единый, так называемый каменноостровский цикл 1836 г.⁵ Незаполненные места в этом цикле чаще всего отводятся стихотворениям «Когда за городом задумчив я брожу...» и «Напрасно я бегу к спонским высотам...».⁶

¹ Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. Л., 1967, с. 155. — Написание «Пиндемонти» заимствовано Пушкиным из книги Сисмонди «De la littérature du Midi de l'Europe» (Paris, 1829), которая вообще оказала значительное воздействие на его восприятие творчества итальянского поэта. См.: Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 317.

² См.: Розанов М. Н. Об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонте». — В кн.: Пушкин. Сборник второй / Ред. Н. К. Пиксанов. М.; Л., 1930.

³ Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов. — В кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 254.

⁴ См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...», с. 156; Вем А. Alfred Musset a Puškin — Časopis pro moderní filologii, 1932, XVIII, č. 2, s. 174 (в ст.: Rusko-francouzské literární styky. Bibliografické poznámky).

⁵ Впервые оно было высказано Н. В. Измайловым в работе: Стихотворение Пушкина «Мирская власть». (Вновь найденный автограф). — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1954, т. XIII, вып. 6, с. 553—555.

⁶ См.: Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов, с. 244—246, 256—258; Петрунина Н. Н. «Напрасно я бегу к спонским высотам...». — В кн.: Петрунина Н. Н., Фридрихен-

Стихотворения «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Подражание италиянскому» и «Мирская власть» «облечены в форму церковно-религиозной поэзии: евангельской легенды и христианской молитвы».⁷ «Напрасно я бегу к сионским высотам...» — это антологический «отрывок». В стихотворении «Из Пиндемонти» также чувствуется некая классическая основа. Прежде всего она проступает в стихах:

Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги...

Классический оттенок стихотворению «Из Пиндемонти» придает также построение его на основе принципа «исчерпывающего деления», т. е. расчленения темы или мотива на максимально возможное число вариантов и перечисление их в длинном ряду однородных синтаксических конструкций.⁸ Принцип исчерпывающего деления — это принцип классического стиля в поэзии. Генетически же это принцип античной поэзии. В пушкинскую эпоху он был органично усвоен русскими поэтами, однако классическую окраску сохранил.

Стихотворение «Из Пиндемонти» почти целиком построено по принципу исчерпывающего деления. После «объявления темы» в первых двух стихах весь остальной текст до финальной «пуанты» (— Вот счастье! вот права...) состоит из четырех таких «делений»:

Я не ропщу о том, что...

Иные, лучшие мне дороги права,
Иная...

Зависеть от царя, зависеть от народа...

Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать...

Меняются лишь начальные члены, остальные присоединяются как однородные. В двух случаях есть небольшие переходы от одного «деления» к другому:

Все это, видите ль, слова, слова, слова.

и

Не все ли нам равно? Бог с ними.

Классическое звучание стихотворения «Не дорого цену я громкие права...» создается также александрийским стихом, размером антологических пропевдений Шенье, Батюшкова, самого Пушкина.⁹

дер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 72; Савченко Т. Т. О композиции цикла 1836 года А. С. Пушкина. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1979, с. 77—79, 81.

⁷ Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов, с. 249.

⁸ См.: Пумпянский Л. В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982, т. X.

⁹ Отчасти классический оттенок стихотворения обнаруживает и реминисценция из Батюшкова: «По прихоти своей скитаться здесь и там»,

Но все это могло бы так и остаться на уровне оттенков, если бы античные ассоциации не возникали из самого содержания стихотворения. Его составляет апология внутренней и внешней свободы человека, наслаждения искусством и общения с природой, противопоставленная суетному стремлению к власти и государственной деятельности. Поворот темы, таким образом, отчасти заставляет нас вспомнить поэзию Горация. Все эти мотивы имеют непосредственные аналоги в русской горадианской поэзии 1800—1810-х гг., в частности в лицейских стихотворениях самого Пушкина — «Городок», «Мечтатель», «Послание к Юдину». Особенно близко к «Из Пиндемонта» последнее:

Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит
И — помнится — зовется Славой, —
Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой. . .

(I, 169)

Однако близость эта весьма относительна. И дело здесь не только в неполном совпадении некоторых мотивов, а в существенной трансформации их и принципиально ином значении. В лицейском творчестве они призваны создать условный образ поэта-эпикурейца. Эта традиция условной горадианской поэзии еще в лицейский период была преодолена Пушкиным:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельской дом. . .

(«Из письма к кн. П. А. Вяземскому», 1816 — I, 180)

В стихотворении «Из Пиндемонта» мотивы, близкие к поэзии Горация, выражают непосредственные чувства поэта. Характер стихотворения настолько далек от условности, что предположить возвращение к этой давно преодоленной традиции невозможно. Впрочем, для Пушкина 1830-х гг. гораздо более характерно непосредственное обращение к античной лирике — хотя и в переводах — чем усвоение ее образов и мотивов через современную поэзию. «От условных античных символов к живым образам древнего мира, от горадианских имитаций во французском вкусе к подлинному Горацию»¹⁰ — такова эволюция Пушкина в плане освоения творчества римского поэта. Действительно, через полтора месяца после создания стихотворения «Из Пиндемонта» Пушкин пишет «Я памятник себе воздвиг. . .» к 1835 г. относится перевод оды Горация к Помпею Вару «O saepe mesum

ср.: «На углу корабле скитаться здесь и там» («Элегия из Тибуллы»). Ремнищенция эта отмечена Н. М. Ботвинник в ст.: О стихотворении Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 154.

¹⁰ Суздальский Ю. П. Пушкин и Гораций. — Иноземна філологія, вип. 9. Питання класичної філології. Львів, 1966, № 5, с. 147.

tempus in ultimum» (II, 7), а еще ранее, в 1833 г., поэт работал над переводом оды к Меценату «Maecenas atavis edite regibus» (I, 1).¹¹

Последний перевод не был окончен — Пушкин перевел только 8 стихов из 36 у Горация. Однако и по этому отрывку можно заметить некоторое, самое общее сходство его со стихотворением «Из Пиндемонти». В наброске перевода («Царей потомок, Меценат...») в полном соответствии с началом оды Горация речь идет об иных, чуждых поэту человеческих стремлениях, в стихотворении «Из Пиндемонти» — о человеческих правах, к которым не стремятся и которыми не дорожит автор.

Далее у Горация к стремлению получить награду за победу в ристаниях колесниц и желанию стать избранником толпы «непостоянных квиритов» — что вошло в пушкинский перевод — присоединяются также привычка к земледельческому труду и, напротив, тяга к морским путешествиям, склонность к спокойной, эпикурейской жизни, стремление к бранным подвигам и увлечение охотой. В конце следует характерное вообще для Горация противопоставление собственной жизненной философии прочим.

Сходство композиционного построения оды к Меценату и стихотворения «Из Пиндемонти» несомненно. У Горация первая часть стихотворения, так же, как и у Пушкина, построенная по принципу исчерпывающего деления, посвящена стремлениям других людей. У Пушкина речь идет о правах, но о правах, к которым стремятся другие, правах, «от коих не одна кружится голова». При этом Пушкин развивает только один мотив из имеющихся у Горация: мотив власти, государственной деятельности. В оде к Меценату этому соответствует:

Hunc, si mobilium turba Quiritium
Certat tergeminis tollere honoribus

(Есть другие, кому любо избранником
Быть квиритов толпы, пылкой и ветреной).¹²

(Стихи 7—8)

¹¹ О переводах Пушкина из Горация кроме выше названных работ см.: Покровский М. М. Пушкин и Гораций. — Доклады АН СССР, 1930, № 12; Grégoire H. Horace et Pouchkine. — Les études classiques, 1937, vol. VI, № 4; Busch W. Horaz in Rußland. München, 1964; Смирин В. М. К пушкинскому наброску перевода оды Горация к Меценату (Сарм. I, 1). — Вестник древней истории, 1969, № 4; Альбрехт М. Г. К стихотворению Пушкина «Кто из богов мне возвратил...». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980.

¹² Перевод А. Семенова-Тян-Шанского. Переводы пушкинской поры недостаточно точны. К тому же нет никаких оснований полагать, что поэт пользовался каким-либо из них. Как показал В. М. Смирин, Пушкин использовал довольно точный французский перевод, выполненный в прозе Р. Бине: Traduction des œuvres d'Horace par M. René Binet. 4-ème ed., revue par M. Jannet. Paris, 1816, t. 1 (см. приложение к настоящей статье). Перевод этот имелся в библиотеке Пушкина (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. Библиографическое описание. — Пушкин и его современники. СПб., 1910, № 1002). Что касается русских подражаний и переводов этой оды Горация, то исследователю не удалось обнаружить какой-либо зависимости пушкинского наброска от переводов М. Н. Муравьева, И. Чернявского, С. А. Тучкова, В. В. Капниста и В. Орлова (см.: Смирин В. М. К пушкинскому наброску перевода оды Горация к Меценату, с. 130—134). Кроме них, переводу Пушкина предшествовали также следующие

В переводе Пушкина это звучит так:

Другие на свою главу
Сбирают титла знамениты,
Непостоянные квириты
Им предают молву.

Упоминание Пушкиным богов:

Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги. . .

— также соотносится с текстом Горация. Различные человеческие стремления, которые перечислены в оде, являются способами достижения жизненного счастья. Счастье же у Горация приближает человека к богам:

Sunt quos curriculo pulverem Olympicum
Collegisse iuvat; metaque fervidis
Evitata rotis, palmaque nobilis;
Terrarum dominos evehit ad deos

(Есть такие, кому высшее счастье —
Пыль арены взметать в беге увертливом

Раскаленных колес: пальма победная
Их возносит к богам, мира властителям).

(3—6)

В переводе Пушкина:

И, заповеданной ограды
Касаясь жгучим колесом,
Победной ждут себе награды
И мнят быть равны с божеством.

Также:

Me doctarum hedaerae praemia frontium
Dis miscent superis. . .

(Но меня только плюц, мудрых отличье,
К вышним близит. . .)

(29—30)

К объявлению своих собственных стремлений Гораций переходит сразу. У Пушкина этому предшествует декларация равнодушия к тем «громким правам», о которых шла речь в первой части стихотворения:

Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

щие: Котельницкий А. Меценат! отрасль царственных предков! . . . — Приятное и полезное препровождение времени, ч. XI. СПб., 1796, с. 25—27 (прозаический); Самсонов Д. Мое счастье. (Подражание 1-й Горациевой оде). — Вестник Европы, 1818, ч. С1, с. 13—14; Васильковский С. К. Меценату (Царей потомок, Меценат. . .). — Украинский журнал, 1824, ч. II, № 11, с. 237—238; Б. п. К Меценату (Царей Этрурии потомок, Меценат. . .). — В кн.: Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах. М., 1825, ч. 3, с. 391—393. — Однако и эти переводы не дают оснований говорить об использовании их Пушкиным.

В последней, «положительной» части стихотворения «Из Пиндемонти» с двумя (тоже последними, как и у Пушкина) «личными» строфами Горация сходны мотивы наслаждения природой и искусством:

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданными искусств и вдохновенья
Трепеща радостно, в восторгах умиленья...

Me doctarum hedaerae praemia frontium
Dis miscent superis, me gelidum nemus
Nympharumque leves cum Satyris chori
Secernunt populo, si neque tibias

Euterpe cohibet...

(Но меня только плюц, мудрых отличие,
К вышним близит, меня роца прохладная,
Где ведут хоровод нимфы с сатирами,
Ставит выше толпы, — только б Евтерпа мне

В руки флейту дала...)

(29—33)

Общая же идея стихотворения Пушкина иная. Гораций в противоположность другим человеческим стремлениям единственным путем к обретению счастья для себя самого провозглашал поэтическое творчество:

Quodsi me lyricis vatibus inseres,
Sublimi feriam sidera vertice.

(Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову).

(35—36)

У Пушкина же «счастьем» оказывается прежде всего свобода:

Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там...

Отмеченные совпадения позволяют, на мой взгляд, заключить, что композиция и образный строй оды Горация к Меценату были использованы Пушкиным в стихотворении «Из Пиндемонти». Вряд ли поэт снова обращался к тексту Горация. Скорее построение и некоторые образы этой оды сохранились у него в памяти с 1833 г., когда Пушкин работал над ее переводом. Точно так же в стихотворении «Я памятник себе воздвиг...» появилось прежде всего знакомство с «Памятником» Державина.¹³

Разумеется, пушкинское стихотворение было прежде всего выражением собственных чувств поэта, «той душевной и моральной „тошноты“, до которой довели Пушкина условия русской жизни вообще и его личные обстоятельства и отношения».¹⁴ Однако желая, по всей видимости, воплотить

¹³ См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...», с. 226.

¹⁴ Овсянко-Куликовский Д. Н. Пушкин. — В изд.: Овсянко-Куликовский Д. Н. Собрание сочинений. СПб., 1909, т. IV, с. 166.

эти настроения в классически совершенной, законченной форме, поэт взял за образец Горация.

Любопытно, что до некоторой степени стихотворение «Из Пиндемонти» соотносится не только с одой Горация к Мекенату, но и с общим содержанием всего творчества римского поэта. Так, равнодушие к политике, лишь промелькнувшее в этой оде, — вообще один из постоянных и характерных мотивов поэзии Горация. Кое-где сквозь похвалы Августу и доказательства преимущества принципата над демократией у Горация проскальзывает и одинаково равнодушное отношение к обеим формам правления. Ибо главная ценность для Горация — это независимость.¹⁵ Наслаждение независимым существованием наедине с природой и искусством, противопоставленное суетному стремлению к власти и богатству, неизменно связанному с утерей личной независимости и духовной свободы, — центральная тема всей его поэзии.

Неудивительно поэтому, что Пушкин, обратившись к этой теме в стихотворении «Из Пиндемонти», ориентировался именно на Горация. Проблема личной и творческой независимости поэта в сознании Пушкина вообще часто связывалась с судьбой Горация. Пушкин видел в нем «умного льстеца» (II, 313), «хитрого стихотворца» (VIII, 390), воспевавшего Августа и Мекената, но умевшего при этом сохранить личное достоинство.¹⁶ Особенно близким Пушкину Гораций стал в 1830-е гг., когда, по тонкому замечанию Ю. П. Суздальского, его собственные жизненные обстоятельства стали напоминать обстоятельства личной судьбы Горация.

То, что у Горация было лишь в качестве внутренней темы, стало у Пушкина страстной проповедью личной независимости и духовной свободы. Произошло как бы высвобождение подлинных стремлений Горация, которые обыкновенно в его поэзии приглушены дипломатическими моментами.

По сравнению с одой к Мекенату главная мысль в стихотворении «Из Пиндемонти» изменена, заострена. Без этого она сохранила бы под пером Пушкина слишком спокойный, традиционный гораццианский смысл. Эта «безмятежность» стихотворения Горация и была, очевидно, причиной, по которой Пушкин не завершил его перевода. Впрочем, культ поэзии, который исповедует Гораций в оде к Мекенату, был для него как раз одним из способов достижения независимости. Переосмысление этой оды Пушкиным произошло, таким образом, в полном соответствии с внутренним смыслом всей поэзии Горация.

Классическая основа стихотворения «Из Пиндемонти» проявилась и в стиле. Для Горация, например, необычайно характерен «контрастный, внеобразный фон отвлеченных понятий и рассуждений»: «Есть другие, кому любо избранныком Быть квиритов толпы, пылкой и ветреной» (I, 1).¹⁷ «Прямое название понятий, взятых вне всякого образного истолкования, в са-

¹⁵ См.: Гаспаров М. Поэзия Горация. — В кн.: Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1979, с. 27. — Подробный анализ содержания поэзии Горация см.: Weber W. E. Quintus Horatius Flaccus als Mensch und Dichter. Jena, 1844; Walckenaer Ch. A. Histoire de la vie et des poésies d'Horace, 2-ème éd. Paris, 1858, t. 1—2.

¹⁶ См.: Суздальский Ю. П. Пушкин и Гораций, с. 145.

¹⁷ Гаспаров М. Поэзия Горация, с. 15.

мом общем своем значении»,¹⁸ справедливо отмечается и в стихотворении «Из Пиндемонти»: «Никому Отчета не давать, себе лишь самому Служить и угождать. . .».

У Горация «чаще отвлеченность и образность чередуются», на фоне понятий и рассуждений являются образы и даже «картины»: «Пыль арены взметать в беге увертливым Раскаленных колес. . .».¹⁹ У Пушкина «картин» нет, но «чистые» рассуждения сочетаются у него в стихотворении «Из Пиндемонти» с рассуждениями, облеченными в образную форму. Последние господствуют в первой части стихотворения: «отказали боги Мне в сладкой участи оспоривать налоги», «печать Морочит олухов», «чуткая цензура В журнальных замыслах стесняет балагура». Затем следует «контрастный, внеобразный фон отвлеченных понятий и рассуждений»: «Иные, лучшие мне дороги права; Иная, лучшая потребна мне свобода». В последней части — то же сочетание «чистых», а затем «образных» рассуждений. Вначале: «Никому Отчета не давать, себе лишь самому Служить и угождать», а затем: «для власти, для ливреи Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи».²⁰

Для прочих стихотворений «каменноостровского» цикла 1836 г. такое соединение не характерно. У Пушкина, как правило, образы безраздельно господствуют над «рассуждениями». Но показательно, что последние выдвигаются на передний план и в «Памятнике».

В стихотворении «Из Пиндемонти» Пушкин опробовал прием оригинальной разработки классического образца, который затем он использовал в «Памятнике». Есть в этих произведениях и некоторые общие мотивы. Это касается прежде всего сниженной оценки значения власти, государственной деятельности (в «Памятнике»: Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа). Близким к пафосу равнодушия к общественному мнению в стихотворении «Из Пиндемонти» является конец «Памятника»:

Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Характерно сходное употребление глагола «оспоривать» («оспоривать налоги» в стихотворении «Из Пиндемонти») в отрицательном смысле — о том, что чуждо поэту, к чему он равнодушен.

Близки между собой и сами образцы этих пушкинских стихотворений у Горация. Готовя издание трех книг своих «Carmina», Гораций написал к нему посвятельную оду к Меценату (I, 1) и заключительную — к Мелпомене (III, 30). Значение их в композиции «Од» отмечалось старыми комментаторами и, по всей видимости, было известно Пушкину.²¹ Оды объединяет тема высокого значения поэзии и равнение на греческую лирику («лиру лесбийскую» — I, 1), «эзолийскую песню» (III, 30).²²

¹⁸ Гинзбург Л. О лирике. Изд. 2-е. Л., 1974, с. 228.

¹⁹ Гаспаров М. Поэзия Горация, с. 16.

²⁰ Л. Гинзбург тонко заметила, что здесь «за текстом возникает образ угодливого чиновника» (указ. соч., с. 242).

²¹ Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг. . .», с. 126; Keil R. D. Zur Deutung von Puškins «Pamjatnik». — Die Welt der Slaven, Jg. VI, N. 2, S. 176—177.

²² Ю. П. Суздальский видел близость этих од в теме бессмертия поэзии, однако в оде к Меценату есть лишь слабый отзвук ее (см.: Суздальский Ю. П. Пушкин и Гораций, с. 145).

В целом все же стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» и «Из Пиндемонти» слишком различны для того, чтобы связь их могла послужить основанием для включения «Памятника» в «каменноостровский» цикл Пушкина 1836 г. — гипотеза, которую выдвинул и от которой позднее, после возражений М. П. Алексеева, Н. Л. Степанова и Р. Д. Кейля, отказался Н. В. Измайлов.²³

Если «Памятник» можно считать подражанием Горацию, то стихотворение «Не дорого ценю я громкие права...» в настолько переработанном, настолько «осовремененном» виде включает в себя мотивы Горация, что Пушкин не мог назвать его «Из Горация» и, желая скрыть оригинальность стихотворения, вынужден был придумывать ложную, но правдоподобную отсылку. Поверить в то, что оно — «из Горация», было бы трудно, хотя отчасти это именно так. Впрочем, скорее всего Пушкин и сам этого не сознавал.

Как бы то ни было, соотнесенность стихотворения «Из Пиндемонти» с одой Горация к Мекенату обнаруживает классическую основу этого пушкинского шедевра. Основоположник классического стиля в русской поэзии, Пушкин стал им во многом благодаря тому, что в своем зрелом творчестве ориентировался на классические образцы мировой поэзии, среди которых особое место занимают произведения античной лирики. Классическая античная поэзия вопля в лирику Пушкина как внутренний, существенный элемент ее.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод Р. Бине (R. Binet) оды Горация к Мекенату

A Mécène

Le Poète fait entendre que comme tous les hommes ont leur passion, la sienne est de mériter une place entre les Poètes lyriques, surtout s'il a le suffrage de son illustre ami.

Vous qui comptez des rois parmi vos ayeux, Mécène, ô mon appui et ma gloire la plus chère; il en est qui s'applaudissent de s'être couverts de poussière dans la lice olympique; et qui, fiers d'avoir su de leurs roues brûlantes raser la borne sans la toucher, se croient élevés, par l'honneur de la palme, au rang des Dieux maîtres de l'univers. L'un est au comble de ses vœux, si la foule inconstante des enfants de Romulus s'empresse d'accumuler les honneurs sur sa tête: l'autre, s'il a renfermé dans ses greniers tout le blé que produit la Libye.

Celui qui met sa joie à bêcher de ses mains le champ de ses pères, ne consentiroit pas, pour toute la fortune d'Attale, à fendre les flots, timide navigateur sur un vaisseau de Chypre, au milieu de la mer Egée.

A la vue des assauts que livre le vent du midi aux flots où périt Icare, le Commerçant épouvanté regrette le repos et les champs paisibles voisins de

²³ См.: Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов, с. 245.

sa ville: bientôt il radoube ses vaisseaux maltraités par la tempête, et n'apprend jamais à supporter la pauvreté.

Tel autre ne hait point un vin vieux de Massique, et dérobe volontiers aux affaires sérieuses une partie du jour; nonchalamment étendu, tantôt à l'ombre d'un vert feuillage, tantôt à la source sacrée d'un paisible ruisseau.

Un grand nombre aime la guerre, et le son de la trompette mêlé à celui du clairon, et les combats abhorrés des mères.

Le chasseur demeure exposé aux rigueurs de l'air, et ne songe plus à sa jeune épouse, soit que sa meute fidèle ait senti le cerf, soit qu'il ait vu ses toiles rompues par un sanglier Marse.

Vous, Mécène, le lierre qui couronne les doctes fronts, vous met au rang des Dieux de l'Olympe: et moi, l'ombre fraîche des bocages, les danses légères des Nymphes et des Satyres, me séparent ici-bas du vulgaire obscur; si toutefois Euterpe ne m'interdit point sa double flûte, si Polhymnie ne refuse point d'accorder pour moi le luth de Lesbos. Oui: si vous me placez entre les Poètes rivaux d'Alcée, je toucherai les astres de ma tête orgueilleuse.

С. А. Кибальник

ПУШКИН И АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ

Наша статья под таким же заглавием, опубликованная в 1956 г., заканчивалась следующими строками: «Как ни недостаточны пока сведения о личном знакомстве и общении Пушкина и Гумбольдта, но они все же заслуживают внимания и, возможно, будут впоследствии дополнены на основании неизвестных нам в настоящее время источников».¹

Один из таких «неизвестных источников» знакомства русского поэта с немецким ученым и путешественником в настоящее время отыскался. В неопубликованной части дневника Елены Шимановской (дочери Марии Шимановской, известной пианистки и композитора, близко знавшей Пушкина),² в записи от 29 ноября 1829 г. читаем: «Вечером мы поехали к госпоже Багреевой (Е. М. Фроловой-Багреевой, дочери М. М. Сперанского, — Л. Ч.), где мама представила меня Александру Гумбольдту. Там был также А. Пушкин».³

Напомним запись издателя «Русского архива» П. И. Бартенева (со слов современников Пушкина): «Пушкин, встречавшийся с ним (Гумбольдтом, — Л. Ч.) в Петербурге, сказал про него одной даме: „Не правда ли, что Гум-

¹ Черейский Л. А. Пушкин и Александр Гумбольдт. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1956, т. 1, с. 256.

² О Марии и Елене Шимановских см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 474.

³ Рукопись дневника Е. Шимановской хранится в Музее Мицкевича в Париже. Дневниковая запись (подлинник — по-польски) предоставлена нам С. С. Ландой.

больдт похож на тех мраморных львов, что бывают на фонтанах? Увлека-
тельные речи так и бьют у него изо рта“». ⁴ Этой дамой, возможно, была Ма-
рия Шимановская.

Л. А. Черейский

«БУРЫЙ ВОЛК»

В прологе поэмы «Руслан и Людмила», который Пушкин впервые ввел
во втором издании 1828 г., содержатся, как известно, строки:

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит...

(IV, 5)

За четыре года до того, в 1824 г., поэт набросал три строки с тем же
эпитетом:

Иван Царевич по лесам
И по полям «и» по горам
За бурым волком раз гонялся

(II, 473, 995)

Простое житейское наблюдение, обращение к сказке, к басне, к былинке,
к «Слову о полку Игореве» свидетельствуют о том, что волк всегда серый.
«Бурый» же неизменно разъясняется словарями как «темно-коричневый
с сероватым или красноватым оттенком» ¹ или как «темно-красноватый», ²
что для волка, казалось бы, совершенно неестественно.

С точки зрения обычного словоупотребления перед нами ошибка или
описка, едва ли не нуждающаяся в редакторском исправлении. Но двукрат-
ное, хронологически близкое употребление слова «бурый» в том же контек-
сте исключает описку и, подтверждая устойчивость этого эпитета, застав-
ляет искать ему объяснение. ³

В качестве источника естественно напрашивается фольклор, и прежде
всего то, что Пушкин мог услышать от Арины Родионовны.

Со времени публикации П. В. Анненкова (Сочинения Пушкина. СПб.,
1855, т. I, с. 438) известны пушкинские записи в прозе рассказанных Ари-
ною Родионовной сказок. ⁴ В одной из них, между прочим, читаем: «Что за
чудо, говорит мачиха, вот что чудо: у моря лукоморья, стоит дуб, а на том

⁴ Русский архив, 1865, стлб. 1028.

¹ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948, т. I,
стлб. 702.

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка
по письменным памятникам. М., 1958, т. I, с. 194.

³ Впрочем, в поэме «Монах» (1813) дьявол предстает «как серый
волк, щетиной весь покрытый» (I, 18).

⁴ М. К. Азадовский убедительно обосновал связь всех семи записей
именно с устными рассказами няни. См. статью «Сказки Арины Родио-
новны» в его книге: Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., 1938,
с. 278. — Ср. его же книгу: История русской фольклористики. М., 1958, [т. I],
с. 250. — См. также соображения М. Я. Цявловского в кн.: Рукою Пушкина.
Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 413.

дубу золотые цепи и по тем цепям ходит кот: в верх идет сказки сказывает, вниз идет — песни поет».⁵

Эта запись могла быть сделана от 9 августа 1824 г. и до 4 сентября 1826 г., т. е. в период вынужденного пребывания поэта в Михайловском.

Набросок относится к «Сказке о царе Салтане», написанной в 1831 г. Но приведенный отрывок был изъят из этого полудиктанта на несколько лет раньше для «Руслана и Людмилы». Запись эта была у Пушкина в Петербурге, о чем свидетельствует жандармская помета красными чернилами на рукописи.

В сохранившемся отрывке «бурого волка» нет, он хотя и предположительно, однако с достаточной степенью вероятности может быть отнесен к тому же рассказу няни.

Но тогда сразу же возникает другой вопрос: откуда пришло к ней это словоупотребление?

Мы имеем возможность документировать наш ответ.

Арина Родионовна Яковлева (1758—1828), уроженка с. Суйда Копорского уезда Петербургской губернии, большую часть жизни провела на Псковщине, в Михайловском, у своих бывших владельцев (она получила вольную в 1799 г., но навсегда осталась в семье Пушкиных).

Обращение к диалектному словарю Псковской области (по счастью, такой имеется) дает неожиданные результаты. «Бурый» в значении «серый», «темный» зарегистрировано в селе Мигиново Островского района.⁶

«У меня хазяин был, вроди кулака, работал у ниво, как бурый волк» — подобный оборот зафиксирован шесть (!) раз в следующих местах: Крутцы Новоржевского района, Болотница Бежаницкого района, Чертёны Дновского района, Копылок Пустышкинского района, Пахомово Великолуцкого района и, что нам особенно существенно, — Камено Опочецкого района, т. е. в непосредственной близости от Михайловского!

Как видим, Пушкин мог усвоить это словоупотребление не только от няни, но и в живом общении с крестьянской средой Псковской губернии.

Мы не знаем, как возник этот оборот. Дело в том, что в том же псковском словаре есть весьма близкое: «Как бурый вол работать», что кажется более «осмысленным». Не превратился ли «вол» в «волка»? Это предположение (для наших целей вообще не существенное), однако, опровергается. Дело в том, что в польском языке есть слово «bygu», которое в исторических языковых словарях разъясняется как «ciemno-szago-brunatni» или «kologu ciemnoszagego z plamami».⁷ Необходимо указать, что во втором случае в качестве примера приведен именно «bygu wilk».⁸ Нельзя, наконец, не упомянуть о том, что в авторитетнейшем словаре М. Фасмера польское «bygu» переводится тоже как «темно-серый».⁹

⁵ Рукою Пушкина, с. 413.

⁶ Псковский областной словарь. Л., 1973, вып. II, с. 109, 110, 221; 1979, т. IV, с. 110—111.

⁷ Słownik staropolski. Warszawa, 1954, t. I, sz. 3, s. 178.

⁸ Słownik języka polskiego (= Słownik Lindego). Lwow, 1854, t. I, s. 201. — Этот словарь в издании 1807 г. был в библиотеке Пушкина.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. I, с. 249.

Таким образом, становится очевидным, что, введя в свои стихи выражение «бурый волк», Пушкин очередной раз имел «непосредственную встречу с живой народной речью».¹⁰ Никакой ошибки он не совершил; вероятно, его привлекло разрушение привычного постоянного эпитета.

В русской журналистике 1825 г. неожиданно возникла полемика о существовании волков непривычного (не серого) цвета. Журналист А. Ф. Воейков в статье «Прогулка в селе Кускове» упомянул, между прочим, что в этом поместье гр. П. Б. Шереметева «прежде жили <...> пегие и черные волки».¹¹

В журнале «Сын отечества» автор, скрывшийся под криптонимами Д. Р. К., — т. е. Греч¹² или, по разысканиям С. А. Фомичева, Ф. В. Булгарин, — полемику заметил, что в статье этой названы «черные волки, о которых мы доселе не слыхивали и не видывали».¹³

Воейков немедленно ответил на этот выпад в «Русском инвалиде» статьей «Доказательство того, что есть на свете черные и пегие волки и что они водились в селе Кускове».¹⁴ Статья была без подписи, но авторство редактора газеты Воейкова бесспорно. В статье он ссылаясь даже на Бюффона.

В следующем же номере «Сына отечества» полемика была продолжена. Теперь уже Воейков уличался в том, что его статья в «Русском инвалиде» и, в частности, утверждение о черных и пегих волках представляет собою «парафраз» из изданной в Москве в 1787 г. анонимной брошюры «В. Г. Вороблевского» «Краткое описание села Спаского Кусково тож».¹⁵ Дело в том, писал оппонент Воейкова, что в этой брошюре сказано, будто в зверинце жили редкие волки черного и пегого цвета (с. 18), но это совсем не значит, что они «водились», т. е. обитали на свободе, как выходит из заглавия заметки Воейкова. Впрочем, Д. Р. К. признавал, что «на Дону иногда, хотя весьма редко, попадаются *темношерстые волки с проседью* (курсив журнала, — С. Р.)».¹⁶

Нет никакого сомнения, что Пушкин, внимательно следивший за современной ему журналистикой, знал все эти статьи. Не исключено, что они сыграли свою роль в употреблении им оборота «бурый волк». Привычный эпитет «серый» оказался, таким образом, распатанным.¹⁷

С. А. Рейсер

¹⁰ Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышева. М.; Л., 1950, с. 267 («От редакции»). — Мне не пришлось встречать сочетание «бурый волк» нигде, кроме как у Пушкина; возможно, что включение его в «Словарь эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (Л., 1979, с. 61) основано именно и только на двух примерах из Пушкина.

¹¹ Северные цветы на 1825 год, с. 106; перепечатано: Новости литературы, 1826, кн. 17, № 9—10, с. 97—113.

¹² По Масанову (т. II, с. 318).

¹³ Сын отечества, 1825, ч. 99, № 2, с. 213.

¹⁴ Русский инвалид, 1825, 17 января, № 14, с. 55—56.

¹⁵ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725—1800. М., 1962, т. I, с. 487 (№ 1462). Заглавие сокращено.

¹⁶ Сын отечества, 1825, ч. 99, № 3, с. 387.

¹⁷ Весь материал по «Сыну отечества» любезно указал мне С. А. Фомичевым, которого искренне благодарю за помощь.

IV. ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1979 г.

Особенностью научно-исследовательской работы в музее в 1979 г. в связи с закрытием на капитальный ремонт Музея-дачи А. С. Пушкина и продолжающимися проектными работами в Музее-квартире являлось четкое взаимодействие с проектантами: своевременная выдача исторических справок, образительного материала, аналогий, обоснованных заданий. Экспозиционный отдел музея работал над экспозиционно-тематическим планом новой литературно-мемориальной экспозиции Музея-дачи. Сектором передвижных выставок к юбилейным Пушкинским дням составлялся экспозиционно-тематический план выставки «Пушкин и Грибоедов на Кавказе».

Большое внимание было уделено вновь созданному отделу книжных фондов. Начата работа по выделению из библиотеки музея запланированных 20 тысяч единиц русской и иностранной книги XVIII—начала XIX в., пушкинианы и редкой русской периодики XVIII—начала XX в.

Сотрудники музея составили 404 научных паспорта на фондовые материалы и подготовили следующие научные сообщения: «Общественная и писательская позиция В. А. Жуковского» (Г. С. Тюрина); «Поэтика Державина» (Т. К. Санасарян); «Мебель мастерской Гамбса в собрании музея» (А. Г. Пинаева); «Последний год жизни Пушкина» (С. Л. Абрамович); «Открытие мемориального Музея-Лицея в 1949 г.» (С. В. Павлова); «К столетию пушкинского Александровского Лицея» (С. В. Павлова); «История росписей здания нового флигеля Лицея» (Е. Н. Иванова); «Научная обработка фондов. Из опыта работы сотрудников Всесоюзного музея А. С. Пушкина» (Г. П. Балог).

На Пушкинских чтениях в Михайловском прочитаны доклады: «Ноябрьские анонимные письма и их роль в дуэльной истории Пушкина» (С. Л. Абрамович); «Библиотека Музея-квартиры А. С. Пушкина» (Л. П. Кузьмина); на конференции в Б. Болдино — «История экспозиции Музея-квартиры А. С. Пушкина и проблемы ее развития» (Н. И. Попова). В Государственном литературном музее Т. К. Санасарян выступила с сообщением «Раевские в рисунках Пушкина», в Государственном музее А. С. Пушкина Р. Г. Жуйкова прочитала доклад «Москва и москвичи в рисунках Пушкина. Альбом Ушаковых».

Состоялось очередное заседание ученого совета музея, посвященное тридцатилетию Музея-Лицея. На нем с научными докладами выступили

С. В. Павлова («Открытие мемориального Музея-Лицея в 1949 г.»), Е. Н. Иванова («К истории росписи в здании Лицея») и Г. И. Назарова («История лицейского сада и памятник Пушкину»). Воспоминаниями о создании Музея-Лицея в 1949 г. поделились старейшие работники: О. В. Ломан, В. К. Зажурило, Е. С. Гладкова. О восстановлении здания Лицея рассказал архитектор А. А. Кедринский.

В Международный год ребенка особенно большое внимание уделялось работе с учащимися. Проводились детские утренники, вечера для старшеклассников, читались лекции, экспонировались две выставки детских рисунков: «Мы рисуем в Эрмитаже» и «Пушкин глазами детей». Последняя выставка состояла из работ, присланных детьми разных республик страны. Выставку эту посетило 19 тысяч человек. Лучшие работы оставлены в фондах музея.

Продолжила работу постоянная выставка «Пушкин в изобразительном искусстве XIX—XX вв.». Ее посетили 31 988 человек. Передвижную выставку «Пушкин. Жизнь и творчество» увидели жители Новочеркасска, Таганрога, Ростова-на-Дону (43 055 посетителей).

Совместно с Государственным музеем этнографии народов СССР к Международному дню музеев была открыта выставка «Творчество Пушкина в искусстве лаковой миниатюры». На выставке экспонировались работы известных мастеров Палеха, Мстеры, Холуя, Федоскина.

В этот же день прошла научная конференция, на которой выступили научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина Е. Н. Монахова, кандидат искусствоведения В. А. Фалеева (Государственный Русский музей), В. С. Бойков (Государственный музей этнографии народов СССР), И. Н. Уханов (Государственный Эрмитаж), заместитель директора Музея палехского искусства В. Т. Котов (Палех).

В течение года по музею и его филиалам прошло 559 216 человек, проведено 16 178 экскурсий. В Ленинграде, Ленинградской области, местах экспонирования передвижной выставки, по трассе БАМа прочитано 329 лекций, которые прослушало 24 939 человек.

Как всегда, торжественно и разнообразно проходили юбилейные Пушкинские дни — 180-летие со дня рождения поэта. Сотрудники музея принимали участников 13-го Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, проводили литературно-музыкальные вечера, утренники, в различных аудиториях выступали со словами о Пушкине. Проводилась большая лекционная работа. Как и в прошлом году, сотрудники музея приняли участие в празднике поэзии на северобайкальском участке БАМа. По трассе было прочитано 40 лекций, которые прослушало 5600 человек.

На базе отдыха Павловского дворца экспонировалась выставка «Пушкин в работах советских художников», в павильоне парка Екатерининского дворца — фотовыставка Ю. Г. Белинского «Пушкинское Святогорье». С рассказами о музее, его филиалах и фондах в телевизионных программах «Время» и «Монитор» выступали научные сотрудники музея.

Отмечались памятные пушкинские даты. 10 февраля, на традиционном торжественно-памятном собрании, посвященном 142-й годовщине со дня смерти А. С. Пушкина, выступали ученый секретарь Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) кандидат филологических наук

С. А. Фомичев, писатели Б. Ахмадулина, И. Фоняков, заслуженный артист РСФСР Ю. Родионов, артист Ленконцерта В. Попов, квартет Малого оперного театра, хор мальчиков Хорового училища при Ленинградской академической капелле им. М. И. Глинки.

Два вечера были посвящены 180-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина. В них приняли участие писатель Д. Гранин и заслуженный артист РСФСР А. Кутепов.

На вечере, посвященном 150-летию со дня гибели А. С. Грибоедова, с литературной композицией «Итог жизни» выступила автор-исполнитель, артистка Московской государственной филармонии Антонина Кузнецова. К этой дате была подготовлена временная выставка документов и книг с автографами А. С. Грибоедова из коллекции М. С. Лесмана.

На вечере памяти декабристов с докладом «Грибоедов и декабристы» выступил ученый секретарь Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) кандидат филологических наук С. А. Фомичев.

19 октября, в день 168-й лицейской годовщины, отмечалось столетие первого пушкинского музея. С докладом об истории создания музея выступила заведующая Музеем-Лицеем С. В. Павлова.

С литературно-документальной композицией «Что мой Кюхля?» познакомил присутствующих артист Государственного академического театра им. Моссовета Анатолий Адоскин.

В литературно-монографическом музее состоялся вечер, посвященный 175-летию со дня рождения М. И. Глинки. С докладом «М. И. Глинка в Царском Селе» выступила заведующая Литературно-монографической экспозицией Всесоюзного музея А. С. Пушкина Н. И. Грановская. Кандидат искусствоведения Т. А. Хопрова рассказала о М. И. Глинке и его месте в русской музыке. Произведения композитора исполнили преподаватели и студенты Ленинградской Государственной консерватории им. Римского-Корсакова.

С 19 по 21 марта на базе музея проходил семинар-стажировка главных хранителей литературных и мемориальных музеев РСФСР.

На семинаре были подняты вопросы, связанные с повышением эффективности работы литературных и мемориальных музеев РСФСР по коммунистическому воспитанию трудящихся, с проблемой научного комплектования фондов, с методикой проведения сверки наличия фондов с учетной документацией, с систематизацией, научной обработкой и каталогизацией документальных материалов и др. С докладами «Координация работы отделов музея в период построения экспозиций» и «Методика научной обработки фондов Всесоюзного музея А. С. Пушкина» выступили заместитель директора музея по научной работе А. И. Минина и главный хранитель Г. П. Балог.

Проводилась плановая собирательская работа. Вот перечень наиболее интересных приобретений: виды С.-Петербурга и его окрестностей — 11 литографий А. Е. Мартынова; виды Москвы и различных городов России — 36 цветных гравюр по рисункам М. Ф. Дамам-Демартре из альбомов 1800—1810-х гг.; альбом «Живописные изображения обычаев, нравов и развлечений русских в 100 раскрашенных гравюрах» по рис. Аткинсона (1803); «Описание праздника, данного родными и друзьями его превосходительству

В. А. Всеволожскому по случаю дня его рождения в Рябове 25 октября 1822 года» с приложением 15 гравюр Дезарно и нотами музыкальных произведений, созданных по этому случаю; альбом, состоящий из 63 очерковых гравюр Ф. П. Толстого к поэме Богдановича «Душенька».

Музей получил ценные дары. От потомка К. Ф. Рыльева Н. Н. Органова получено золотое кольцо К. Ф. Рыльева, старинный пресс для бумаг, гравюра Р. Полларда по оригиналу Р. Смирке «Покушение на короля Георга III» (Лондон, 1786) и несколько книг (в их числе: Карамзин Н. М. Сочинения, т. 3. М., тип. С. Селивановского, 1814, — на титульном листе автограф «Из книг К. Рыльева»; «Полярная звезда. Карманная книжка на 1824 год для любителей и любителей русской словесности», изд. А. Бестужевым и К. Рылевым, и др.). От москвича А. А. Раменского получена коллекция книг и различных бытовых предметов.

В Лениздате вышел «Путеводитель по Музею-квартире А. С. Пушкина» Н. И. Поповой.

Г. А. Черкасова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА) В 1979 г.

Важнейшим событием в жизни музея в 1979 г. явилось завершение работ по переводу изобразительных материалов и фонда редкой книги в новое хранильское помещение. В результате обеспечено раздельное хранение фондов живописи и оригинальной графики (2 комнаты), фонда эстампа (2 комнаты), прикладного искусства, скульптуры, тканей, нумизматики, мелкой пластики (5 комнат), крупногабаритной скульптуры и мебели (2 комнаты).

В настоящее время ведется работа по оборудованию специального хранения коллекции П. В. Губара; помимо изобразительных материалов и книг в него войдут мебель, фарфор и некоторые предметы убранства, переданные дарительницей этой коллекции А. Г. Ливер.

Значительно расширены хранильские площади для фонда редкой книги, а также книжных коллекций и собраний, полученных в дар.

В 1979 г. продолжался прием коллекции П. В. Губара. Основная часть нового поступления (1132 ед.) состоит из альбомов, папок с карандашными и акварельными рисунками, гравюрами и литографиями. Среди оригинальной графики особую ценность имеют рисунки Айвазовского, Афанасьева, Знаменского (изображения мест, связанных с пребыванием декабристов в Сибири), Кольмана, Орловского, братьев Чернецовых. В гравюрах и литографиях представлены виды Петербурга, Москвы, Кавказа, Крыма, а также сцены из жизни народов России и жанровые зарисовки. Можно назвать некоторые особенно редкие издания: план Петербурга, переплетенный в книгу с 17 гравюрами Махаева (1753); 11 видов села Надеждина — гравюры Ческого, Иванова и др. конца 1790-х гг.; «12 месяцев» — гравюры акватинтой по оригиналам Дамам-Демартре, изданные в Париже в 1812 г.; «Наказания, применяемые в России» — цветные гравюры И. Гейслера (Лейпциг, 1806);

«Народы, живущие между Каспийским и Черным морями» — раскрашенные литографии К. Бегрова (СПб., 1822).

Среди других материалов, полученных музеем в дар, следует отметить: портрет московского знакомого семьи Пушкиных Д. П. Бутурлина (акварель неизвестного художника, 1810—1820-е гг.) — дар потомка Бутурлина, Роберто Антинори (Флоренция), передан И. Н. Бочаровым и Ю. П. Глушковой; портрет Абамелек-Лазаревой, знакомой Пушкина и переводчицы его произведений (акварель неизвестного художника, 1840-е гг.) — дар О. Е. Ходорович; несколько портретов современников Пушкина, в их числе четыре работы П. Ф. Соколова 1810—1820-х гг., портрет архимандрита Фотия (дерево, масло, неизвестный художник, 1820-е гг.), а также фарфоровый трактирный чайник — дар Е. В. Софроницкой-Кранц, и др.

Научная и научно-экспозиционная работа музея была посвящена 180-летию А. С. Пушкина.

По инициативе музея впервые за 25 лет в Москве состоялась академическая Пушкинская конференция. Она была проведена 30 и 31 мая совместно с Институтом мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького. На ней выступили члены-корреспонденты АН СССР Д. Д. Благой, В. Р. Щербина и др.

Также по инициативе музея одно из заседаний конференции было специально отведено теме «Пушкин и Москва». С докладами выступили Н. Я. Эйдельман (о возвращении Пушкина в Москву в 1826 г. — по новым материалам), С. К. Романюк (об обнаружении пушкинского автографа в договоре о найме квартиры на Арбате) и др. От музея выступили кандидаты филологических наук Е. В. Муза («Важнейшие научные работы Музея А. С. Пушкина») и Н. И. Михайлова («Василий Львович Пушкин и литературный быт Москвы»).

В 1979 г. в музее состоялось 19 открытых научных заседаний. Доклады были посвящены проблемам изучения биографии и творчества А. С. Пушкина, пушкинским традициям в русской и советской литературе, специальным вопросам музееведения. Выступили Л. С. Осповат («„Каменный гость“ как трагедия о художнике»), Л. С. Сидяков («Пушкин: биография и творчество»), И. Ф. Балза («Пушкинские традиции в творчестве М. А. Булгакова»), Я. А. Гордин («К вопросу о восстании 14 декабря 1825 г.»), В. С. Листов («О пушкинском отрывке „На тихих берегах Москвы...“»), И. С. Зильберштейн («Парижские находки продолжаются»), Ю. П. Глушкова, И. Н. Бочаров («Бутурлины — друзья детства Пушкина. Из итальянских находок») и др.

Специальное заседание было посвящено некоторым итогам изучения материалов из коллекции И. А. Полонского. С докладами по атрибуции портретов и редких изданий выступили сотрудники музея В. Ф. Муленкова, Л. И. Вуич, Г. Г. Курочкина.

Основное внимание в научной работе уделялось московской теме в жизни и творчестве Пушкина. Среди научных исследований и докладов сотрудников музея, выполненных в 1979 г., необходимо отметить следующие.

«Из истории семьи А. П. Хрущева и ее усадьбы (здание Государственного музея А. С. Пушкина)». Автор — Н. М. Волович. История дома гвардии прапорщика А. П. Хрущева была рассмотрена в докладе в тесной связи

с некоторыми общими вопросами градостроительства Москвы: застройкой Пречистенки в XVI—XVIII вв., пожаром 1812 г., послепожарной застройкой города и особенностями московской архитектуры. На основании изучения мемуарных материалов и архивных источников охарактеризован быт семьи Хрущевых, установлен круг посетителей, в числе которых в 1820—1830-х гг. были родственники и знакомые Пушкина.

«Из истории московской иконографии Пушкина». Автор — Е. В. Павлова. Тема является частью большого исследования «Пушкин в портретах», охватывающего как прижизненные изображения поэта, так и позднейшие, выполненные советскими мастерами. Прделанная работа легла в основание рукописи «Пушкин в портретах», подготовленной Е. В. Павловой к печати.

«Пушкин в московской периодике 1826—1828 гг.». Автор — Г. Г. Курочкина. В работе собраны и учтены все статьи, заметки, упоминания о Пушкине в московских журналах, альманахах, газетах этих лет: «Московский телеграф», «Московский вестник», «Атеней», «Дамский журнал», «Московские ведомости» и др. — всего 13 названий. Весь материал систематизирован по 14 рубрикам, которые учитывают статьи о Пушкине, разборы его произведений в других статьях, объявления о выходе в свет его книг, отклики на пребывание Пушкина в Москве, на бесчисленные подражания поэту и т. п. Большинство текстов после 1820-х гг. нигде не публиковалось или использовалось исследователями лишь частично и в труднодоступных изданиях. В дальнейшем эта журнальная летопись должна быть доведена до 1837 г.

В 1979 г. продолжалось изучение и описание музейных коллекций, составление научных паспортов на материалы изобразительного, книжного и рукописного фондов.

Важнейшие результаты научных исследований были опубликованы сотрудниками музея в 29 научных и популярных статьях; кроме того, написано 8 рецензий, подготовлено 8 радио- и телевизионных передач. Приведем перечень наиболее значительных печатных работ.¹

Крейн А. З. Жизнь музея. Это издание является как бы продолжением вышедшей в 1969 г. книги «Рождение музея». Мы находим здесь своеобразный отчет о работе музея за истекшие годы; в ней рассказывается о трудностях и радостях музейной профессии, о поисках и находках, об изучении найденных вещей, о друзьях музея, о его планах и перспективах и прежде всего — о плане создания мемориальной квартиры Пушкина на Арбате.

Муза Е. В., Овчинникова С. Т. Жизнь и творчество А. С. Пушкина. Материалы для выставки в школе и детской библиотеке. Книга содержит краткий очерк основных этапов жизни и творчества А. С. Пушкина, рассчитана как на преподавателей, так и на учеников старших классов и предназначена для организации школьной выставки. В ней помещено около 60 иллюстраций, воспроизводящих экспонаты музея (портреты Пушкина, его современников, виды пушкинских мест) и сопровождаемых текстами Пушкина, Беллинского, Герцена и др.

¹ Выходные данные этих работ см. выше, в библиографическом обзоре В. В. Зайцевой «Пушкиниана 1979 года».

Фрумкина А. С. Пушкинские вечера, вып. 2. Книга состоит из методической статьи и четырех литературно-музыкальных композиций, построенных в основном на труднодоступных широкому читателю материалах (документы, воспоминания современников Пушкина); она предназначена для руководителей и участников художественной самодеятельности, методистов домов народного творчества, режиссеров народных театров, учителей и библиотекарей.

Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. Книга явилась итогом многолетнего изучения истории Москвы. В ней охарактеризовано более ста мест, связанных с пребыванием Пушкина, рассказывается о детских годах поэта, о возвращении его в Москву после ссылки, о московских литераторах, людях науки и искусства, о друзьях и знакомых поэта. Одна из глав посвящена быту Москвы пушкинского времени. Книга снабжена алфавитным указателем пушкинских мест. Среди иллюстраций — рисунки Пушкина, воспроизведение акварелей, гравюр и литографий эпохи Пушкина (виды мест, портреты), фотографии домов в их современном виде, архивные документы (планы, фасады зданий).

В 1979 г. музей посетило более 77 тысяч человек. Как и прежде, широко применялись разнообразные формы массовой работы: тематические экскурсии, циклы экскурсий и лекций для факультативных групп, выездные лекции с использованием короткометражных фильмов, магнитофонных записей, диапозитивов.

Специальная работа проводилась с отдельными категориями посетителей, с учащимися ПТУ, военнослужащими, строителями олимпийских объектов, строителями БАМа, тружениками села.

В течение года в музее демонстрировались четыре выставки: «Дар П. В. Губара», «Дар А. В. Терновского», «Пушкин глазами детей. 1979» и «Сказки Пушкина в детских театрах страны».

Так же успешно продолжалась работа с передвижными выставками. Так, в Тбилиси по просьбе республиканских организаций Грузинской ССР была организована выставка «Пушкин и его окружение»; она явилась самой большой по объему выставкой музея, созданной на подлинных материалах. Просуществовавшая около месяца выставка привлекла внимание широких слоев грузинской общественности: ее посетило 26 тысяч человек, проведено 38 специальных экскурсий. К открытию выставки были выпущены афиши, буклет на русском и грузинском языках, состоялся репортаж по тбилисскому телевидению с участием сотрудника музея.

Более трех месяцев в Калмыцкой государственной галерее (г. Элиста) экспонировалась выставка «Пушкин глазами детей». Приуроченная к Международному году ребенка, она пользовалась большой популярностью: ее посетило более 7 тысяч человек, проведено 145 экскурсий. Печать, радио и телевидение Калмыкии в заметках и репортажах отмечали, что выставка интересна своей идеей, а рисунки юных живописцев имеют высокий художественный уровень.

В 1979 г. в музее состоялось пятьдесят вечеров; в их числе — Пушкинские чтения, музыкальные вечера, вечера советской поэзии, документально-публицистические композиции, посвященные юбилейным датам.

Основное внимание уделялось Пушкинским чтениям, посвященным 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Показаны лучшие пушкинские программы ведущих мастеров художественного слова: «Пиковая дама» народного артиста СССР Д. Н. Журавлева; «Евгений Онегин» заслуженного артиста РСФСР Я. М. Смоленского; «Домик в Коломне» и «Граф Нулин» заслуженного артиста РСФСР С. Ю. Юрского; «Пушкин и Петр I» заслуженного артиста РСФСР Ю. В. Мышкина; «Арап Петра Великого» и «Пушкин в Лицее» лауреата всероссийского Пушкинского конкурса чтецов заслуженного артиста РСФСР А. Я. Кутепова (пятидесятилетие артиста было торжественно отмечено в музее).

Состоялись премьеры композиций артиста Театра киноактера А. Якимова «Мой реквием меня тревожит» и артиста Театра сатиры Ю. Авшарова «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» и «Пир во время чумы».

Выступали ученые-пушкинисты В. С. Непомнящий (комментированное чтение пяти глав «Евгения Онегина») и Н. Я. Эйдельман («Первая михайловская осень» — по новым материалам).

С творческими отчетами в музее выступили поэты Д. Самойлов, М. Квливидзе, Л. Ошанин, Р. Казакова.

Е. А. Дудина

«В ДЕРЕВНЕ, ГДЕ ПЕТРА ПИТОМЕЦ. . .» (Дом-музей Ганнибалов в селе Петровском)

День 21 августа 1977 г. вошел в историю Пушкинского заповедника Псковской области замечательным событием. При многочисленном стечении народа председатель Пушкинской комиссии АН СССР академик М. П. Алексеев открыл в селе Петровском новое мемориальное учреждение: Дом-музей предков и современников Пушкина, Ганнибалов. Как всегда вдохновенно и патетически прозвучало слово директора заповедника С. С. Гейченко о замечательном предке поэта — Абраме Петровиче Ганнибале. Коснулся оратор и тех больших трудностей, которые сопутствовали семи годам восстановления этой усадьбы XVIII в.¹

С воссозданием Дома-музея в Петровском Пушкинский заповедник обрел наконец всеобъемлющую историческую полноту и конкретность как единый музейно-мемориальный комплекс, раскинувшийся на огромном пространстве среди великолепнейших ландшафтов, освященных именем Пушкина. Петровское и ранее, еще до восстановительных работ, привлекало многих посетителей своим старинным регулярным садом и руинами сторевшей в 1918 г. усадьбы. Но только теперь, когда за первые годы своего существования музей принял сотни тысяч экскурсантов, как странный курьез

¹ См.: Гейченко С. 1) По следам «Арапа Петра Великого». — Литературная Россия, 1976, 11 июня; 2) Библиотека Ганнибала. — Литературная Россия, 1976, 10 сентября; Виноградов И. Здесь рождались волшебные строки. — Правда, 1977, 5 июня.

воспринимаются раздававшиеся когда-то возражения против реконструкции дома Ганнибалов. Конечно же, никакое самое богатое воображение не способно было воздвигнуть на руинах живой мемориальный образ, воссозданный археологическими исследованиями под руководством профессора Бартенева, реставрационными работами по проекту архитектора Рахманиной, неустанными многолетними поисками ганнибаловских реликвий, которыми были заняты старейшие работники заповедника. Ныне здесь хранятся печать Ганнибалов с фамильным гербовым знаком, межевой план, две книги, принадлежавшие А. П. Ганнибалу и обнаруженные С. С. Гейченко, саксонская фарфоровая ваза В. П. Ганнибала, шкатулка красного дерева, переданная музею праправнучкой П. А. Ганнибала, К. Я. Коротовой. Кроме этих драгоценных реликвий в музее экспонируются старинные гравюры периода Северной войны, картины, портреты, географические карты и атлас 1745 г., военно-инженерный инструментарий, уникальные образцы мебели петровской эпохи. Экспозиция музея, охватывающая жизнь Ганнибалов трех поколений, разрабатывалась прежде всего с учетом глубоких исторических интересов Пушкина, отразившихся в его творчестве.²

Через Пушкина и благодаря ему возник всеобщий интерес к личности его африканского прадеда. На фоне петровской эпохи, изобилующей яркими и самобытными фигурами, личность царского крестника и воспитанника, Абрама Петровича Ганнибала, является одной из самых замечательных. Вся его долгая жизнь, за исключением раннего детства, прошла в России, где пережил он семь царствований, обрел настоящую родину, оставив на скрижалях ее истории свой заметный след как продолжатель дела Петра и как прадед величайшего русского поэта. Облик А. П. Ганнибала до недавнего времени представлялся не иначе как по известному портрету, воспроизводимому во всех пушкинских изданиях. В последнее время ряд исследователей обратились к изучению этого портрета, что привело к неожиданным результатам.³ Тщательный анализ архивных данных, проведенных недавно скончавшимся военным историком Георгом Леецом, позволил ему установить некоторые весьма существенные несоответствия в деталях мундира и наградах особы, считавшейся Ганнибалом. Это обстоятельство побуждает более внимательно изучить художественные памятники, увековечившие события Северной войны, непременно участником которых в свите Петра был прадед поэта.

В парадном зале музея висит старинная гравюра, изображающая «матерь Полтавской битвы» — битву при Лесной. История создания гравюры достаточно любопытна. В январе 1716 г. Петр отправился во второе свое путешествие по Европе. Тридцатитысячное войско, сопровождающее царя, напоминало о мощи России, о недавней победе при Полтаве и облегчало дипломатические переговоры. В команде литаврщиков и барабанщиков Преображенского полка, главного полка русской армии, состоял денщик и

² Подробнее об экспозиции музея в Петровском см.: Бозырев В. С. Музей-заповедник А. С. Пушкина. Л., 1979, с. 195—210.

³ См.: Сергеев М. Сибирские злоключения Арапа Петра Великого. — Альманах «Ангара» (Иркутск), 1970, № 6; Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980, с. 186—187; Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981, с. 133—134.

крестник царя Абрам Петров. Среди многочисленных дел своих в Париже царь заказал известному художнику-баталисту Пьеру Мартену-младшему (1663—1742) картины на сюжеты русско-шведской войны. Работа затянулась на годы. На основе картин и картонов П. Мартена там же, в Париже, ткались для русского двора гобелены, до нашего времени, к сожалению, не дошедшие. Но в Эрмитаже хранится картина этого мастера «Битва при Лесной». На большой плоскости холста средствами живописи представлено все сражение от начала до конца. Одни и те же русские полки и батальоны участвуют неоднократно на разных этапах баталии. Сражение на полотне развернуто до самой линии высокого горизонта. На переднем же плане представлен штаб русских войск во главе с Петром. В этой группе среди всадников, в правом нижнем углу картины, изображен довольно рослый подросток с почти черным лицом, в мундире преображенца, но в восточном головном уборе. При взгляде на эту фигуру невольно приходят на память слова Пушкина из письма его к брату (1825): «Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы» (XIII, 143). Возможно, поэт видел не только мартевовскую «Лесную», но и его же «Полтаву» и другие картины (или гравюры с них), на которых был запечатлен экзотический предок поэта. Гравюра с картины Мартена, имеющаяся в музее, выполнена Н. Лермессоном (см. ил. на с. 170 наст. изд.).

Среди копий черновиков Пушкина, представленных в экспозиции музея и относящихся к периоду работы над главами романа о царском арапе, привлекает внимание лист (ПД, 836, л. 23 об.), на котором среди летучих пушкинских строк столь же стремительно набросан профиль молодого Ибрагима (см. ил. на с. 171). По самому костяку, особенностям формы головы, лицевому углу профиль этот иконографически близок к изображению лица барабанщика на картине Мартена, а с другой стороны — в чем-то сходен с пушкинскими автопортретами. Давая выразительный, утрированный, почти гротесковый образ «царского арапа», Пушкин словно угадывает в своем облике фамильные ганибаловские черты.

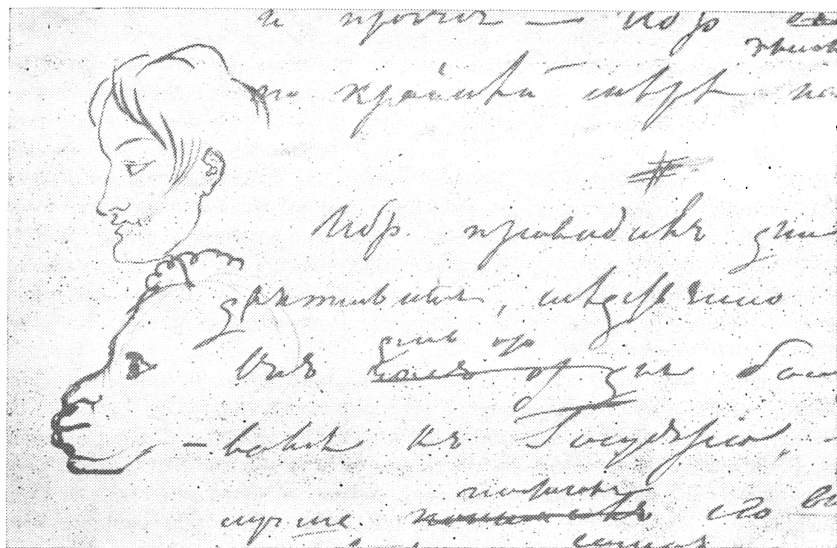
Мы задержались на характеристике лишь двух экспонатов музея в Петровском. Само их столь естественное здесь соседство стимулирует возникновение изложенной выше гипотезы, детальная проверка которой предстоит в дальнейшем.

Новый музей Пушкинского заповедника живет полнокровной жизнью. Экспозиция его совершенствуется и пополняется новыми поступлениями. Источники у них самые разнообразны. Это и потомки А. П. Ганибалы, и научно-исследовательские учреждения, и горячие поклонники Пушкина, которым несть числа.

Периодически в залах второго этажа музея устраиваются выставки работ советских мастеров живописи и графики на пушкинские темы. Здесь демонстрируются две графические серии, переданные в дар музею их авторами, ленинградскими художниками В. М. Звонцовым и Э. Х. Насибулиным, которые постоянно помогали работникам заповедника в восстановлении усадьбы. Серия офортов-миниатюр В. М. Звонцова, поэтичных и тончайших по исполнению, подобно лирическим стихотворениям открывает в обыденном красоте Пушкинского Святогорья. Сюита офортов Э. Х. Насибулина

Битва при Лесной. С картины П. Мартена-младшего. Гравюра
Н. Лермесена (фрагмент).

А. С. Пушкин. Автограф. «Арап Петра Великого».

«Легенды об Арапе Петра Великого» решена в иной, несколько гротесковой манере, стилизованной отчасти под пушкинский рисунок. В многофигурной композиции перед нашими глазами предстают различные эпизоды удивительной судьбы предка великого русского поэта.

Б. М. Козмин

**МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА
В СЕЛЕ БОЛЬШОЕ БОЛДИНО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1979 г.**

С 1 по 3 июня 1979 г. на нижегородской земле проходил 13-й Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии.

В составе делегации Союза писателей СССР, прибывшей в г. Горький, — В. Боков (руководитель делегации), Г. Бровман, Л. Васильева, П. Вегин, В. Завадский, С. Алексеев и Б. Костюковский (Москва), В. Коротаев (Вологда), М. Братан (Херсон), М. Сергеев (Иркутск), Х. Гагуа (Грузия) и редактор издательства «Художественная литература» Т. Аверьянова. Делегацию встретили руководители партийных и советских органов, представители общественности. После беседы в обкоме КПСС, возложения цветов к памятникам В. И. Ленину и А. М. Горькому и ознакомления с достопримечательностями города писатели посетили ряд предприятий. Работники

Горьковской студии телевидения организовали телепередачу «Гости праздника — с голубых экранов».¹

2 июня в Болдине состоялся торжественный вечер, посвященный 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. На вечере присутствовали: делегация Союза писателей СССР и Горьковского отделения Союза во главе с его председателем И. И. Бережным, народный художник РСФСР скульптор О. К. Комов, архитектор Н. И. Комова (Москва), заместитель председателя Горьковского облисполкома А. Ф. Горев, секретарь Горьковского обкома КПСС И. З. Борисова, начальник Горьковского управления культуры А. Г. Трухманов и др. Гостей праздника приветствовал первый секретарь Большеболдинского райкома КПСС В. Г. Лачинов. На вечере выступили поэты Виктор Боков, Лариса Васильева, Петр Вегин, Виктор Коротаев, Валерий Шамшурин и др.

Центральным событием праздника в Болдине стало открытие памятника А. С. Пушкину работы народного художника РСФСР скульптора О. К. Комова. Торжественный митинг, посвященный этому событию, открыл В. Г. Лачинов. На митинге выступили секретарь обкома КПСС И. З. Борисова, секретарь партийной организации совхоза «Пушкинский» А. М. Пальцев, поэт Виктор Боков, критик А. И. Елисеев, авторы памятника. Была зачитана приветственная телеграмма в адрес создателей памятника от И. Л. Андроникова. Горьковский камерный ансамбль «Концертино» исполнил несколько пьес Д. С. Бортнянского. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» прозвучало в исполнении заслуженного артиста РСФСР А. Д. Познанского. Продолжая праздник, болдинский фольклорный хор исполнил несколько русских народных песен, бытовавших в Болдине в пушкинские времена. Торжества продолжались в заповедной роще Лучинник, где собрались тысячи болдинцев и гостей праздника. Прозвучали стихи в авторском исполнении, состоялся концерт участников художественной самодеятельности г. Арзамаса.²

С 13 по 16 сентября 1979 г. в Болдине проходило празднование 149-й годовщины Болдинской осени.

На торжественном вечере 13 сентября выступил с приветственным словом заместитель председателя Большеболдинского райисполкома А. В. Черданов, со словом о Пушкине — доцент Горьковского государственного педагогического института Р. М. Белоус, с сообщением о состоянии и задачах современного пушкиноведения — ученый секретарь ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), заведующий группой пушкиноведения кандидат филологических наук С. А. Фомичев и заведующий кафедрой русской литературы Рижского университета им. П. Стучки профессор Л. С. Сидяков, с рассказом

¹ См.: Бусалова Т. Как солнцу окна открывать. — Ленинская смена, 1979, 3 июня; Журавлева Т. Встречи с Пушкиным. — Ленинская смена, 1979, 7 июня; Займан А., Прохоров Н. Пушкиниана. — Горьковская правда, 1979, 10 июня.

² См.: Антошкин Е. Слово снова природы цветение... — Пушкинский праздник. Специальный выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России», 1979, 28 мая—6 июня; Иванов С. Монумент поэту. — Правда, 1979, 6 июня; Под сенью болдинских лип (интервью с народным художником РСФСР скульптором О. К. Комовым). — Литературная газета, 1979, 30 мая, и многие другие газеты и журналы.

о последней квартире А. С. Пушкина в Петербурге — заведующая Музеем-квартирой А. С. Пушкина на Мойке Н. И. Попова. Вечер завершился концертом артистов Горьковской государственной филармонии и выступлением фольклорного хора села Большое Болдино. Для гостей праздника и участников научной конференции была организована экскурсия по пушкинским местам района по маршруту Большое Болдино—Лучинник—Лабазки—Львовка.

Научная конференция «Девяты́е Болдинские чтения», организованная Музеем-заповедником А. С. Пушкина совместно с Горьковским государственным университетом им. Н. И. Лобачевского, проходила в музее 13—14 сентября. По сложившейся традиции ее тематика была связана с изучением творчества А. С. Пушкина 1830-х гг., в особенности болдинского периода, музейных и краеведческих вопросов, а также общих пушкиноведческих проблем. С докладами выступили Я. С. Билинкис («Проза Пушкина и художественные системы Толстого и Чехова»), В. А. Викторovich («Пушкинский мотив в „Идиоте“ Ф. М. Достоевского»), Н. И. Михайлова («В. Л. Пушкин и литературный быт Москвы»), Ю. В. Стенник («Радищев в идейно-политических исканиях Пушкина 1830-х годов»), А. П. Чудаков («Категория героя в художественной системе Пушкина»), Н. Е. Меднис («Сюжетные прогнозирование в произведениях Пушкина 1830-х годов»), И. Л. Альми («„Евгений Онегин“ и „Капитанская дочка“. Единство и полярность поэтических систем»), Е. С. Хаев («Проблема авторского слова в произведениях „онегинского круга“»), В. М. Маркович («Сон Татьяны в поэтической структуре „Евгения Онегина“»), Н. Д. Тмарченко («К проблеме романа в творчестве Пушкина („Евгений Онегин“ и „Цыганы“»)), С. А. Фомичев («Пародийный план поэмы „Домик в Коломне“»)), А. Е. Тархов («Пушкин и А. Нотбек»), Д. И. Белкин («О некоторых структурных особенностях болдинской поэмы „Анджело“»)), Г. В. Краснов («Образ „воспоминания“ в лирике Пушкина»), Л. С. Сидяков («Лирическое „я“ в болдинских стихотворениях Пушкина 1830-х годов»), В. С. Листов («Вокруг пушкинского отрывка „На тихих берегах Москвы“»)), Ю. Н. Чумаков («Ремарка Пушкина „Бросает яд в стакан Модарта“»)), Ю. И. Ороховацкий («Французские письма Пушкина болдинской поры»)), Н. И. Попова («История Музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке и проблемы экспозиции»), Н. Ф. Филатов («Пушкинские места Нижнего Новгорода»). Всего на конференции был прочитан 21 доклад; большинство их впоследствии опубликовано в кн.: Болдинские чтения. Горький, 1980.³

В Волго-Вятском книжном издательстве (Горький) в 1979 г. вышел очередной, четвертый выпуск научного сборника «Болдинские чтения», составленный на основании докладов, прочитанных на конференции 1978 г.⁴

³ См.: Данилов А. Болдинские чтения. — Ленинградская правда, 1979, 14 сентября; Немцов Ю. Пушкин неисчерпаем. — Горьковская правда, 1979, 21 сентября; Пушкинское Болдино. — Литературная Россия, 1979, 21 сентября; Степанов Н. В Болдино, к Пушкину... — Ленинская смена, 1979, 6 сентября.

⁴ См.: Тархов А. Болдинские чтения. Горький, 1976, 1977, 1978. — Литературное обозрение, 1979, № 6, с. 88—89.

В 1979 г. в Болдине проходили съемки кинофильмов «Медный всадник», «Пушкинская „Осень“» (Главная редакция научно-популярных и учебных программ Госкомитета по телевидению и радиовещанию), «Всесоюзный Пушкинский праздник в Болдине» (Ленинградская студия документальных фильмов), «Александр Пушкин» (киностудия «Леннаучфильм»), «Болдинская осень» (Ленинградская студия телевидения), «Болдинское притяжение» (Горьковская студия телевидения). В Болдине работала также группа кинематографистов Куйбышевской студии кинохроники.

В фильмах «Медный всадник» и «Пушкинская „Осень“» (творческая группа Центрального телевидения; режиссер Ю. М. Калинин, оператор Н. М. Калинин) в съемках участвовал народный артист СССР И. М. Смоктуновский; сценарий к фильму «Медный всадник» написал научный сотрудник ИМЛИ АН СССР им. А. М. Горького А. П. Чудаков, он же стал ведущим телепередачи, посвященной пушкинской «Осени». В фильме «Болдинское притяжение» принимал участие Герой Социалистического Труда поэт М. А. Дудин. Сотрудники музея оказывали содействие в работе над фильмами; в съемках участвовали главный хранитель Музея-заповедника Л. М. Малышкина, заведующая экскурсионно-массовым отделом Т. В. Королева, научный сотрудник музея Т. Н. Кезина.⁵

В феврале 1979 г. в ЦДРИ (Москва) по инициативе поэта Виктора Бокова был организован литературный вечер «Три болдинские осени» с участием литературоведа В. Н. Турбина, поэтов В. Бокова, А. Дементьева, заслуженных артистов РСФСР М. Козакова и Я. Смоленского, ансамбля народной музыки под управлением Д. Покровского. С рассказом о Музее-заповеднике А. С. Пушкина в Болдине выступила заведующая экскурсионно-массовым отделом музея Т. В. Королева.

В 1979 г. продолжалось изучение истории болдинских владений Пушкиных. С этой целью была просмотрена часть дел в фондах Государственного архива Горьковской области. Для научного архива музея были заказаны фотокопии «верющих писем» А. С. Пушкина, выданных «дворовому Петру Александровичу Кирееву для предъявления Нижегородской губернии в Сергачский уездный суд 1830 года сентября 19 дня» (с собственноручной подписью А. С. Пушкина) и ему же «для предъявления в Нижегородскую Палату Гражданского суда 1830 года октября 14 дня», «Журнала конкурса, учрежденного по долгам коллежского асессора В. Л. Пушкина 1834 года», «Дела о выдаче свидетельства помещице Сенцовой на имение, состоящее в Лукояновском уезде при деревне Ново-Успенское (Малая Болдина тож) 1912 года», «В Сергачевский земский суд коллежского асессора Василия Львова сына Пушкина и 5-го класса чиновника и кавалера Сергея Львова сына Пушкина объявления о фальшивомонетчике Дмитрие Ефимове 1825 года сентября 19 дня».

В фонды музея за 1979 г. поступило 987 экспонатов. Из них 623 относятся к основному фонду. Среди них — гравюры пушкинского времени (с оригиналов Делабарта: «Москва. Вид Яузского моста и дома Шляпкина в 1797 году», «Москва. Вид Спасских ворот в 1790-е годы» и др.), литогра-

⁵ См.: Зазвучат стихи. — Горьковская правда, 1979, 4 октября; Николасев А. Семь дней поэта. — Горьковская правда, 1979, 15 мая.

фии второй половины XIX в. из серии «Русский художественный листок В. Тимма» («Москва, Петровский замок. 1856 г.», «Останкино. Дача графа Д. Н. Шереметева... 1856 г.», «Вид крепости Карс... 1856 г.», «А. С. Пушкин. „Евгений Онегин“. Иллюстрации по рис. А. Шарлемана, 1862 г.» и др.), современные фотографии сел Большое Болдино, Кистенево, деревни Львовка и их окрестностей работы Г. Д. Петренко (Москва).

В библиотеку музея за 1979 г. поступило 256 книг.

Большое внимание уделялось массовой научно-просветительской работе. В 1979 г. с экспозицией музея ознакомились 33 504 человека. В течение года научными сотрудниками и экскурсоводами было проведено 1904 экскурсии. В селах Большеболдинского и других районов Горьковской области было прочитано 56 лекций по пушкинской тематике («Пушкин в Болдине», «Лирика Пушкина», «Дуэль и смерть Пушкина» и др.). В лектории музея, как и в предыдущие годы, проводились занятия университета культуры (факультет русской литературы первой трети XIX века). В феврале 1979 г. в районном доме культуры музеем был проведен памятный Пушкинский вечер при участии артистов народного театра села Большое Болдино, работников и учащихся районной музыкальной школы, болдинского фольклорного хора. Был организован вечер встречи жителей села с народным артистом СССР И. М. Смоктуновским. Велась работа по организации утренников для дошкольников и младших школьников, по размещению в организациях районного центра и селах района передвижных фотовыставок и т. п.

В 1979 г. Горьковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская продолжала работы по реставрации бывшего барского дома А. А. Пушкина в деревне Львовка. Сотрудники музея осуществляли контроль за ходом реставрационных работ.

Работа музея систематически освещалась по местному радио и в печати.

Н. А. Борисова

ПУШКИНСКИЕ МУЗЕИ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1979 г.

Самым значительным событием 1979 г. в жизни пушкинских музеев Калининской области явилось создание новой экспозиции в музее А. С. Пушкина в Торжке.

Музей в Торжке был открыт в 1972 г. при самом активном участии Государственного музея А. С. Пушкина (Москва), сотрудники которого С. Т. Овчинникова и Ю. Л. Керцелли стали авторами тематико-экспозиционного плана и художественного проекта музея. Его экспозиция рассказывала о пребывании Пушкина в Торжке и имении Полторацких Грузины, о связях поэта с семьей П. А. и М. С. Олениных, жившей в Торжке.

Уже в те годы родилась мысль создать в городе, где поэт всегда бывал лишь проездом, музей, рассказывающий о путешествиях в жизни Пушкина, о его частых поездках по тракту Петербург—Москва, об остановках

в Торжке, об отражении дорожных впечатлений в его творчестве. Тематико-экспозиционный план будущего музея был составлен С. Т. Овчинниковой.

В последующие годы сотрудники литературного отдела областного краеведческого музея и музея А. С. Пушкина в Торжке вели исследовательскую работу, тщательно комплектовали фонды.

Новая экспозиция в Торжке открыта к 180-летию со дня рождения Пушкина. Включая в себя большое количество разных тем, она объединена идейно и художественно единой темой — темой путешествия. Посетитель музея вместе с поэтом прощается с холодным Петербургом и отправляется в поездку по главному тракту России, дороге Радищева.

Зимний возок и полосатый верстовой столб, расписная дуга, валдайские колокольчики и красные ямщицкие кушаки создают в экспозиции музея образ дороги. Условный интерьер с простым крестьянским столом, непременно дорожной шкатулкой и дорожным сундуком помогают воссоздать уголок почтовой станции.

Центральное место в музее отведено материалам о пребывании Пушкина в Торжке, где он останавливался в гостинице Пожарского, бывал, как утверждает легенда, в доме Олениных на Ямской, в имени Грузины Новоторжского уезда.

Экспозиция прослеживает связи Пушкина с известными литераторами и художниками, в разное время жившими в Твери и Тверской губернии: П. А. Плетневым, И. И. Лажечниковым, Ф. Н. Глиной, О. А. Кипренским, Г. Г. Гагариным.

Завершается путешествие и экспозиция музея комплексом материалов о Москве, родине поэта, которую он любил и историей которой гордился.

В экспозиции использовано большое количество копий рукописей Пушкина. Это письма, в которых он говорит о тяготах пути, автографы произведений, навеянных дорожными впечатлениями.

В экспозицию включены подлинные экспонаты: карта почтовых дорог России (1813), генеральная карта Новгородской губернии (1821), план почтовой станции в с. Выдропужске (акварель первой половины XIX в.), «Русские экипажи» (акварель неизвестного художника; 1821), челобитная стольника С. Семенова об освобождении его по причине старости от службы в Торжке «на почтовом дворе у почтового дела» (1711), копия ревизских сказок с переписью ямщиков Пожарских (1834).

В создании экспозиции приняли участие сотрудники литературного отдела областного музея и торжокского музея А. С. Пушкина Л. А. Казарская, Г. М. Гречишкина, Г. В. Горох, Т. Е. Рыжикова. Художественный проект и оформление экспозиции принадлежат художникам Калининских художественно-производственных мастерских А. И. Боброву, И. С. Сурикову, Г. Н. Ореликову и Л. В. Фадееву.

В течение года пушкинские музеи области проводили большую исследовательскую и массовую работу. Научная работа была сосредоточена на темах: «Старицкое окружение Пушкина», «Гостиница Пожарского, дорожный быт первой половины XIX в.». Музеи приняли более 50 тысяч посетителей, проведено более 1500 экскурсий. Сотрудниками музеев прочитана 71 лекция, из них 48 — для тружеников села. В Бернове музеев совместно

со школой организовал два вечера памяти Пушкина: для школьников и взрослой аудитории. В программе — чтение стихотворений, музыкальные номера, инсценировки произведений Пушкина. На вечерах побывало все население Бернова, гости из Старицы.

Осенью 1978 г. в берновском парке от бури погибла сосна на горке Парнас, которой насчитывалось более 250 лет. По преданиям, живущим в Бернове, на Парнасе любил бывать Пушкин.

180-летие со дня рождения поэта отмечалось в Калининской области широко и торжественно. Это был уже девятый Пушкинский праздник на калининской земле. В области ему предшествовала Пушкинская неделя. Перед трудящимися выступили литературно-художественные бригады, в состав которых вошли калининские писатели и поэты, работники учреждений культуры и вузов, профессиональные и самодеятельные артисты.

В областной библиотеке им. Горького была открыта выставка «А. С. Пушкин в Тверской губернии». На ней были представлены книги, статьи, появившиеся в последние годы на эту тему, а также работы калининских художников, запечатлевшие пушкинские места области.

В музее М. Е. Салтыкова-Щедрина состоялась вечер-встреча с научными сотрудниками Государственного музея А. С. Пушкина (Москва) С. Т. Овчинниковой и Г. Г. Курочкиной, вечера-конкурсы для школьников «Наш Пушкин».

В выставочных залах музея была открыта выставка «А. С. Пушкин в иллюстрациях советских художников». Выставка, включающая работы художников — Н. В. Ильина, Т. А. Мавриной, Н. В. Горяева, Д. С. Громана, И. М. Валиулина и др., — состоит из четырех разделов: «Лирика А. С. Пушкина», «Роман „Евгений Онегин“», «Маленькие трагедии», «Сказки». Она дополнена предметами быта и мебелью эпохи.

Для участия в празднике поэзии в Калинин приехали поэты и писатели из Москвы и Tallина. Делегацию Союза писателей СССР возглавлял заместитель редактора журнала «Юность» А. Д. Дементьев. 1 июня в Калинин были возложены цветы к памятнику Пушкина в городском саду, состоялась встреча с читателями в Библиотеке им. Горького, в зале Областной филармонии был проведен литературно-художественный вечер, посвященный 180-летию со дня рождения Пушкина. Со словом о поэте выступила доцент кафедры русской литературы Калининского государственного университета М. М. Кедрова.

2 июня в г. Торжке гости приняли участие в возложении цветов к памятнику Пушкина, во встречах с трудящимися города, в литературных чтениях в городском Дворце культуры.

Завершился праздник большим народным гуляньем в Бернове 3 июня. Здесь к памятнику Пушкина возложили цветы член ЦК КПСС, первый секретарь обкома партии П. А. Леонов, члены бюро обкома, члены исполкома областного Совета, делегация Союза писателей СССР, представители общестственности Старицы и других районов области.

Праздник открыла первый секретарь Старицкого райкома КПСС З. И. Михайлова. Тепло встретила многочисленная аудитория выступления писателей и поэтов А. Дементьева, Л. Григорьевой, А. Пянова, Е. Храмова, Н. Злотникова, Г. Васильева. С большой речью выступил первый секретарь

обкома КПСС П. А. Леонов, сердечно приветствовавший участников праздника и подчеркнувший огромное значение наследия Пушкина в воспитании нового человека, творца и мыслителя. Завершился праздник в Бернове большим концертом, в котором приняли участие артисты Т. Тугаринова и Е. Райков. Второе отделение концерта развернулось сразу на нескольких площадках. Яркое впечатление оставил ансамбль песни и танца им. Локтева Московского городского Дворца пионеров и школьников, новоторжский ансамбль «Ленок», калининский — «Гверичане».

Народными гуляньями, праздничными концертами отметили Всесоюзный праздник поэзии жители поселка Погорелое городище Zubцовского района и села Никитское Калязинского района.

Л. А. Казарская

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1979 ГОДА

Под охрану государства взят Татартупский минарет в Северной Осетии, воспетый Пушкиным в поэме «Тазит».

(«Правда», 9 марта)

В Алма-Ате закончена работа над документальным фильмом «И назовут меня...» — о поездке Пушкина в Оренбург и Уральск осенью 1833 г. (режиссер И. Н. Верецагин).

(«Казахстанская правда», 25 марта)

В Москве в Большом зале Консерватории впервые прозвучал концерт для хора Г. Свиридова «Пушкинский венок» в исполнении Московского камерного хора под руководством В. Минина и Камерного хора г. Новосибирска под руководством Б. Певзнера.

(«Известия», 7 апреля)

В актовом зале Дома Союзов состоялся вечер «А. С. Пушкин и декабристы», организованный Московским городским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

(«Советская культура», 18 мая)

В Грозном состоялась научная конференция «А. С. Пушкин и культура Чечено-Ингушетии», организованная университетом и Чечено-Ингушским институтом истории, социологии и филологии.

(«Грозненский рабочий», 22 мая)

XIII Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии начался торжествами в Ленинграде. Вечер памяти поэта, состоялся в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР состоялось научное заседание, посвященное 180-летию со дня рождения поэта, на тему «Пушкин и Петербург». В программе праздника, проходившего во многих уголках страны, были выступления советских и зарубежных писателей, пушкинские спектакли и концерты, народные гулянья, научные конференции и выставки, открытие памятника Пушкину в селе Большое Болдино (скульптор О. К. Комов) и мемориальной доски в Москве на доме в Ворониковском переулке, где останавливался Пушкин во время своего последнего приезда в Москву. 6 июня состоялся митинг у памятника Пушкину в Москве и заключительный вечер в зале им. Чайковского.

(«Литературная газета», 6 июня; «Литературная Россия», 8 июня)

В Ужгороде состоялось торжественное открытие бюста Пушкина работы скульпторов М. Поповича и К. Лозового.

(«Закарпатская правда», 6 июня)

В Тбилиси состоялась всесоюзная научная конференция, посвященная 150-летию пребывания Пушкина на Кавказе. Конференция была организована Музеем дружбы народов и Главной редакционной коллегией по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии.

(«Заря Востока», 9 июня)

Завершено составление проекта реконструкции Литературного музея им. А. С. Пушкина в Вильнюсе.

(«Труд», 9 июня)

В Союзе писателей СССР состоялся очередной пленум совета по художественному переводу, посвященный 180-летию со дня рождения Пушкина. С сообщением на тему «Значение пушкинского творческого наследия для дальнейшего развития советской школы художественного перевода» выступил В. Ганиев. В прениях по докладу выступили писатели Москвы и Ленинграда, Белоруссии, Украины, Латвии, Литвы, Молдавии, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Эстонии.

(«Литературная газета», 27 июня)

В Ленинградском академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова состоялась премьера спектакля на музыку Андрея Петрова «Пушкин».

(«Известия», 30 июня)

В Музее этнографии народов СССР (Ленинград) открылась выставка работ мастеров Палеха, Мстеры, Федоскина «А. С. Пушкин в искусстве лаковой миниатюры».

(«Известия», 1 августа)

155-летию со дня приезда Пушкина в Михайловское были посвящены традиционные Михайловские чтения, организованные Музеем-заповедником А. С. Пушкина Псковской области.

(«Советская Россия», 22 августа)

В Государственном литературном музее (Москва) состоялась научная конференция на тему «Пушкин и его окружение в изобразительном искусстве».

(«Литературная газета», 24 октября)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Титульный лист французского издания повести Ф. М. Клингера «История о Золотом Петухе» (С. 76).
 2. Конверт, в котором хранились письма А. И. Бибикова к Д. И. Фонвизину, с пометой Пушкина («А. Бибиков»). (С. 138).
 3. Дарственная надпись Т. Киртона Пушкину на книге Жана де Лабрюйера «Характеры или нравы нашего века». (С. 144—145).
 4. Паламед объясняет искусство изобретенного им письма. Иллюстрация в книге П. Антоновича «Греческого языка начальное познание», имевшейся в библиотеке Пушкина. (С. 144—145).
 5. Титульный лист парижского шахматного журнала «Паламед», три номера которого сохранились в библиотеке Пушкина. (С. 145).
 6. Битва при Лесной. С картины П. Мартена-младшего. Гравюра Н. Лермесена (фрагмент). (С. 170).
 7. А. С. Пушкин. Автограф. «Арап Петра Великого». (С. 171).
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
С. К. Романюк. Пушкины в Москве в конце XVIII—начале XIX в. (По новым документальным данным)	5
Ю. М. Лотман. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе	15
А. П. Толстяков. Пушкин и «Конек-горбунок» Ершова	28
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1979 года	37
М. П. Алексеев . Заметки на полях. 6. Пушкин и повесть Ф. М. Клингера «История о Золотом Петухе»	59
III. ЗАМЕТКИ	
В. С. Листов, Н. А. Тархова. К истории ремарки «Народ без- молвствует» в «Борисе Годунове»	96
Я. Л. Левкович. Когда Пушкин уничтожил свои записки?	102
С. А. Фомичев. Об одном редакторском заглавии произведения Пушкина	106
Л. М. Аринштейн. Знакомство Пушкина с «сестрой игрока des eaux de Ronan»	109
Б. А. Кац. «Из Моцарта нам что-нибудь!»	120
В. Е. Багно. К литературным источникам «Дубровского» (драма Кальдерона «Поклонение кресту»)	124
К. А. Бойко. Древнеегипетские истоки одного из мотивов «Сказки о золотом петушке»	131
Р. В. Овчинников. О пушкинской публикации письма А. И. Би- бикова к Д. И. Фонвизину	136
А. А. Карпов. Об источнике стихотворения Гринёва	140
М. И. Перпер. Англичанин книготорговец, еще один знакомый Пушкина	142

С. А. К и б а л ь н и к. О стихотворении «Из Пиндемонти» (Пушкин и Гораций)	147
Л. А. Ч е р е й с к и й. Пушкин и Александр Гумбольдт	156
С. А. Р е й с е р. «Бурый волк»	157

IV. Х Р О Н И К А

Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1979 г.	160
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1979 г.	163
«В деревне, где Петра питомец...» (Дом-музей Ганнибалов в селе Петровском)	167
Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области в 1979 г.	171
Пушкинские музеи Калининской области в 1979 г.	175
По страницам газет 1979 года	178
Список иллюстраций	181

ПОПРАВКА

В предыдущем выпуске «Временника Пушкинской комиссии» (Л., 1981) на с. 104, 112—113 и 165 допущена ошибка в указании авторства портрета Д. В. Давыдова. В книге Д. Ровинского «Подробный словарь русских гравированных портретов» (СПб., 1886, т. 1, с. 639) под № 2 (а не 4) данный портрет значится как анонимный.

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
1979

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
АН СССР

Редактор издательства Г. Ю. Бергельсон
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор М. Н. Кондратьева
Корректоры А. И. Кац и Н. Э. Петрова

ИБ № 20282

Сдано в набор 28.12.81. Подписано к печати 18.08.82.
М-29334. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 11.5+
+1 вкл. (1/8 печ. л.). Усл. печ. л. 11.62. Усл. кр.-отг.
11.87. Уч.-изд. л. 14.52. Тираж 10050. Изд. № 8210. Тип.
зак. № 1056. Цена 90 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12